

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУВПО «МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ЗАПАД-ВОСТОК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

Йошкар-Ола, 2010

Основан в 2008 г.
Выходит один раз в год

ББК Ф2я53
УДК 32(1-15)=32(1-11)
3 300

Редакционная коллегия:

Г.В. Рокина
(главный редактор),
А.А. Ярыгин,
Г.Ф. Горбашова,
Т.Н. Иванова,

||| *Е.В. Колесова,*
Ю.С. Обидина,
М. Даниш
(Словацкая Республика),
Т.Г. Нефёдова

Рекомендовано к изданию
редакционно-издательским советом МарГУ

© ГОУВПО «Марийский государственный
университет», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий выпуск научно-практического ежегодника посвящен 65-летию со дня окончания Второй мировой войны, юбилею Победы над фашистской Германией. Эта тема является одной из важнейших тем истории XX века, в ней отражены наиболее сложные вопросы взаимосвязей Запада и Востока, она по-прежнему привлекает внимание ученых самых различных стран. В специальном разделе ежегодника публикуются исследования и документы, которые раскрывают новые, ранее неизвестные страницы войны. В первую очередь, это статьи, подготовленные на основе материалов Государственного архива Республики Марий Эл, Национального архива Республики Беларусь, интервью с участниками войны. Это работы преподавателей Марийского государственного университета Ю.Ю. Цыкиной, В.М. Новик, Т.Г. Нефедовой. В этом номере мы публикуем воспоминания о войне профессора Народного университета г. Берлина, долгие годы работавшего в сфере высшего образования Марий Эл – Павла Ванделя. Эту тему продолжает и научная хроника – информация о выставках ко дню Победы в Национальной библиотеке им. С.Г. Чавайна, подготовленная Представительством МИД России в г. Йошкар-Оле; рецензии академика К.Ф. Санукова на научные монографии казанских ученых, раскрывающих малоизученные проблемы участия представителей Поволжья и Приуралья во Второй мировой войне. Особое место в этом выпуске занимает публикация декана факультета начальных классов Марийского государственного университета Ф.В. Гинзбурга и его отца, ветерана войны, награжденного двумя орденами Отечественной войны первой степени, В.Я. Гинзбурга.

Первый раздел ежегодника «Статьи и сообщения», открывает статья доцента кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета Ю.С. Обидиной, посвященная одной из проблем ее докторской диссертации, которую она успешно защитила в этом году в диссертационном совете Нижегородского государственного университета, о судьбе одной восточной идеи на Западе. Здесь же публикуются исследование нашего коллеги из Чувашского государственного университета Р.А. Идрисова, раскрывающее некоторые вопросы аграрной политики в Царстве Польском. Славянскую проблематику продолжает статья члена редколлегии, профессора Университета им. Я.А. Коменского М. Даниша, опубликованная на словацком языке.

Англо-русскую проблематику, уже традиционную для ежегодника, продолжает аспирант, выпускник кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета А.Г. Туманов своей статьей об оценке англо-бурской войны в российской периодике.

Мы продолжаем сотрудничество с ученым из Италии В. Кейданом и публикуем результаты его исследования об одной необычной судьбе русского интеллектуала за рубежом.

Третий выпуск нашего ежегодника выходит под грифом Российского общества интеллектуальной истории, многие авторы и члены редколлегии – члены РОИИ. Это – Ю.С. Обидина, Г.В. Рокина, А.Г. Туманов. В номере публикуются

статьи членов Чебоксарского и Нижневартковского отделений РОИИ – Н.Н. Агеевой, Р.А. Идрисова и В.Н. Ерохина. Пользуясь случаем, редколлегия нашего ежегодника поздравляет доцента Нижневартковского государственного гуманитарного университета В.Н. Ерохина с успешной защитой докторской диссертации.

Раздел «Историография и методология» включает публикации на самые различные актуальные проблемы, которые объединяет их историографический и методологический подход к изучению вопросов истории Запада и Востока. Это публикации выпускника кафедры всеобщей истории и аспирантуры исторического факультета Санкт-Петербургского университета А.С. Тимофеева; доктора философских наук, профессора Владимирского юридического института А.С. Тимощука; доцента Нижневартковского государственного гуманитарного университета В.Н. Ерохина и профессора Марийского государственного университета Г.В. Рокиной.

В разделе «Публикации документов и материалов» размещены уникальные по своей научной значимости архивные материалы о позиции СССР накануне и на начальном этапе корейской войны 1950–1953 годов (Е.В. Колесова), а также отрывки из книги отзывов Американской национальной выставки в Москве в 1959 году (А.Е. Фоминых).

Редколлегия ежегодника выражает благодарность всем авторам данного выпуска и надеется на дальнейшее сотрудничество и расширение межвузовских и международных связей Марийского государственного университета.

Г.В. РОКИНА, главный редактор

Ю.С. ОБИДИНА

**УЧЕНИЕ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ДУШИ:
СУДЬБА ВОСТОЧНОЙ ИДЕИ НА ЗАПАДЕ**

Учение о душепереселении (лат. – *реинкарнация*; греч. – *метемпсихоз*) является собой один из вариантов представлений о бессмертии души и имеет достаточно широкое распространение в мировой культуре. Тем не менее, несмотря на универсальность этого учения, в нем отмечаются и некоторые феноменальные моменты, связанные с попыткой рационального объяснения бессмертия души.

За основу выдвигаемого нами положения мы взяли мнение М. Юлена, который считает, что «на Востоке мы имеем дело с антиподом западных представлений о реинкарнации, которые совершенно пренебрегают понятием освобождения и вкладывают все надежды именно в бесконечное продолжение череды перерождений¹. Другими словами, на наш взгляд, справедливо и обратное утверждение, которое мы ставим здесь целью доказать: в современной мировой культуре идея метемпсихоза рассматривается именно в качестве того положения, которое она выработала в античной культуре – с рациональных позиций обоснования идеи бессмертия души.

О том, что в идее реинкарнации действительно присутствуют рациональные моменты, свидетельствует и Б.М. Полосухин: «Хотя считается, что верование в реинкарнацию, в посмертное переселение душ – более примитивная вера по сравнению с христианским, например, посмертием, в ней присутствуют вполне рациональные, допускающие научное объяснение, элементы. Основной недостаток этого верования с материалистических, христианских позиций, да и вообще с позиции западного человека состоит в том, что личность после смерти как бы растворяется, и человек следующую жизнь проживает в облике другой личности»².

Закономерно встает вопрос об универсальности такого явления, как реинкарнация в мировой культуре. Мы не ставим здесь своей задачей дать на него убедительный ответ, поскольку единодушного мнения на этот счет среди исследователей не существует. Однако для пояснения нашей теоретической позиции приведем несколько примеров и мнений на этот счет.

Традиционно появление веры в переселение душ связывают с восточными верованиями, прежде всего, с индуизмом и буддизмом. Однако было бы не совсем верно связывать эти учения с надеждой на бессмертие. В частности, Б.М. Полосухин отмечает, что «следует признать, что верование в переселение душ в религиях региона Юго-Восточной Азии не является в смысле спасения слишком значимым элементом культуры этих народов. Возможность продолжения жизни в другом существе воспринимается в этих культурах как явление привычное, достаточно заурядное, в некоторых отношениях, может быть, даже нежелательное: в самом деле, чего хорошего, если в следующей жизни окажешься изгоем, бедняком, и, что

еще хуже, – животным или растением. Поэтому истинным спасением здесь считают не повторные рождения, а именно разрыв цепи повторных рождений (круга сансары) и переселение души на божественный уровень бессмертного существования, или переход в состояние нирваны – вечного небытия. Тем не менее, как бы там ни было с вопросом о бесконечной цепи реинкарнаций или ее разрыве, следует отметить, что вера в повторное рождение создает среди верующих в реинкарнацию более спокойное отношение к собственной смерти, чем это имеет место среди тех, кто исповедует единственность земного или вообще всякого существования»³.

Не все просто обстоит и с универсальностью этих представлений в различных культурах Востока. В частности, К. Клемен в своей известной работе «Жизнь мертвых в религиях человечества» замечает, «что в Ведах⁴, древнейшем памятнике индийской религиозности, а также в Брахманах⁵, которые сложились позднее Вед, учение о переселении душ еще отсутствует. Лишь иногда здесь речь заходит о том, что умерший вновь является в виде человека, животного или растения, однако это случается нерегулярно и далеко не всегда повторяется снова. И, напротив, в Книге законов Ману⁶, которая немного моложе Брахманов, всякая душа без исключений снова и снова входит в других людей, животных или растения»⁷.

Это подтверждает и А. Кураев: «Веды» не знают о перевоплощениях. Лишь спустя тысячелетие доктрина реинкарнации появляется в «Упанишадах». При этом все индийские философские и религиозные системы начали искать путь избавления от «колеса сансары», начали предлагать средства для устранения дальнейших перевоплощений⁸.

А. Кураев также отмечает, что «в шумерских и вавилонских текстах не только нет никаких упоминаний о реинкарнации или «карме», но весь строй их представлений о смерти несовместим с надеждами на реинкарнацию»⁹. Кроме того, и «наиболее архаическая индоарийская танатология не знает ни возвращения человека к жизни на земле, ни обещаний радостной «загробной жизни»¹⁰.

А. Кураев подчеркивает и то обстоятельство, что «ни один из древних памятников египетской истории не указывает на присутствие идеи реинкарнации в египетской религии. Египетская «Книга мертвых» говорит только о странствиях души в небесный мир. Реинкарнация была невозможна в религии, в которой столь значимое место уделялось сохранению тела и могилы в неистелении и неприкосновенности. В представлениях египтян связь погребенного тела и души человека оставалась тесно неразрывной. Сохранение земного тела было необходимо для того, чтобы человек в мире богов обрел тело духовно-преображенное, божественное»¹¹.

По мнению К. Клемена¹², на иудейской почве мы сталкиваемся не столько с собственно учением о переселении душ, сколько с верой в то, что умерший после смерти может вновь явиться в другом человеке, – впервые это воззрение встречается у Филона Александрийского. С точки зрения же А. Кураева, «невозможно оспаривать наличие учения о реинкарнации в современном иудаизме. Но она не вырастает из глубин религии Древнего Израиля. Скорее, она заимствуется из общей для поздней античности моды на пряности восточного производства»¹³.

Еще более сложным представляется вопрос о наличии учения о метемпсихозе в представлениях древних греков. Суть вопроса заключается в социокультурных

различиях этих верований. Исследовательский дискурс сосредоточился на трех основных положениях – принадлежит ли учение о метемпсихозе всей культурной традиции греков, или является лишь проявлением народных верований, либо, напротив, достоянием элиты.

В частности, К. Клемен отмечает, что идея метемпсихоза является этнокультурным компонентом в Греции. «Учение о переселении душ было известно не только в Индии, но и в Древней Греции, где оно возникло не под индийским или египетским влиянием (египтяне не разделяли этих воззрений), но, скорее всего вполне независимо»¹⁴. А. Кураев утверждает, что «греческая религия не знает переселения душ. Реинкарнационные мотивы появляются лишь у греческих философов»¹⁵. Другими словами, А. Кураев придерживается элитарной концепции в учении о переселении душ у древних греков.

У С. Рейнака мы находим прямо противоположное утверждение: «Представление о метемпсихозе, этом крайнем выводе тотемизма, существовало в Греции, как и в Индии, в виде народного верования; оно получило свое мистическое и поэтическое выражение в орфизме, а философское у пифагорейцев»¹⁶. И далее: «Посвящение в орфические мистерии имело целью избавить душу от «круговорота возродений»; эта мысль тождественна с буддистской, хотя и нет необходимости предполагать здесь влияния Индии на Грецию»¹⁷. Таким образом, С. Рейнак приписывает учение о метемпсихозе всем социокультурным группам в Греции.

В фундаментальной работе П. Милославского метемпсихоз признается универсальным фактором в культуре. Тем не менее, он подчеркивает, что «сколько можно думать, оригинальные и заимствованные элементы учения о душепереселении у греков в первый раз получают ясное выражение и дальнейшее развитие в орфических мистериях»¹⁸. Таким образом, он отрицает универсальность представлений о метемпсихозе в традиционной античной культуре.

Профессор М.П. Нильссон придерживается мнения, что именно из народных верований идея метемпсихоза проникла в философские системы¹⁹. Другими словами, мнения на этот счет в исследовательской среде разделились. Тем не менее, по определению П. Милославского, «несмотря на столь очевидную популярность, душепереселение окончательно не утвердилось в греческой культуре, хотя постоянно присутствовало в качестве незримого духовного фона, и положило начало рациональному объяснению идеи бессмертия души»²⁰.

Рассматривая учение о перевоплощении в его культурной динамике с точки зрения рационального обоснования идеи бессмертия, необходимо сформулировать определение метемпсихоза.

П. Милославский дает следующее определение душепереселения: «Под душепереселением или метемпсихозом (*μετεμψύχωσις*) понимается верование и учение, по которому душа после своего расставания с телом продолжает свое существование в более или менее продолжительном ряде странствований и переселений либо на земле, либо под землей, либо над землей. В первом случае, то есть в своем странствовании на земле, душа переселяется в тела других людей, в животные, растения, и даже неодушевленные предметы. Во втором случае, то есть во время странствования под землей, душа, имея некоторого рода материальную оболочку, проходит различные области подземного мира и оттуда, в зависимости от своего нравственного достоинства, начинает странствование третьего рода, в котором она, по мере своего восхождения из низших сфер в высшие области звездного

и эфирного пространства, сбрасывает с себя все материальное и, таким образом, очищаясь от зла, имманентного по древним представлениям материи, вытекает в мир горний, где в вечном и негасимом свете бытия совершенства царствует высочайшее божество, высочайший Разум, мировой Дух, с которым душа и сливается, исчезая в неведомых пространствах и недостижимых глубинах бытия»²¹.

Если собрать и объединить общие черты верования и учения о странствии и переселении душ у греков, то мы можем выделить следующие моменты:

1. Встречаются более или менее ясные следы представлений, что души умерших, как демонические существа, странствуют с одного места на другое и пользуются жертвенными приношениями от живых.

2. В более развитом и ясном виде оказывается представление об определенных жилищах умерших, куда души отправляются как в обыкновенное путешествие, переходят мосты, переплывают реки и, достигнув места, ведут жизнь соответственно с чувственными представлениями о наградах и наказаниях.

3. Со всеми подобными представлениями соединяется верование и учение о странствиях и переселении душ под землей, в подземном мире, на земле, в животные, растительные и неодушевленные предметы и над землей, в эфирном пространстве неба до соединения с богами, или даже с единым Божеством. Здесь душепереселение не только имеет определенную цель – достижение конечного блаженства, а получает ясное и вполне развитое значение очистительного процесса.

Все указанные виды душепереселения большей частью встречаются все вместе во взаимосвязи и происходят последовательно, один за другим, причем конечной целью всех странствований всегда остается Небо, бесконечное лоно Бесконечного.

В рамках данной статьи мы не имеем возможности коснуться истоков представлений о душепереселении у греков. Отметим лишь, что идея душепереселения присутствует уже в греческих мистериях. Странствие и переселение душ у греков, как и у других древних народов, было первоначальной формой представлений о посмертной жизни души.

К. Клемен называет следующие причины возникновения веры в переселение душ:

1. Человек мог прийти к этой идее от наблюдений за внешним сходством между предками и потомками.

2. Идея перехода души умершего в зверя связана с тем, что человек в ранние времена не проводил принципиального различия между человеком и зверем, а также между человеком и растением, человеком и камнем.

3. Глубочайшая причина этой веры состояла в том, что человек не мог представить себе бестелесную душу – и потому заставлял ее снова и снова воплощаться²².

По мнению Р. Доддза, с точки зрения морали, «идея реинкарнации дает возможность более удовлетворительного разрешения позднее-архаической проблемы божественной справедливости, чем это позволяла сделать концепция наследственной вины или посмертного наказания в загробном мире. В условиях возмраставшей эмансипации индивида, его ухода из круга древней семейной солидарности и роста правосознания как отдельного «лица», «персоны», обладающей самостоятельными правами, положение о неотвратимом наказании за чужие грехи становится неприемлемым. Как только гражданский закон признал, что человек

несет ответственность только за свои собственные поступки, божественный закон должен был неминуемо рано или поздно сделать то же самое»²³. Что же касается посмертного наказания, то, конечно, оно хорошо объясняло, почему боги допускают успех грешников в этой жизни и как они карают их потом. Новое учение лишь довело данное положение до совершенства, используя сюжет «путешествия в загробный мир», чтобы сделать ужасы адских мук реальными и оказывающими сильное воздействие на воображение. Но идея посмертного воздаяния не объясняла, почему боги не замечают человеческих страданий, а особенно – страданий невинных. Идея же реинкарнации это объясняла. Согласно ей, нет невинных человеческих душ: все человеческие души несут расплату, хотя и в разных условиях, за преступления, совершенные в прошлых жизнях. Все страдания, в этом или ином мире – это лишь одна из сторон длительного процесса воспитания души, высшим этапом которого является полное освобождение человеческой самости из круга смертей и рождений и ее возвращение к божественному первоисточнику. Только так, в этом космическом круговороте, может полностью реализовать себя древнее представление о справедливости, справедливости в архаическом смысле, согласно которому «всякое действие влечет за собой страдание».

Таким образом, идея душепереселения в греческой культуре функционировала в качестве очистительного процесса, то есть была связана с посмертным воздаянием. Отсутствие определенных свидетельств относительно учения о душепереселении у греков могло зависеть от различных факторов. Е.Р. Доддз считает, «что, сосредоточившись в мистериях, идея метемпсихоза не проникла в народные массы, но не потому, что была чужда греческому мировоззрению, а потому что сама специфика мистерий не позволяла сделать этого. В произведениях изящной литературы и на барельефах большей частью проходят общеизвестные народные взгляды на посмертную жизнь, укоренившиеся на почве греческого миросозерцания»²⁴. На наш взгляд, более убедительным выглядит следующее объяснение. В греческой культуре существовала генезисная непрерывность религиозно-нравственных идей, и сакрально-символическое знание мистерий было воспринято рациональным мировоззрением. Поэтому идея душепереселения получила дальнейшее развитие уже в философских системах, и ее распространение ограничилось только кружками философски образованных людей. Таким образом, на определенном этапе древнегреческой истории и культуры учение метемпсихоза представляло собой элитарную концепцию бессмертия, доступную лишь образованной элите.

Античная культура оставила представления о реинкарнации в наследство христианской эпохе. А. Кураев считает, что «ни у кого из ранних христианских писателей не было симпатий к идее реинкарнации»²⁵. Однако традиционное мировоззрение мыслит прецедентами, прототипами. Оно стремится поместить новые явления в систему уже сложившихся координат. Как объяснить тот факт, что впоследствии учение о метемпсихозе вновь являет собой универсальный культурный фактор?

Действительно, как отмечает К. Клемен, «позднее учение о переселении душ всплывает не только в иудейской Каббале (допускавшей реинкарнацию в зверей, листья и камни), но и в различных христианских кругах – в гностицизме у василидиан и карпократов²⁶, а также у елкеситов²⁷ и манихеев²⁸, и даже у Оригена»²⁹.

Идеи душепереселения в средние века продолжают жить в учении катаров, которые полагали, что души тех, кто не присоединится к их секте, после смерти перейдут в зверей. Учение о переселении душ, как веру в повторное воплощение души в другом человеке, мы находим у Джордано Бруно, Шлоссера и в трактате Д. Юма «О бессмертии души», в котором учение о переселении названо единственной системой такого рода, достойной внимания философа.

Религиозно-идеалистическое учение о перевоплощении имеет достаточно много разновидностей. Интересное развитие этого учения было предложено русским философом Н.О. Лосским³⁰. Согласно его учению, суть личности определяется так называемым субстанциональным деятелем, имеющим сугубо духовную, нематериальную природу. После смерти человека его субстанциональный деятель пускается в «свободное плавание» и через некоторое время «строит» для себя новое тело. Здесь очень важное отличие от традиционного религиозного истолкования реинкарнации, при котором душа переселяется из одного тела в другое: у Н.О. Лосского нет переселения, но есть возникновение – возникновение нового тела.

Различные учения о реинкарнации всячески стараются подчеркнуть определенную личностную преемственность от одного воплощения к другому, однако наряду с утверждением, что прошлые жизни в основном забываются.

Личностное содержание в основном передается не от личности к личности, как в «классической» реинкарнации, а интегрально от личностей в социум, а затем из социума индивидуально в каждую личность.

Подводя общий итог, следует подчеркнуть, что идея реинкарнации действительно является универсальным фактором в культуре, но, вместе с тем, имеет свою феноменальную специфику, которая нашла отражение в динамике европейской культуры. Европейский, «западный» вариант представлений о реинкарнации, по убеждению М. Юлена, «совершенно пренебрегает понятием освобождения и вкладывает все надежды именно в бесконечное продолжение череды перерождений»³¹.

Реинкарнация сегодня – это уже не просто предмет веры, но и непосредственный опыт. Разработка этой концепции связана с работами Р. Моуди. На основе учения о душепереселении складывается и учение Р.Л. Хаббарда.

В исследованиях Р. Моуди собраны свидетельства людей, перенесших клиническую смерть. Из них следует, что люди, побывавшие по ту сторону жизни, переживали события иной реальности. Тем не менее, сам Моуди в заключение своего труда пишет: «Если все, что здесь обсуждалось, реально, то это не может не иметь огромного значения для каждого из нас. Тогда поистине выходит, что мы не можем полностью постичь ту жизнь, не бросив взгляд на то, что лежит за ее чертой»³².

Как отмечает тот же М. Юлен, «перерождение – с одной стороны, концепция единственной и уникальной жизни – с другой, ни в коей степени не является теориями реальности, стремящимися к ней приблизиться через рассуждение и опыт, что бы сделало их доказуемыми или опровергаемыми с точки зрения тех же источников познания. Это коллективные ментальные конструкции, которые предшествуют нашему восприятию времени и вставляют его в определенную рамку, стремясь при этом не замечать или отодвигать в сторону любой факт, который им противоречит.

Идея перерождения может заставить признать себя только в том случае, если сумеет стать естественным горизонтом нашего осознания времени. В качестве же чисто интеллектуальной конструкции она несостоятельна и даже опасна»³³.

Примечания

- ¹ Юлен М. Идея переселения душ в XXI в., или будущее одной иллюзии // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 53.
- ² Полосухин Б.М. Смерть и вечная жизнь // Идея смерти в российском менталитете. СПб., 1999. С. 89.
- ³ Полосухин Б.М. Указ. соч. С. 90.
- ⁴ Веды – памятники древнеиндийской литературы (конец второго – начало первого тысячелетия до н. э.), включающие в себя сборники гимнов и жертвенных формул (Ригведа и др.), теологические трактаты (Брахманы и Упанишад).
- ⁵ Брахманы – священные книги (VI–VIII вв. до н. э.), дополняющие Веды и содержащие описания ритуала ведической религии.
- ⁶ Книга законов Ману – наиболее известная из Дхармашастр – сборников предписаний, регламентирующих поведение индийца в соответствии с религиозными догматами брахманизма. Предписываются мифическому прародителю людей – Ману.
- ⁷ Клемен К. Жизнь мертвых в религиях человечества. М., 2002. С. 41–42.
- ⁸ Кураев А. Раннее христианство и переселение душ. М., 1998. С. 28.
- ⁹ Там же. С. 26.
- ¹⁰ Там же. С. 27.
- ¹¹ Там же. С. 19.
- ¹² Клемен К. Указ. соч. С. 48.
- ¹³ Кураев А. Указ. соч. С. 37.
- ¹⁴ Клемен К. Указ. соч. С. 48.
- ¹⁵ Кураев А. Указ. соч. С. 29.
- ¹⁶ Рейнак. Орфей. Всеобщая история религий. Вып. 1. М., 1919. С. 131.
- ¹⁷ Там же. С. 131.
- ¹⁸ Милославский П. Древнее языческое учение о странствиях и переселении душ и его следы в первые века христианства. Казань, 1873. С. 181.
- ¹⁹ Нильссон М.Л. Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 76.
- ²⁰ Милославский П. Указ. соч. С. 183.
- ²¹ Там же. С. 185. П. Милославский, ссылаясь на Крейцера, также отмечает, что некоторые называют метемпсихозом только тот род душепереселения, в которых душа не переходит в другие тела, а только устремляется в горний мир к слиянию с Божеством, в отличие от метенсоматоза (*μετενσωμάτωσις*), в котором душа, в зависимости от своих нравственных качеств, переходит в тела растений и животных. См.: Creuzer. Symbolik und Mythologie. В. I. S. 137.
- ²² Клемен К. Указ. соч. С. 42.
- ²³ Доддз Е.Р. Греки и иррациональное. СПб., 2000. С. 157.
- ²⁴ Там же. С. 159.
- ²⁵ Кураев А. Указ. соч. С. 159.
- ²⁶ Согласно учению Карпократы, если человек умирает в состоянии ненависти, его душа вновь воплощается в человеческую форму.
- ²⁷ Елкесаиты – иудео-христианская секта II–III вв. в Палестине и Сирии. Сын Божий представлялся елкесаитам не сыном в собственном смысле слова, но сотворением Бога – ангелом и повелителем ангелов, многократно на протяжении человеческой истории воплощавшимся в человеческой форме (первое из этих воплощений – Адам).
- ²⁸ Манихейство – направление в христианстве, возникшее в III в. Проповедовало дуализм, разделяя мир на сферы влияния Бога (свет, знание, дух, душа) и дьявола (тьма, невежество, материя, плоть).
- ²⁹ Клемен К. Указ. соч. С. 49.
- ³⁰ Лосский Н.О. Учение о перевоплощении. Интуитивизм. М., 1992.
- ³¹ Юлен М. Указ. соч. С. 53.
- ³² Моуди Р. Жизнь после жизни. Исследование феномена выживания после физической смерти. Л., 1992. С. 89.
- ³³ Там же. С. 60.

**АМЕРИКАНСКАЯ «АРИСТОКРАТИЯ» В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ
ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ЮЖНЫХ КОЛОНИЙ АНГЛИИ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ**

Колониальная политика английских Стюартов по формированию крупной помещной собственности и насаждение квив-ренты в центральных и южных колониях в Северной Америке привели к тому, что ко второй половине XVII века здесь начинает формироваться своего рода высшая «аристократия». Этот термин получил широкое распространение как в американской, так и в отечественной историографии. Как правило, он берется в кавычки. Это связано с тем, что сравнивать американское общество колониального периода с классической феодальной лестницей действительно нет оснований. Однако хотелось бы напомнить, что в этом и нет необходимости. Общество переходной эпохи в действительности уже не имеет четко выраженной феодальной структуры, хотя и сохраняет вековые традиции, чего не было в ранней американской истории. Внутри такого общества сами рамки, разграничивающие классы и социальные группы, сильно размыты, происходит внутренняя диффузия, которую можно проиллюстрировать классическим примером броуновского движения. Старые традиционные классы, приходя в движение, размываются, все сильнее заявляют о себе внесистемные группы. Так, в стране, классической для отечественной историографии – Франции, к этому времени уже почти везде отсутствовала личная зависимость крестьянства, дворяне практически не вели самостоятельного хозяйства, значительная, если не большая их часть осела в городах, прежде всего в Версале и Париже. Их поместья переходили в руки «генеральных фермеров» и горожан, росло дворянство мантии, укреплялись позиции торговцев и мануфактурщиков. Вместе с тем французское дворянство опиралось на феодальную традицию и экономическую власть, продолжало удерживать и политическую власть¹.

Европейско-североамериканский постфеодализм не имел собственно американской феодальной традиции, но опирался на предшествовавший ему английский вариант, прежде всего в лице монархии. Стюарты, много сделавшие для его насаждения на американской земле, дали толчок и к развитию местной аристократии, прежде всего в центральных и южных колониях. По мнению Э. Иванса, к началу XVIII века эти фамилии уже окончательно оформились как аристократия и обладали огромным влиянием². В Вирджинии это были Бланды, Барвеллы, Картеры, Ли, Рэндольфы. В Нью-Йорке – Моррисы, Робинсоны, де Ланси, Джонсоны; в Мэриленде феодальную иерархию по-прежнему возглавляли Балтиморы, в Каролинах – Лукасы, Гренвилли, Маниголты.

О неоднородности колониального общества, наличии здесь различных классов и социальных групп говорят, прежде всего, современники. В докладе «Взгляд на провинцию и правительство Вирджинии», поданном на высочайшее рассмотрение тремя вирджинскими авторами – Хартвсллом, Блеиром и Чилтоном, говорится, что в колонии существует сословное разделение населения. На вершине пирамиды находятся плантаторы-аристократы, вторую группу составляют торговцы и купцы, а внизу – «свободные люди» – фримены, мелкие плантаторы, ремесленники³. Авторы не включают сюда сервентов и рабов, видимо, не считая их за людей.

Лейтенант-губернатор Нью-Йорка К. Коулден, анализируя классовую структуру колонии к 1765 году указывает, что народ Нью-Йорка делится на следующие категории: 1) собственники больших поместий, которые жалованы им от имени короля. Автор отмечает, что размеры маноров достигают огромных цифр: от 100 тыс. до 1 млн акров; 2) «джентльменов-юристов», своеобразное «дворянство мантии»; 3) торговцы и купцы, которые, по мнению автора, составляют «третий класс, разбогатевший благодаря расторопности к счастью в торговых сделках, особенно в минувшую войну»; 4) низшие сословия образуют фермеры и ремесленники⁴.

Как и его предшественники, Коулден не включает в социальную структуру сервентов и рабов, что само по себе достаточно красноречиво. Ведь сервенты и рабы составляли примерно четверть колониального населения. Могущественную «группу» лендлордов-аристократов в Северной Каролине выделяет В. Бирд II, отмечая их высокое экономическое и политическое положение в обжитых районах Каролины⁵. Классическими колониями, где сословность выразилась наиболее ярко, стали Вирджиния, которую первый биограф Патрика Генри Вирт назвал аристократической, и Нью-Йорк. Основой могущества здешних аристократов было крупное землевладение. Как отмечает Э. Иванс, практически все семейства «высшего света» Вирджинии – Ли, Рэндольфы, Картеры – были связаны «с землей и арендаторами»⁶. Роберт Картер, по прозвищу «Король», владел в графстве Ланкастер 300 тыс. акров земли, 1000 рабов, которые трудились на 46 плантациях. В его «родовом» поместье работали 17 кабальных слуг и 33 раба. Его внук Роберт владел 60 тыс. акрами земли в Вирджинии и Мэриленде, кроме того, в его собственности были и железные рудники. У Джона Кастиса было 15 тыс. акров земли, Ф. Лудвилла – 10 тыс. акров, собственность в Джеймстауне и Вильямсбурге, 164 раба, значительное количество скота и овец⁷. Были, конечно, и исключения. Так, семейство Нельсонов разбогатело на торговле, но и они были крупными земельными собственниками. В Нью-Йорке о размерах земельной собственности лендлордов говорят счета, которые были представлены лоялистами, потерявшими свои маноры в ходе революции. «Сэр Джонсон оценил свои конфискованные земли и имущество в 183 тыс. фунтов стерлингов, а сэр Дж. Джонсон – в 103162; О. де Ланси потерял собственность стоимостью почти в 109 тыс. фунтов стерлингов; у У. Вайарда конфисковали земли и имущество, оцененное в 75 тыс. фунтов стерлингов; от 53 до 100 тыс. оценивалось протянувшееся по берегу реки на 24 мили поместье Ф. Филиппса; Б. Робинсон и Р. Моррис подали британскому правительству прошения о компенсации им за имущество стоимостью соответственно 79980 и 68384 фунтов стерлингов»⁸. В их владениях трудились сотни сервентов и арендаторов. Только в манорах четырех крупнейших лендлордов Р. Морриса, В. Робинса, Де Ланси, владельцев «Филиппсбург Манор», трудились 80–90 % всех арендаторов графств Датчес и Уэстчестер. По свидетельству Уота, графства Олбени, Датчес и Уэстчестер находились в вассальной зависимости от своих лендлордов⁹.

Некоторые лендлорды имели дворянские титулы, в основном это были бароны и баронеты, но большинство подчеркивало свою социальную обособленность званиями «эсквайр» или «джентльмен». Почетный титул «эсквайр» означал, что его владелец находится на службе у короля и владеет своим поместьем по праву королевского пожалования. Титул давался за службу или передавался по наследству. Плантатор мог разориться, впасть в крайнюю бедность, быть обременен долгами,

но не терял права называться «джентльменом». Как подчеркивал Дж. Маури, «только лишь собственность еще не дает права называться джентльменом»¹⁰. Например, хотя Д. Френч был одним из наиболее богатых землевладельцев графств Вилльям, он не считался джентльменом, так как не унаследовал это звание. В то же время Джон Бэйтс, хотя и был в три раза беднее, назывался джентльменом, что связывалось с общественной службой, а разорившийся М. Пендж по-прежнему считался им, унаследовав титул от отца¹¹. В Нью-Джерси джентльменом считался тот, кто имел жалованное землевладение хотя бы и небольшое – до 400 акров.

Для американской аристократии на протяжении XVIII века была характерна замкнутость. Число «аристократических семейств» не превышало 100. Опираясь на «Основные законы», опубликованные Локком для Каролины, местная знать всячески стремилась ограничить смешение с «простолюдинами». Образцом для подражания служило английское дворянство. Дети богатых плантаторов получали образование в английских университетах и закрытых учебных заведениях, усваивая образ жизни своих английских «кузенов»: скачки, охота, стремление к роскоши. Характеризуя окружающую элиту, Джон Вейлис писал накануне революции, что она, богатея за счет труда сервентов и рабов, «погрязла в роскоши», конечно, в американско-пуританском значении этого слова: «Еще в 1740 году долг в 1 тыс. фунтов стерлингов считался бедствием, теперь же задолженность в 10 раз большая воспринималась как пустяк, не стоящий внимания. Конечно, их доходы возросли с того времени. Но сейчас роскошь и безумное расточительство шагают рука об руку. В 1740 году я не помню, чтобы видел где-нибудь ковер, исключая маленькой полочки в спальне. Теперь же повсюду персидские и азиатские ковры, изящная французская мебель во всех комнатах и всестороннее проявление богатства»¹².

Как уже отмечалось выше, американские аристократы, так же, как и их неизмеримо более родовитые английские и французские собратья, постепенно попадали в финансовую задолженность от купцов и банкиров. К этому их толкали монокультурность поместий, тяга к роскоши, стремление к выделению в обществе, где «джентльмен не занимается трудом и торгашеством». Надеясь на свои земельные владения, лендлорды все глубже залезали в долги ради дорогих вин и охотничьих ружей, мебели и ковров. Стоило только упасть цене на землю, как это произошло в 1770 году, или на табак, господствовавший на южных плантациях, как наступало отрезвление. Например, крупный вирджинский плантатор В. Бирд III оказался должен английским купцам 100 тыс. фунтов стерлингов, Т. Райт – джентльмен из графства Ричмонд, обладая 3 тыс. акрами земли, стал несостоятельным должником, а в целом, как отмечает Иванс, плантаторы одной только Вирджинии задолжали английским торговым домам от 2 до 3 млн фунтов стерлингов¹³. Т. Джеферсон так писал о задолженности плантаторов: «Эти долги стали передаваться по наследству от отца к сыну на протяжении уже многих поколений, а плантаторы – в своего рода собственность, закрепленную за определенными торговыми домами в Лондоне»¹⁴. Огромная финансовая задолженность не вела к автоматическому банкротству плантаторов, оно было бы и невыгодно английским купцам, но вела к окончательному превращению американского фольварка в сырьевой придаток экономики метрополии. Долги Англии имели определенное революционизирующее значение для некоторой части плантаторов, видевших в будущей революции возможность одним махом покончить с экономической зависимостью от английских торговых домов.

Колониальная олигархия играла важную роль и в политической жизни Английской Америки. Ее малочисленность не означала бессилия. Лендлорды и их ставленники «доминировали в церквях и молельных домах, судах графств и административных органах. Экономическое благосостояние лежало в основе их сильнейших политических позиций, их влияние сгущалось на каждом уровне социальной структуры общества, в каждой области ее функционирования»¹⁵. Практически всем ассамблеям центральных и южных штатов: Нью-Йорка и Нью-Джерси, Нью-Гемпшира и, особенно, Вирджинии, Мэриленда и обеих Каролин, был свойствен олигархический характер. По подсчетам Дж. Мейна, практически вся административная власть в центральных и южных колониях в XVIII в. оказалась в руках плантаторской и отчасти торговой олигархии, которая в процентном соотношении насчитывала не более 10 %¹⁶.

Своя аристократия, ориентирующаяся на каролинских лендлордов, накануне революции начинает формироваться и в Джорджии. Так, если еще в первой половине 1750-х годов можно было назвать богатыми лишь считанные единицы, то накануне революции губернатор колонии и члены совета колонии владели почти 1 тыс. рабов и обширными земельными владениями¹⁷.

Приобщение к власти становится необходимым правилом для отпрысков богатых семей. Сначала молодой аристократ получал необходимое образование в Европе или дома, затем занимал пост в судах графств или ополчении и, если достаточно хорошо себя зарекомендовал, он мог рассчитывать на избрание в Ассамблею. Показательной здесь может быть карьера одного из самых известных американцев, Т. Джефферсона, наследника довольно крупного состояния в 7 тыс. акров и 60 рабов. Он удвоил свое состояние после удачной женитьбы. В 26 лет был избран барджессом (членом нижней палаты Ассамблеи) от своего графства Олбемал, причем начал свою политическую карьеру не из честолюбия, а руководствуясь принципом «благородство обязывает».

Будущий автор «Декларации независимости» и третий президент США накануне революции готовился не к суровым революционным боям, а собирался прожить спокойную и насыщенную жизнь джентльмена – богатого плантатора, депутата Ассамблеи, полковника ополчения графства. Дж. Т. Адамс пишет, что вплоть до революции общественная жизнь в своей государственной основе была уделом аристократов: «Джентри – лучшие люди» – имели все преимущества в борьбе за власть. Как правило, они и не имели отношения к реальной борьбе за нее»¹⁸.

Государственная власть была важным барьером, который отделял «аристократов» от простолюдинов. Они могли терпеть присутствие в Ассамблеях и судах богатых купцов и работоторговцев, с которыми многие находились в деловых, а то и семейных связях, но не «оборванцев». Определенную роль здесь играли связи и образование, но важнейшим барьером, преграждавшим выходцам из народных масс путь наверх, был имущественный барьер. В большинстве южных колоний, например, право голоса имел лишь владелец участка не менее чем в 50 акров земли – в Мэриленде – с 1078 года, в Каролине – с 1752 года, Джорджии – с 1761 года. Что касается Вирджинии, где долгое время правом голоса обладали все, кто имел хоть какую-либо собственность, то по настоянию горожан, где большинство уже давно составляли плантаторы, в 1730 году был принят новый закон, по которому правом голоса обладал уже собственник 100 акров необрабатываемой земли или, как минимум, действующей плантации в 25 акров¹⁹.

Феодальный принцип соответствия главенства в сословной иерархии и в органах власти поощрялся английскими монархами. В «Инструкциях королевским губернаторам» прямо указывается, что «на государственную службу должны назначаться люди, доказавшие преданность нашему правительству, лучшего происхождения и способностей и ни в коем случае из бедняков или должников...»²⁰. Анализ состава колониальной Ассамблеи Нью-Йорка, проведенный Дж. Т. Майном, показывает, что это монаршее волеизъявление проводилось в этой колонии с блеском: 14 % законодателей располагало «умеренным состоянием (их имущество оценивалось в сумму от 500 до 2 тыс. фунтов стерлингов), 43 % членов легислатуры были собственниками земли и имущества стоимостью от 2 до 5 тыс. фунтов стерлингов, а 43 % обладали имуществом, стоимость которого превышала 5 тыс.»²¹. В целом, крупные лендлорды и их родственники контролировали до 80 % всех ответственных постов в колонии. В Английской Америке происходил постоянный круговорот должностей, как некогда в клерикально-олигархическом Массачусетсе. Там, где имела процедура выборов, плантаторы заставляли зависимых в экономическом отношении арендаторов голосовать в нужном для них направлении. Если же был высок процент свободных фермеров, то джентльмены использовали разлагающее влияние спиртных напитков и другие средства такого же свойства. Использование спиртного в качестве решающего аргумента в пользу кандидата стало своеобразной традицией американской политической жизни на долгие годы. Так, будущий президент США А. Линкольн, начиная свою политическую кампанию, угощал своих избирателей сидром, а одиннадцатый президент Дж. Полк не любил, когда ему напоминали, что первая предвыборная кампания в его жизни стоила ему 23 галлона виски, бренди и сидра²².

Американская олигархия оказывала свое политическое влияние не только на низы, но и на верхи колониальной пирамиды, включая и саму королевскую власть. В идеале губернаторы колоний, выступая полномочными представителями короля или собственника, обладали огромными привилегиями. Они определяли порядок голосования, созывали Ассамблеи, должны были обеспечивать соблюдение законов империи. Они могли накладывать вето на решения Ассамблей, назначали чиновников, присваивали в качестве главнокомандующих чины и звания (до полковника). Они были уполномочены жаловать от имени короля или собственника земельные наделы повсюду; за исключением колонии Новой Англии. Однако зачастую и власть без опоры на местную аристократию была просто эфемерной. Ведь, как правило, жалование определялось местной ассамблеей, очень часто они сами были крупными земельными собственниками и сотнями нитей были связаны с местной аристократией, поэтому они сквозь пальцы смотрели на захват лендлордами новых земель, укрепление ассамблей. Не случайно истинными вершителями дел в колонии были не столько губернаторы, а «Бирды, Картеры, Фицхью и Ли, представлявшие лучшие фамилии Чесапикского залива, так же как и родственные им Пинкни и Рутленды в Южной Каролине, де Ланси и Ливингстоны в Нью-Йорке, Хатчисоны и Оливеры в Массачусетсе»²³.

В случае, если губернаторы очень сильно наступали на интересы лендлордов, те, часто используя в качестве движущей силы фермерское движение, как правило, добивались снятия губернаторов. Так, например, в Южной Каролине крупные плантаторы возглавили в 1729–1730 гг. борьбу против собственников колонии, добились снятия губернатора Джонсона и перехода колонии под власть короля,

что способствовало росту их влияния как в экономической, так и в политической жизни колоний. Крупные плантаторы Джорджии добились в 1752 году отмены закона о запрещении рабства в этой колонии. На протяжении всех двадцати лет губернаторства Оглеторпа они фактически вели борьбу против него, добиваясь перехода под власть короны ранее положенного срока. Аристократы Мэриленда, опираясь на широкое движение фермеров и арендаторов, сместили губернатора Джеффера, и, в конечном итоге, в конце XVII в. Чарльз Балтимор лишился политических привилегий. Правда, в 1715 г. его сын Бенедикт Леонард был восстановлен в своих феодальных правах, отрекшись от веры отцов и перейдя в англиканство²⁴.

Политическое господство земельной «аристократии» было важным внутренним фактором. С одной стороны, оно сдерживало, а затем и практически ликвидировало частнособственнические амбиции лордов-собственников колоний, чем и закрепляли здесь королевскую власть. Общеизвестно, что до «великого пробуждения» 60-х годов XVIII в. колонисты выступали с ярко выраженными монархическими и лоялистскими позициями. С другой стороны, земельная «аристократия» не препятствовала участию свободных фрименов, фригольдеров и ремесленников в выборах в Ассамблеи. Право голоса для подавляющего большинства на практике означало лишь возможность для них раз в три года решать, кто из лендлордов и новоявленных богачей будет решать их судьбу. Политическая монополия «аристократов» служила опорой английским войскам в подавлении фермерских движений, начиная с восстания Бэкона и кончая движением регуляторов в Каролине.

Примечания

- ¹ *Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции. Л., 1989. С. 13–27.
- ² Evans Em. *The Rise and Decline of the Aristocracy in the 18 Century.* Chappel Hills, 1975. P. 58.
- ³ *The Colonial Horison: America in the Sixteenth and Seventeenth Centuries / Ed. by W. Goetzmann.* Boston, 1969. P. 142–143.
- ⁴ *Colonial America, 1607–1776.* Ed. by L. Donald. Saint Louis, 1973. P. 21–22.
- ⁵ *Idid.* P. 20.
- ⁶ Evans Em. *Op. cit.* P. 62.
- ⁷ *Brown R., Brown K.* Virginia 1705–1786: Democracy or Aristocracy? East Lansing, 1964. P. 36.
- ⁸ Цит. по: *Ушаков В.А.* Американский лоялизм: Консервативное движение и идеология США в 1760–1780-е годы. Л., 1989. С. 35.
- ⁹ Там же. С. 52–53.
- ¹⁰ *Brown R., Brown K.* *Op. cit.* P. 35.
- ¹¹ *Idid.* P. 37.
- ¹² Evans Em. *Op. cit.* P. 69.
- ¹³ *Idid.; Brown R., Brown K.* *Op. cit.* P. 38.
- ¹⁴ Цит. по: *Аптекер Г.* Американская революция 1763–1783 гг. М., 1962. С. 48.
- ¹⁵ Evans Em. *Op. cit.* P. 67., Sydnor Ch. *Gentlemen Freeholders.* Chapell Hill, 1952. P. 2.
- ¹⁶ *Main J.* *Op.cit.* P. 393.
- ¹⁷ *Бурин С.Н.* Конфликт или согласие?: Социальные проблемы колониального Юга (1642–1763 гг.). М., 1980. С. 208.
- ¹⁸ *Adams J.T.* *The Adams family.* New York, 1976. P. 15.
- ¹⁹ *Brown R., Brown K.* *Op. cit.* P. 129.
- ²⁰ *Martin J.* *In the Course of Human Events.* Arlington, 1979. P. 38.
- ²¹ Цит. по: *Ушаков В.А.* Указ. соч. С. 33.
- ²² *Williams F.* *Tennessee Presidents.* Knoxville, 1981. P. 42.
- ²³ *Martin J.* *Op. cit.* P. 15.
- ²⁴ *Browne W.* *Maryland. The History of Palantinat.* New York, 1973. P. 201.

**АНГЛИКАНСКАЯ ОФИЦИАЛЬНАЯ ПРОПОВЕДЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ИРЛАНДИИ
КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКОВ**

Проповедь представляет собой уникальный исторический памятник. Возникнув вместе с христианством, она прошла долгий путь и стала неотъемлемой частью европейской религиозной культуры. Существует множество определений проповеди. Ее можно назвать и «моральным наставлением», и «речью назидательного характера», и «церковным ораторским жанром». Но, вероятно, при трактовке данного понятия необходимо исходить из семантического значения этого слова (фр. *sermon* – беседа), то есть общение учителя и учеников, лектора и слушателей.

Образцы первых проповедей мы встречаем в Евангелии. Самая известная – «Нагорная проповедь» Иисуса Христа (Мф. 5:1–7:29 и Лк. 6:17–49), посредством которой Сын Божий простым, доступным людям языком излагает суть христианской этики и разъясняет сложнейшие вселенские и эсхатологические вопросы. Для ранних христиан речь Иисуса стала идеалом религиозной беседы и вскоре превратилась в важнейший инструмент распространения христианского учения. С формированием церковного культа проповедь вошла в службу (литургию), а духовенство получило монополию на ее проведение. Вплоть до XII века язык и форма проповеди не регламентировались, так как считалось, что пастырское слово о Боге не нуждается в ограничениях, а искренняя вера сама подскажет нужные средства выражения. В процессе развития европейской риторики проповедь сильно изменилась: стала хорошо подготовленной торжественной публичной речью, составленной в соответствии с принципами гомилетики (греч. *omilia* – собрание, сообщество, беседа, учение) – науки о проповеди и христианском красноречии. Выступления церковников, как правило, проходили по «темам», взятым из библейского текста и посвящались событиям религиозной жизни. С появлением книгопечатания речи священнослужителей начали издаваться.

Отношение католиков и протестантов к проповеди было различным. Несмотря на все попытки регламентации ее церковью, в ней всегда присутствовал элемент непредсказуемости. Слушатели воспринимали божественную истину через призму мировоззрения священника, который мог в своих рассуждениях отойти от общепринятых догм. Опасаясь ереси, католическая церковь старалась ограничить проповедь рамками канона и использовала ее, в первую очередь, как стимул к исповеди. Протестанты, напротив, поощряли проповедничество, так как видели в свободной интерпретации священных текстов возвращение к чистоте и религиозному творчеству раннехристианских времен. Отказавшись от всех таинств, кроме крещения и причащения, они создали новое – слышимое таинство (лат. – *sacramentum audibile*)¹.

Проповедь как объект исследования хорошо изучена теологами и философами, а с XIX столетия признана особым литературным жанром. Историки долгое время рассматривали ее как интересный, но вспомогательный источник при освещении истории христианства и жизни западного общества периода Средневековья и Реформации. Лишь с 1970-х годов она становится объектом специальных изысканий².

Настоящим прорывом в изучении проповеди стали 80-е годы XX века, период появления «нового историзма» – особой методологической школы, возникшей в филологии, но оказавшей влияние на все сферы гуманитарного знания. Литературные тексты стали рассматриваться не только как отражение мировоззрения автора, но и как зеркало минувших эпох. «Новые историки» подчеркивали, что «восстановление намерений и идей прошлого, изложенных малоизвестными людьми в «недолговечных» текстах, таких как проповеди и сатира, могут быть так же важны, как и канонические работы великих людей»³. На обвинения в литературоцентризме представители «нового историзма» заявляли, что «дали возможность пересечь границы, отделяющие историю, антропологию, политику, литературу и экономику»⁴.

В современных исторических исследованиях проповедь – незаменимый источник при разработке проблем ментальных представлений, гендерных аспектов жизни общества, вопросов соотношения власти и «культурной» элиты, формирования национализма, колониализма и т. д.⁵ Протестантская проповедь XVIII века открывает исследователям большие возможности познания этого исторического периода, что обусловлено той ролью, которую она играла в протестантских государствах, своеобразием, отличавшим ее от других письменных источников.

Проповедь занимает особое место в изучении роли протестантизма в истории английского государства и религиозно-политической борьбы на Британских островах. Англиканская церковь, образовавшаяся в результате Реформации, являлась одним из институтов государства, а право утверждать ее доктрины, обряды и внутреннюю структуру было юридически закреплено за королем и английским парламентом. Отныне большинство событий в истории страны было связано с вопросами церкви и веры, а проповедь из религиозной беседы превратилась в орудие идеологического и политического контроля. Сохранившиеся в архивах и библиотечных коллекциях Великобритании и Ирландии выступления протестантского духовенства раннего нового времени в большинстве своем были одобрены Высокой церковью и отражали официальную позицию английской протестантской элиты. С другой стороны, будучи феноменом словесной, риторической культуры, англиканская проповедь показывала восприятие действительности протестантами XVIII века, давала психологический портрет не только автора произведения, но и его слушателей. Велико значение проповеди как индикатора общественно-политической и религиозной жизни: ее содержание менялось с течением времени под влиянием новых событий и идей.

В нашем исследовании мы остановимся на характеристике официальных англиканских проповедей конца XVII – первой половины XVIII вв., прочитанных священниками перед ирландским протестантским населением и опубликованных в виде брошюр. Если деятельности проповедников в Англии отведено заметное место в историографии⁶, то англиканская проповедь в Ирландии в период «протестантского господства» (1692–1782) практически не изучена⁷.

Ирландия в указанный период являлась внутренней колонией Англии. Попав под скипетр английских королей в XII веке, к XV столетию она была вынуждена соотносить свою политику с лондонским правительством, а после подавления очередного антианглийского восстания 1689–1691 годов лишилась остатков самостоятельности. Началась эпоха «протестантского господства» (1692–1782), период, когда Ирландия продолжала формально именоваться королевством, имела

парламент, но английские переселенцы фактически монополизировали политическую, экономическую и духовную жизнь страны. На коренное католическое население были распространены «карательные законы», согласно которым оно исключалось из политики, армии, юридических профессий, государственной службы и местных корпораций, лишалось права наследования земли и возможности дать образование детям⁸. «Ни королевство, ни нация», – так охарактеризовал судьбу Ирландии в XVIII веке американский исследователь Н.Л. Йорк⁹.

Долгое время в научных кругах преобладала точка зрения, что среди местного духовенства в XVIII веке не было ярких религиозных мыслителей, и составленные ими проповеди, соответственно, не имели самостоятельной ценности, а были лишь рецепцией английской протестантской мысли¹⁰. В этом утверждении была доля правды, так как церковь в Ирландии находилась в полной зависимости от английской: верхушка духовенства назначалась из Лондона и кормилась за счет английских бенефициев, поэтому проповедники старались отстаивать официальную линию политического послушания и религиозной ортодоксальности. С другой стороны, в век Просвещения среди высших служителей ирландской протестантской церкви, авторов многих проповедей, были выдающиеся личности, оставившие глубокий след в мировой истории, философии и культуре. Среди них Фрэнсис Хатченсон (1694–1746), епископ графства Доун, ирландско-шотландский просветитель, основоположник деизма, философ и педагог, а также Джонотан Свифт (1667–1745) – писатель-сатирик, публицист, поэт и общественный деятель.

Под официальными проповедями в Ирландии мы подразумеваем выступления высших духовных лиц (архиепископов и епископов) перед депутатами Дублинского парламента, лицами королевской администрации или членами протестантских обществ, посвященные государственным праздникам, открытиям сессий парламента, приездам первых лиц государства и т. д. Как правило, торжественные речи произносились в соборе Св. Андрея или церкви Христа в Дублине, а затем их тексты издавались английскими и ирландскими типографиями. Формы проповедей были разнообразны. Автор «Элементов церковного красноречия Англии XVIII века» Рольф П. Лессенич выделил четыре типа религиозных выступлений, используемых протестантским духовенством для общения с паствой: *объяснительный*, служивший для расшифровки смысла, содержащегося в отрывке Священного Писания; *обзорный*, подразумевавший изложение священных текстов с некоторыми замечаниями проповедников; *применимый*, для которого было свойственно использование Библии в качестве отправной точки в рассуждениях проповедника, и *логический*, берущий за основу религиозные сюжеты, но накладывающий их на реалии современного общества с использованием внешних, не связанных с Писанием источников¹¹. Для официальной проповеди Ирландии, рассчитанной на образованных, сведущих в вопросах веры слушателей, были характерны два последних типа.

По содержанию и целям изученные нами ирландские протестантские проповеди могут быть разделены на три основные группы: *антикатолические*, *цивилизаторские*, *теологические*.

В протестантской Англии возврат к католицизму был практически невозможен, но в Ирландии Реформация так и осталась незавершенной, и сторонники Римской церкви составляли большую часть населения острова. Англикане, так же как впоследствии и британские историки XIX столетия, определяли долю католиков

в населении Ирландии как 5/7 (около 71 %) ¹². Современные исследования еще более увеличили эту цифру – до 75–80 ¹³ или даже до 90 % ¹⁴. Несмотря на то, что англикане были местной правящей элитой, их положение отличалось неустойчивостью, особенно в период якобитских восстаний ¹⁵. Исходя из данного обстоятельства, основным сюжетом протестантской проповеди в Ирландии можно считать критику Римской церкви и ее сторонников внутри страны и организацию борьбы против потенциальной католической экспансии.

Произнесение проповеди против католицизма открывало празднование всех значительных дат. В ирландском литургическом календаре было три политических события, связанных с английской историей: 30 января (годовщина гибели Карла I в 1649 г.), 29 мая (день реставрации Стюартов в 1660 г.), 5 ноября (раскрытие «Порохового заговора» 1604 г.). Но особое значение для протестантов Ирландии имело 23 октября (начало восстания ирландских католиков во время Английской революции середины XVII в.), воспринимавшееся ими как символ страданий мучеников за веру. В этот день в 1641 году католики Ольстера во главе с Филимом О'Нилом выступили против английских протестантов, заняли несколько важнейших стратегических фортов и попытались захватить Дублинский замок. План провалился, но бунт получил поддержку широких народных масс и перерос в восстание, окончательно подавленное англичанами лишь в 1653 году. С 1662 года годовщина ирландского мятежа стала официальным днем поминовения погибших за веру не только в Ирландии, но и в Англии.

Ярким примером антикатолической проповеди стала речь доктора Ральфа Ламберта от 23 октября 1708 года, прочитанная в Вестминстере, в церкви Святого Джеймса, для «протестантов Ирландии, в данный момент пребывающих в Лондоне» ¹⁶. Ральф Ламберт (1665–1732), настоятель собора города Дауна, исповедник лорда-лейтенанта Ирландии, впоследствии епископ графства Дромор (1717–1727) и графства Мит (1727–1732), принадлежал к элите ирландского общества и был активным сторонником усиления позиций англиканской церкви в государстве. В частности, в рассматриваемый период он добивался обязательного присутствия епископов на заседаниях палаты общин Дублинского парламента ¹⁷.

В 1708 году страна отмечала двадцатилетие «Славной революции», ключевой даты английской истории, положившей конец произволу и тирании и предотвратившей сползание страны к католицизму. Борьба с «папистами» была в самом разгаре: Англия участвовала в войне за Испанское наследство, а сын свергнутого короля Джеймса II Джеймс Френсис Эдвард Стюарт не оставлял попыток вступить в права наследования. В марте 1708 года французский флот, защищая интересы принца, вплотную подошел к берегам Шотландии, что вызвало воодушевление якобитов и ужас протестантов. Таким образом, католическое вторжение казалось вполне вероятным, и многие англикане в страхе покинули «Зеленый остров». Выступление Ральфа Ламберта должно было поддержать моральный дух ирландских протестантов и укрепить их веру в неизбежность победы протестантизма. Проповедь привлекла большое внимание и собрала, по свидетельству очевидцев, около 2 тысяч верующих ¹⁸.

Используя ветхозаветную традицию, опираясь на высказывания греческих авторов и мнения современников, Ламберт изобразил образ сторонников католицизма. Он называл их «язычниками», «идолопоклонниками», «приверженцами дьявола», по природе «лживыми», «порочными», невероятно «жестокими» существами.

По его мнению, «варварство» и «отвратительные грехи» коренных ирландцев – следствие «неразумного выбора», отказа принять «истинную», «естественную» религию. Отвернувшись от Бога, они лишись разума, свободы и стали «одним из самых ужасных орудий, которые когда-либо были изобретены, чтобы отравить и разрушить человечество»¹⁹. Попав под власть Папы, главного врага протестантской Англии, получив от него освобождение от подчинения светским правителям, «паписты» в любой момент могут поднять мятеж, чтобы исполнить его волю и уничтожить английские церковь и государство.

Ламберт озвучил типично англиканскую интерпретацию религиозного конфликта в Ирландии. По его мнению, столкновения между «папистами» и протестантами, продолжавшиеся уже не одно столетие, не имели под собой объективных оснований, а являлись лишь попыткой Рима восстановить свою власть над народами. Он подчеркивал, что «их жизни [т. е. католиков – *Е. Л.*] и имущество были защищены, многие из них заседали в обеих палатах парламента, их интересы учитывались при дворе, а просьбы удовлетворялись, они могли открыто и свободно поклоняться своей религии, не опасаясь гонений»²⁰. Вместо благодарности, «паписты» совершили страшное предательство против законов Бога и человека, подняв мятеж. Ральф Ламберт, доказывая бесчеловечность восставших, подробно описал резню 1641 года: «Сея смерть среди младенцев, они ... бросали их на пики, ... вспарывали животы женщинам и отдавали их младенцев свиньям и собакам, изгоняли рожениц из кроватей и домов, заставляли их освобождаться от бремени при свете солнца, а затем тащили по дороге, пока те не умирали от нечеловеческих страданий»²¹. Не менее страшным истязаниям, согласно проповеди, подвергались и мужчины: их изощренно пытали, морили голодом, закапывали в землю живыми. Сцены массовых убийств, изображенные Ральфом Ламбертом больше напоминали эпизоды ветхозаветных преданий и выглядели фантастично, как и число «невинных» жертв – 154 тысячи человек²² (современные исследователи полагают, что повстанцы лишили жизни 4 тысячи протестантов)²³. Тем не менее, автор не сомневался в правдивости этих описаний, так как они основывались на сочинениях современников восстания, прежде всего, сэра Дж. Темпла²⁴. Поражение католиков при попытке захвата Дублина было представлено Ральфом Ламбертом как «освобождение детей израилевых из египетского плена», результат божественного благословения, данного «избранному» английскому народу²⁵. Этот опыт, по мнению проповедника, должен был навсегда изменить отношение к «папистам» ради сохранения чистоты религии и целостности государства: «Эфиоп не может поменять цвет кожи, так же как леопард избавиться от пятен: но они [т. е. католики – *Е. Л.*] могут и будут это делать до тех пор, пока не подчинят всех своей власти»²⁶.

Ральф Ламберт не только напомнил слушателям об опасности, которую несет католическая церковь, но и дал совет, как избежать массовой резни в будущем. По его мнению, англиканам было необходимо привлечь на свою сторону представителей небольших протестантских сект, которые, как и католики, были ограничены в правах. «Нам следует обращаться с большей частью диссентеров с доверием и привязанностью, так как они вступают в такую же борьбу против папистов. Мы должны постараться уверить их, что думаем о них иначе, нежели католики. Нам следует всеми мягкими и гуманными способами убедить их избавиться от предрассудков, помочь осознать, что наша религия открыта и полна

любви»²⁷, – подчеркивал проповедник. Объединение всех протестантов перед лицом католической опасности и постепенное ненасильственное возвращение адептов сект в лоно господствующей церкви – такова официальная доктрина англикан в Ирландии²⁸, проводником которой был Ральф Ламберт.

Вторую группу представляют *цивилизаторские* проповеди, доказывающие необходимость дальнейшей интеграции Ирландии и ее населения в систему английских социальных и культурных норм и ценностей. Благодаря интенсивному экономическому развитию и внешнеполитическим успехам в Англии наблюдался рост национального самосознания. К 1730-м годам сформировалось понятие «Британская империя», которая воспринималась как «протестантская, коммерческая, морская и свободная»²⁹. Господство англиканства, свобода производства и торговли, утверждение силы королевского флота за пределами державы и либеральных ценностей внутри страны должны были стать гарантом процветания Англии. Вопрос о месте Ирландии в империи оставался открытым. В 1707 году Шотландия подписала личную унию и стала частью нового государства – Великобритании. Верхушка ирландских протестантов выступила в поддержку идеи о союзе с Англией, но он был заключен только через столетие, в 1801 году³⁰.

В течение всего XVIII века на «Зеленом острове» проводилось искоренение всего ирландского, которое воспринималось как католическое и насаждалось все английское, то есть протестантское. Карательные меры в отношении коренного населения были представлены в большинстве литературных произведений благом для местных жителей. Для того, чтобы оправдать дискриминационную политику Лондона, требовалось доказать природную отсталость ирландского народа, дикость их нравов и продемонстрировать все преимущества английской цивилизации. Эту цель преследовали многочисленные проповеди, зачитанные перед членами «Объединенного общества в Дублине для распространения английских протестантских школ в Ирландии», созданного по указу короля Георга II. В соответствии с учредительной хартией, общество должно было обеспечить, чтобы «дети католических и иных народов были научены английскому языку, религиозным догматам и принципам верности государству», а также «чтению, письму, арифметике, ведению домашнего хозяйства, торговле, ремеслу, – всему, что будет способствовать развитию добродетели, трудолюбия и усердия»³¹. Оно действовало в основном на частные пожертвования, но поддерживалось королевской администрацией и верхушкой духовенства, которые следили за сбором денежных средств для нужд общества и их использованием. Без сомнения, члены общества надеялись не только преуспеть в распространении знаний среди коренного населения, но и уменьшить число ирландских католиков.

Если проповеди, посвященные официальным датам английского календаря, основывались на анализе отдельных ярких эпизодов прошлого страны, то проповеди «Объединенного общества», обосновывая необходимость участия англикан во всех сферах общественно-политической и культурной жизни «Зеленого острова», подвергали анализу всю историю Ирландии. Авторы доказывали, что местное население было изначально варварским отсталым народом. «Здоровые и сильные, они не отличались трудолюбием, обладая теми же способностями, что и все люди, они почти не владели знаниями, не умели даже вести хозяйство. Имея лучшее географическое положение и возможности для коммерции, они не использовали эти преимущества, в умеренном климате при плодородных почвах испытывали

нехватку пищи и одежды»³², – отмечал Томас Секер, епископ Оксфорда. Все без исключения проповедники подчеркивали значение английской экспансии XII века. Эдвард Смит пояснял, что как «великодушные завоеватели», англикане, колонизировав остров, познакомили коренное население с наукой и торговлей, постепенно заменили архаические обычаи справедливыми законами³³. Тем не менее, вплоть до правления Елизаветы I, как отмечал епископ г. Элфина Роберт Ховард, местные жители продолжали пребывать «в атмосфере естественного государства», жизнь в котором была «дикой, небезопасной и бедной»³⁴.

Несмотря на «природное варварство», коренное население Ирландии, по мнению проповедников, могло превратиться в цивилизованную нацию, если бы отказалось от своей «лживой» религии и «диких» традиций. Англиканские священники утверждали, что в первые века христианства местная церковь была независима от Рима и сохранила апостольскую чистоту. Следовательно, ранние ирландцы были, по сути, англиканами³⁵. Обратиться к «истинной» религии в настоящее время им мешает не только давление Рима, но и «слабость духа», которая, говоря словами Джорджа Стоуна, епископа Фена и Лейлина, не позволяет этому народу «разорвать семейные связи, преодолеть привычки, предрассудки, суеверия и невежество, величайшее из всех проявлений варварства»³⁶.

Англикане вынуждены были признать, что традиционные способы распространения протестантизма в Ирландии не принесли результатов. «Пастыри назначены, а стада не приходят», «священники без конгрегации», «проповедники без слушателей», – отмечал Томас Секер³⁷. Епископ из Элисбури Томас Шерлок, полагал, что основная причина провала проповедничества в Ирландии состоит в сохранении огромного влияния католических священников, невежественных и суеверных, которые отлучают от церкви каждого, кто посещает проповеди англикан³⁸.

Этот неудачный опыт распространения «истинного» христианского учения убедил протестантов в необходимости использования просвещения и образования для умиротворения ирландцев. «Объединенное общество» распространяло протестантскую религию среди низших слоев населения посредством «рациональных и эффективных методов», а именно: через «изъятие детей папистов у родителей» для воспитания их в христианской вере³⁹. Члены общества верили, что если вырвать детей из под пагубного влияния родителей и воспитывать их в труде и строгости, то они «познают разницу между подданным и рабом», «постигнут природу христианской религии», «оценят счастье протестантского правления» и «станут настоящими друзьями вместо врагов»⁴⁰. Однако такая просветительская политика проводилась далеко не гуманным способом: дети теряли связь с семьей, корнями, лишались возможности говорить на языке предков, который, по мнению протестантов, «крайне тяжело выучить и понять» и который «делает почти невозможным передачу знания»⁴¹. Ирландцы сопротивлялись политике англикан: организовывали тайные католические школы, давали детям домашнее образование и воспитание, стараясь сохранить свой национальный язык и религию, уезжали за границу. В целом члены «Объединенного общества» положительно оценивали результаты своей деятельности. В 1757 году Томас Секер отмечал, что во многих графствах Ирландии протестанты значительно усилились, а паписты составили меньшинство, и считал эти изменения плодами работы протестантских школ⁴². В действительности, выводы епископа были преждевременными: сокращение католического населения в этот период происходило не столько за счет добровольного

перехода католиков в англиканскую веру, сколько за счет миграций шотландских пресвитериан в восточные и северо-восточные графства острова и бегства из страны ирландцев-католиков.

Третья группа англиканских проповедей – *теологическая* – освещает спорные вопросы христианского учения. В конце XVII – первой половине XVIII веков, в протестантской среде сформировались новые религиозно-философские течения, во многом подрывающие основы англиканизма. Ирландский интеллектуал Джордж Беркли (1685–1753), развивал идеи спиритуализма, считая окружающий мир иллюзией человеческих чувств, заложенных Богом, а Джон Толанд (1670–1722), уроженец Ольстера, перешедший в шестнадцатилетнем возрасте из католицизма в протестантизм, стал сторонником деизма и подверг острой критике существующую церковь и мораль. Появление новых трактовок христианского вероучения требовало от англиканского духовенства ответных действий по укреплению основ официальной религиозной доктрины. Немаловажной причиной появления подобных проповедей было также несовершенство организации ирландской протестантской церкви и недостаточность опыта ведения религиозных споров среди ирландских священников. «Официальные» проповеди, таким образом, были необходимы не только «пастве», но и «пастырям».

Примером теологической проповеди стала речь Уильяма Кинга, прочитанная в мае 1709 года в присутствии графа Уортона, лорда-лейтенанта Ирландии в церкви Христа в Дублине. Уильям Кинг (1650–1729) выпускник колледжа Святой Троицы, епископ графства Дерри (1691–1703), архиепископ Дублина (1703–1729), друг Джонатана Свифта, активно занимался церковным строительством и был автором нескольких религиозных трактатов, таких как «Положение протестантов Ирландии в конце правления короля Джеймса» (1691), «Рассуждения, касающиеся нововведений в служении Богу» (1694) и «О происхождении зла» (1702).

Предметом проповеди стали пять видов божественных действий: предвидение, предопределение, призвание, оправдание и прославление. Уильям Кинг видел в их противоречивых трактовках (особенно жаркие дискуссии вызывали два первых действия) причину вражды между отдельными протестантскими группами и надеялся, разъяснив этот вопрос, поддержать религиозное единство. Лейтмотивом выступления архиепископа стала идея, что вера в предопределение и предвидение, «которые созданы, чтобы напомнить нам об обязанностях перед Богом ради нашего спасения и о необходимости подчинения Его милости», вполне совместима со свободным волеизъявлением⁴³. Содержание проповеди включало в себя элементы основных религиозных споров, имевших место в среде ирландских протестантов на рубеже XVII–XVIII веков. Архиепископ в духе сенсуализма рассуждал о природе Бога и его творений, говорил о путях ее познания, при этом подчеркивал необходимость постоянной духовной работы человека: «Нас поддерживает мысль, что мы предназначены к спасению, но в то же время мы понимаем, что обещания Бога условны, и, несмотря на веру в предопределение, мы не можем считать их преимуществом, если не будем соблюдать все его условия»⁴⁴. Таким образом, Уильям Кинг, являясь преданным сыном англиканской церкви, верил в познающие возможности человеческого разума и надеялся на примирение сторонников разных направлений протестантизма.

В целом, англиканская проповедь Ирландии конца XVII – первой половины XVIII веков – ценный исторический источник, незаслуженно оказавшийся вне

поля зрения российских и зарубежных ученых. Она может служить важным свидетельством религиозно-политических дискуссий, происходящих среди протестантов «Зеленого острова». Как свидетельство духовной жизни протестантов Англии и Ирландии, проповедь позволяет в полной мере воссоздать их религиозные представления; как орудие идеологической борьбы – она помогает в реконструкции общественного мнения по важнейшим событиям социально-политической жизни; как продукт литературного творчества церковных деятелей – способствует определению роли и значения отдельных личностей в истории ирландского протестантского общества.

Анализ официальных проповедей также позволяет создать коллективный портрет верхушки ирландского англиканского духовенства. Большая часть епископов «Зеленого острова» принадлежала к «новым англичанам» или «англо-ирландцам» – самой поздней волне английских эмигрантов, переселившихся в Ирландию после Реформации. Несомненно, они сохранили экономические, политические, семейные, духовные связи со своей исторической родиной, но, в то же время, ощущали принадлежность к новому отечеству. Обращает на себя внимание тот факт, что авторы проповедей говорят об англо-ирландцах только как о религиозной группе: «протестантское население»⁴⁵, «ирландские протестанты»⁴⁶, «британские протестанты»⁴⁷. Этнические самоназвания встречаются редко и являются достаточно противоречивыми: проповедники то называют себя «англичанами»⁴⁸, то противопоставляют себя «английским соседям»⁴⁹, жителям Англии, то заявляя о себе как о «британцах»⁵⁰, подчеркивают свою привязанность именно к «Зеленому острову»⁵¹. Таким образом, осознание англо-ирландцами себя как особой группы проходило в противостоянии, как «папистам», «коренным ирландцам», так и «потомкам староанглийских завоевателей». Непросто складывались отношения англо-ирландцев и с пресвитерианами-шотландцами. Связывая смерть Карла I с деятельностью пресвитериан, протестанты считали кальвинистов еретиками, «которые слишком далеки от того, чтобы быть истинными христианами»⁵², так как заимствовали свои идеи прямо от католических мыслителей⁵³. В «официальных» проповедях их, как правило, называли «пресвитерианами», но в случаях, когда проповедникам необходимо было подчеркнуть религиозное единство некатоликов, использовался обобщающий термин «протестанты»⁵⁴. Несомненно, англичане Ирландии, прежде всего, были подданными британского монарха и в своих проповедях восхваляли «гражданское государство» с «великолепной конституцией», в равной степени как и «самую славную из всех христианских церквей»⁵⁵.

Бесспорно, ирландская англиканская проповедь, являясь ярким богатым по содержанию источником, требует глубокого изучения. Она может стать важным источником по истории формирующейся Британской империи. Интересно проследить изменение содержания и роли проповеди в последующий период, ее влияние на умонастроения различных слоев ирландского общества. Однако данные проблемы – предмет дальнейших исследований.

Примечания

¹ Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998. С. 161.

² Muessig C. Preacher, Sermon and Audience in the Middle Ages. Brill, 2002. P. 13.

³ Coward B. The Stuart Age: England: 1603–1714. Harlow, 2003. P. XVII.

⁴ The New historicism / Ed. by H.A. Veenser. New York, 1989. P. IX.

⁵ См.: *Franko J.* The new historicism and other old-fashioned topics // The New historicism / Ed. by H.A. Veaser. New York, 1989. P. 182–203.

⁶ Среди работ данной проблематики следует особо выделить: *Owst G.R.* Preaching in Medieval England. An introduction to sermon manuscripts of the period c. 1530 to 1450. Cambridge, 1926; *Blench J.W.* Preaching in England in the fifteenth and the sixteenth centuries: a study of English sermons 1450. c. 1600. Oxford, 1964; *The English sermon Revised: Religion, Literature and History 1600–1750 (Politics, Culture and Society in Early Modern Britain)* / Ed. by L.A. Ferrel, Manchester, 2000; *Wabuda S.* Preaching during the English Restoration. Cambridge, 2002.

⁷ На данный момент роль проповеди в религиозной, общественно-политической и культурной жизни Ирландии рассмотрена пока лишь в отдельных работах зарубежных авторов: *Barnard T.C.* The uses of 23 October and Irish Protestant celebrations // English historical review. CVI (1991). P. 889–920; *Eccleshall R.* Anglican political thought in the century after the Revolution of 1688 // Political thought in Ireland since the seventeenth century. London; New York, 1993. P. 36–72; *Connolly S.J.* The Church of Ireland and the Royal Martyr: Regicide and Revolution in Anglican Political Thought c. 1660 – c. 1745 // The Journal of Ecclesiastic History (2003). Vol. 54. Is. 3. P. 484–506.

⁸ *Croin M.* A history of Ireland. Basingstoke, 2001. P. 81.

⁹ *York N.L.* Neither kingdom nor Nation. The Irish quest for constitutional rights, 1698–1800. Washington, 1994.

¹⁰ *Elliot M.* Partners in Revolution: the united Irishmen and France. New Heaven; London., 1982. P. 10.

¹¹ *Lessenich R.P.* Elements of Pulpit Oratory in eighteenth-century England (1660–1800). Köln: Böhlau. 1972. P. 84–94.

¹² *Sherlock Th.* A sermon Preached before the society corresponding with the Incorporated Society in Dublin, for promoting English Protestant Working-Schools in Ireland, at their General Meeting in the Parich-Church of St Mary le Bow, On Friday, March 17. 1737–8. London, 1738. P. 13; The English in Ireland in the eighteenth century. London, 1898. Vol. I. P. 154.

¹³ *Connolly S.J.* Religion, law and power: the making of Protestant Ireland, 1660–1760. Cambridge, 1995. P. 145.

¹⁴ *Eccleshall R.* Anglican political thought... P. 37.

¹⁵ Якобитские восстания – выступления в поддержку свергнутого в 1688 г. с английского престола Джеймса II (Якова II), его сына Джеймса Фрэнсиса Эдуарда Стюарта.

¹⁶ *Lambert L.* A sermon Preach'd to the Protestant of Ireland, now residing in London: At their anniversary meeting on October XXIII. 1708. London, 1708.

¹⁷ *Connolly S.J.* Religion, law and power ... P. 173.

¹⁸ *Gillis C.* Days of Deliverance Part 6. Deliverance after The Irish Massacre of 1641. <http://Режим доступа: URL: http://www.ianpaisley.org/article.asp?ArtKey=deliverance6> (дата обращения: 29.01.2010).

¹⁹ *Lambert L.* A sermon Preach'd ... P. 6.

²⁰ *Ibid.* P. 7.

²¹ *Ibid.* P. 8.

²² *Ibid.* P. 9.

²³ *Ohlmeyer J., Kenyod J.* Civil wars. A Military history of England, Scotland and Ireland 1638–1660. Oxford, 1998. P. 278.

²⁴ См.: *Temple J., Musgrave R.* The Irish rebellion or, an history of the attempts of the Irish papists to extirpate the protestants in the kingdom of Ireland. London, 1812.

²⁵ *Henry W.* The necessity of unity: a sermon Preached in St. Andrew's Church before the Honorable House of Commons, on the twenty-third of October, 1761. Dublin, 1761. P. 11.

²⁶ *Lambert A* sermon Preach'd... P. 12.

²⁷ *Ibid.* P. 15.

²⁸ *Beckett J.C.* Protestant Dissent in Ireland 1687–1780. London, 1986. V.II. P. 31.

²⁹ *Armitage D.* The ideological origins of the British Empire. Cambridge, 2000. P. 173.

³⁰ См.: A Union for empire: Political thought and the British Union of 1707. Cambridge, 1995.

³¹ An abstract of His Majesty's Royal Charter for erecting and promoting English Protestant schools in Ireland // A continuation of the proceedings of the Incorporated society in Dublin, for promoting Protestant Schools in Ireland, from the 25th of March, 1740 to the 25th of March, 1742. Dublin, 1742. P. 1–2.

³² *Secker Th.* A sermon Preached before the Incorporated Society in Dublin, for promoting English Protestant Working-Schools in Ireland, at their General Meeting in the Parich-Church of St Mary le Bow, on Wensday, April 27, 1757. London, 1757. P. 6.

- ³³ *Smith E.* A sermon Preach'd before the Incorporated Society in Dublin, for promoting English Protestant Working-Schools in Ireland. Dublin, 1738. P. 17.
- ³⁴ *Howard S.* A sermon Preach'd at Christ-Church, Dublin, befor The Incorporated Society for promoting English Protestant Schools in Ireland. Dublin, 1738. P. 17.
- ³⁵ *Eccleshall R.* Anglican political thought... P. 38.
- ³⁶ *Stone J.* A sermon Preach'd at Christ-Church, Dublin, On the 28th Day of March 1742, before the Incorporated Society in Dublin, for promoting English Protestant Working-Schools in Ireland // A continuation of the proceedings of the Incorporated society in Dublin. Dublin, 1742. P. 12.
- ³⁷ *Secker Th.* A sermon preach'd... P. 12.
- ³⁸ *Sherlock Th.* A sermon Preached ... P. 12.
- ³⁹ *Ibid.* P. 13.
- ⁴⁰ *Keene E.* A sermon Preached before the society corresponding with the Incorporated Society in Dublin, for promoting English Protestant Working-Schools in Ireland, at their General Meeting in the Parich-Church of St Mary le Bow, on Wensday, May, 1759. London, 1755. P. 21–22.
- ⁴¹ *Secker Th.* A sermon Preach'd... P. 11.
- ⁴² *Ibid.* P. 34.
- ⁴³ *King W.* A sermon Preach'd at Christ-Church, Dublin, May 15, 1709 before his Excellency Thomas earl of Warton, Lord Lieutenant of Ireland, and the Right Honorable the House of Lords // King W. An essay on the origin of evil. Cambridge, 1739. P. 15.
- ⁴⁴ *Ibid.* P. 48.
- ⁴⁵ *Cm: Fhletcher F.* A sermon Preached before the society corresponding with the Incorporated Society in Dublin, for promoting English Protestant Working-Schools in Ireland, at their General Meeting in the Parich-Church of St Mary le Bow, on Wensday, April 30, 1755. London, 1755. P. 24.
- ⁴⁶ *Secker Th.* P. 23; Keene E. A sermon Preached ... L., 1759. P. 23.
- ⁴⁷ *Lambert L.* A sermon Preach'd ... P. 6.
- ⁴⁸ *Ibid.* P.8.; Keene E. A sermon Preached ... P. 25.
- ⁴⁹ *Lambert L.* A sermon Preach'd... P.12.
- ⁵⁰ Thomas, Lord Bishop of Oxford A sermon preach'd... P. 25.
- ⁵¹ *Lambert L.* A sermon Preach'd ... P. 2.
- ⁵² *Trapp J.* A sermon Preach'd before the Right Honorable The Lord Major and alderman of the City of London, at the Cathedral Church of St. Paul on Friday, January 30 1729 being the Fast-Day for the Execrable Murder of King Charles I. L., 1729. Dedication. P. 3.
- ⁵³ *Eccleshall R.* Anglican political thought.. P. 41.
- ⁵⁴ *Lambert L.* A sermon Preach'd ... P. 8.
- ⁵⁵ *Trapp J.* A sermon Preached at the Christ-church of Dublin on the 29th of May, 1711. London, 1711. P. 9–10.

MIROSLAV DANIŠ

**PANSLAVISTICKÉ POLITICKÉ PROCESY SO SLOVÁKMI
V UHORSKU NA KONCI 19. STOROČIA**

Uhorská vládna moc po rakúsko-uhorskom vyrovnaní roku 1867 nielenže znemožňovala slovenskej spoločnosti držať krok s národno-kultúrnym, politicko-emancipačným a ekonomickým napredovaním ostatných európskych národov, ale začala stále otvorenejšie a intenzívnejšie siahať na práva ostatných, nemaďarských národností a presadzovať asimilačnú politiku. Najvýraznejším predstaviteľom takejto politiky v Uhorsku sa stal na konci 19. storočia Koloman Tisza, ktorý sa stal predsedom uhorskej vlády v roku 1875 a na tomto poste vydržal až do roku 1890. Jeho osoba bola symbolom politického režimu, ktorý nekompromisne presadzoval premenu Uhorska na národne jednoliaty maďarský štát. Emancipačné aktivity nemaďarských národov kvalifikoval ako ohrozenie celistvosti štátu. Keďže režim potláčal prejavy slovenského národného života násilím, dostala sa slovenská politika do štádia útlmu. Politický kurz

uhorskej vlády sa v každodennom živote jednotlivých nemaďarských národov prejavil vo vyvolávaní neustálych konfliktov doprevádzaných celým radom politických procesov, ktoré sa vo väčšine prípadov zo strany vládnucej garnitúry kvalifikovali ako popudzovanie proti uhorským štátnym inštitúciám a proti maďarskému národu. K jedným z hlavných obvinení pri snahách o jazykovú, vzdelanostnú, spolkovú či združovaciu aktivitu s cieľom rozvíjať vlastné národné záujmy boli obvinenia z panslavizmu. Bola to veľmi účinná a pomerne ľahko zo strany obžaloby obhájitelná téza. Za panslavizmus klasifikovali akýkoľvek prejav slovanskej vzájomnosti, alebo aktivitu národného sebauvedomenia. Uvedený trend politických procesov proti Slovákom a ostatným nemaďarským národnostiam v Uhorsku na konci 19. storočia v svojej podstate viedol slovenský kultúrny a politický život k zintenzívneniu záujmu o prehĺbovanie medzislovanských vzťahov a jeho politické smerovanie na ruské, české, či poľské politické prostredie.

K problematike panslavizmu sa už v roku 1847 v Slovenských národných novinách (september 1847, Panslavizmus a naša krajina) vyjadril Ľudovít Štúr a jeho mylný obsah z hľadiska v tom čase nastupujúcej maďarizácie nemaďarských národov Uhorska pomenoval v tretej časti svojho článku. Za panslavistu bol v Uhorsku označovaný každý, kto sa snažil vylepšiť úroveň slovenského školstva, kto napísal akúkoľvek knihu po slovensky, či založil spolok, v ktorom sa hovorilo po slovensky, prípadne aj ten, kto si dovoľil o slovenskom národe hovoriť, hoci i príslušník maďarského národa. Všetci títo boli považovaní za panslavistov, panslávov a boli označovaní pre Uhorsko za nebezpečných. Táto téza, ktorú Štúr vyslovil v polovici 19. storočia sa stala pre maďarské vládnuce kruhy v poslednej štvrtine uvedeného storočia plne uplatňovanou, ktorá spustila vlnu politických procesov, proti panslavizmu.

V máji 1880 sa v Nitre konalo súdne pojednávanie, keď na lavici obžalovaných sedel 71-ročný nitriansky farár obce Kostolné – Ján Trokan. Predmetom obžaloby bol obežník, ktorý napísal obžalovaný z poverenia seniorálneho konventu, určený evanjelickým konfesijným učiteľom nitrianskeho seniorátu. Jeho obsahom bolo opozornenie evanjelických kňazov aby nevstupovali za členov do nekonfesijných spolkov. Obhajcom obžalovaného bol dr. Michal Mudroň¹, ktorý sa preslávil ako obhajca národnostne a politicky prenasledovaných za panslavizmus. Žalobca označil obsah obežníka (predovšetkým časť kritizujúcu národnostnú politiku Uhorska a postavenie Slovákov v Uhorsku) za panslavizmus, nebezpečný pre celú monarchiu a zločin spáchaný na Uhorsku. Obhajca M. Mudroň argumentoval tým, že podľa neho neexistuje v zákone ani v právnej praxi taký zločin ako popudzovanie proti maďarskému národu a uhorským štátnym ustanovizniám. Existuje len zločin urazenia Veličenstva a infidelita (nevernosť). Po vystúpeniach štátneho zástupcu a obhajcu prehovoril ešte obžalovaný pár slov, že on nikdy nemal v úmysle popudzovať a bol vždy verným štátnym občanom². Súd vyniesol rozsudok, podľa ktorého bol Ján Trokan odsúdený pre popudzovanie proti uhorským štátnym inštitúciám na jeden mesiac väzenia.

Prvou väčšou panslavistickou aférou v 80-tych rokoch 19. storočia, ktorou sa zaoberalo viacero novín v Uhorsku, bol prípad slovenských študentov na lučeneckom lýceu. Na jar 1881 boli obvinení zo založenia panslávského spolku, ktorého cieľom bolo pestovanie panslávskych ideí, vzbudzovanie a udržovanie antipatií proti uhorskému štátu a národnosti. Členovia spolku sa tajne schádzali v noci a viedli poburujúce reči oslavujúce Rusko³. Po ukončení vyšetrovania 30.marca boli siedmi chovanci lučeneckého učiteľského ústavu vyhodení a vypovedaní z mesta Lučenec. Z toho piati

(Max Denk, Adam Kroner, Karol Matúška, Peter Šimkovič, Pavel Socháň) boli vylúčení zo všetkých učebných ústavov Uhorska a dvaja študenti (Ján Čajak, Peter Zgúth) len z lučeneckého ústavu. Ostatní obvinení študenti boli oslobodení. Väčšina vylúčených boli študentami tretieho ročníka. Rozhodnutie ústavu bolo potvrdené ministrom školstva A. Trefortom⁴. Národné noviny videli príčinu tejto aféry v osobe Daniela Zajzona, „...človeka smädného po zásluhách“⁵. Pričom vychádzali z toho, že prednedávnom zosnulý správca ústavu Karol Terray vedel o tom, že sa slovenský študenti súkromne zdokonaľovali v slovenskom jazyku a nevidel v tom žiadny panslavizmus. Situácia sa však zmenila po vymenovaní Zajzona za námestného správcu, ktorý zhabal slovenským mladíkom knihy a obvinil ich z už vyššie uvedených prečinov, len aby sa zaradil k osobnostiam, ktoré „si bezpochyby chcú zásluhy vydobíť o zachránenie vlasti a pozornosť na seba obrátiť“⁶. Školské úrady v Uhorsku boli odhodlané docieľať všetkými prostriedkami, aby sa vzdelávacie ustanovizne stali baštami maďarizácie slovenskej mládeže. Nechceli pripustiť, aby sa slovenskí študenti na stredných školách združovali, alebo stretávali s cieľom vzdelávať sa v materinskom jazyku. V tejto situácii sa lučenský študenti rozhodli založiť tajný spolok Žiara, ktorý však nemal dlhé trvanie. Medzi vylúčenými bol organizátor spolku Pavol Socháň, neskorší fotograf a etnograf a budúci spisovatelia a kultúrni pracovníci Ján Čajak a Peter P. Zgúth⁷.

V roku 1882 bola uhorská tlač doslova presýtená článkami o panslavizme. Z panslavizmu obviňovali mnohé slovenské noviny (Národné noviny, Hlásnik, Slovenské pohľady, Černokňažník), ale napríklad aj martinská sporiteľňa Slávia. V maďarských novinách sa objavovali správy o údajnom pohybe panslavistických agentov v Uhorsku. Najlepšie túto náladu vystihuje veta z Pesti Napló: „Politických paličov posielajú z Ruska, aby Rakúsko-Uhorsko zo všetkých strán podpálili.“⁸ Na takýto postoj malo snáď vplyv aj aktívnejšie pôsobenie ruských slaviofilov (Ignatiev, Katkov, Skobelev a iní) v Rusku a v Európe.

V marci 1882 sa začalo vyšetrowanie z dôvodu panslavistických agitácií v Prešove a v Bratislave. Z prešovského evanjelického učiteľského ústavu boli vylúčení chovanci Július Žorna, Ján Filipča, Daniel Bodický, Matej Kunderát, Daniel Migra, Aurel Stik. Takisto bol vylúčený Gustáv Maršall, poslucháč prvého ročníka právnickej akadémie v Prešove. Z bratislavského lýcea boli vylúčení Peter Makovický, Bohdan Kutlík, Štefan Daxner, Žigmund Paulíny-Tóth a Dezider Bodický. Bratislavskí študenti boli obvinení zo založenia organizovaného protivlasteneckého tajného spolku Zora, kde čítali časopis Matica Slovenskej, Národné noviny, Hlásnik a inú slovenskú tlač, viedli protištátné reči a oslavovali ruského cára Alexandra II. Piaty vylúčení študenti tvorili základ spolku Zora, boli jeho funkcionármi (predseda, podpredseda, pokladník atď.). Okrem nich bolo členmi Zory ešte 14 študentov, ktorí však neboli vylúčení z ústavu, ale inak potrestaní⁹.

Minister školstva A. Trefort nariadil vyšetrowanie aj proti Jánovi Krnovi¹⁰, poslucháčovi druhého ročníka kráľovskej právnickej akadémie, lebo jeho meno figurovalo medzi hosťami Zory. Po ukončení vyšetrowania, ktoré prebiehalo od 2. do 6. mája, bol Ján Krno vylúčený z právnickej akadémie a zo všetkých učebných ústavov Uhorska z dôvodu účasti na protivlasteneckých panslavských aktivitách. Táto aféra sa dostala až na zasadnutie uhorského parlamentu¹¹.

V tomto roku, koncom júla prebehol proces s obvinenými za vlastizradu¹² a šírenie panslavizmu aj proti jedenástim haličským Rusom na čele s dvorným radcom dr. Adolfom Dobrianskym, ktorým hrozil trest smrti. Niektoré uhorské noviny „ostro

naliehali na uhorskú vládu, aby s cieľom ochrany vlasti čím skorej sa ponáhľala inscenovať podobný proces aj v Uhorsku¹³. Čo sa týka procesu v Lvove, rozsudkom súdu z 29. júla boli všetci obžalovaní oslobodení od viny za vlastizrada, a kvôli rušeniu verejného poriadku boli odsúdení nasledovne: poslucháč filozofie na viedenskej akadémii Vladimír Naumovič na 8 mesiacov, redaktor Slova Benedik Ploščansky na 5 mesiacov, statkár Ján Špundara a hospodár Alex Zaluský na 3 mesiace väzenia.

V októbri sa konal v Budapešti generálny konvent evanjelickej cirkvi augsburského vierovyznania, kde sa okrem iného zaoberali aj panslavizmom. Konvent rozhodol panslavizmus trestať a považovať za kánonickú chybu¹⁴.

Na začiatku roka 1883, vo februári, sa pred bratislavským súdom konal tlačový súdny proces proti Katolíckym novinám a ich redaktorovi Martinovi Kollárovi. Bol obžalovaný dedinským notárom v Kútoch, Júliusom Tottossym z dôvodu urazenia na cti (podľa § 261 z roku 1878). Celá táto aféra sa začala uverejnením článkov „Panslavistický kňazi ostrihomskej diecesie“¹⁵. v novinách Pesti Hírlap z pera Tottossyho, na ktoré reagoval redaktor Katolíckych novín. Na to uverejnil žalobca články vo Felvidéki Nemzetor napádajúc Katolícke noviny a ich redaktora a obvinil ich z panslavizmu. Urazením na cti podľa žalobcu bola veta napísaná Martinom Kollárom: „Ani by sme neodpovedali na hnusný plod čiernej duše tohto Tottossyho, keby bol v stave dokázať, že nie je blázon a že nepatrí medzi vyvrheľov ľudskej spoločnosti“¹⁶. Pri rovnosti hlasov 6 ku 6 bol obžalovaný Martin Kollár vyhlásený za nevinného.

Na jeseň roku 1885 sa opakoval na bratislavskom lýceu prípad z roku 1883 (spolok Zora), s tým rozdielom, že teraz išlo o tajný spolok Salaš. Celá záležitosť sa začala tým, že noviny Pozsonyvidéki Lapok dňa 6. októbra uviedli správu o tom, že bratislavská polícia chytila panslavských agitátorov a prišla na stopu panslavskému spolku, ktorého členmi boli poslucháči evanj. akadémie a lýcea. Vyšetrovanie trvalo od 6. do 12. októbra a komisia zostavená z profesorov zboru obvinila deviatich študentov z panslavizmu a organizovania tajného panslavistického spolku Salaš. Na základe šetrenia Rada evanjelickej teologickej akadémie v Bratislave vylúčila troch poslucháčov (Bohuslava Hurbana, Štefana Roháčka, Jána Vesela) zo všetkých krajiných ústavov Uhorska. Ďalších štyroch študentov (Žigmunda Križana, Ľudovíta Kuchtu¹⁷, Jána Mičátka, Kolomana Kostolného¹⁸) rada vylúčila z bratislavskej akadémie. Študent Ladislav Boor bol odsúdený na rovnaký trest, avšak s podmieneným vylúčením a Ľudovít Maróthy bol z obžaloby oslobodený.

Na začiatku júla roku 1886 bolo vylúčených z levočského kráľ. katol. vyššieho gymnázia 11 žiakov (Vavrinec Šrobár¹⁹, Martin Tryzna, Milan Radlinský, Fraňo Skitčák, Jozef Hajdúk, Vendelín Folkmann, Florian Felix, Andrej Kňazovický, Juraj Šrobár, Jozef Filek, Jozef Majerčák) pre panslavistické agitácie a rozširovanie panslavizmu. Ministrom školstva bol tento verdikt potvrdený s tým, že prvých sedem hore menovaných študentov vylúčili zo všetkých školských ústavov Uhorska. Študentov A. Kňazovického a J. Šrobára zo školských okresov banskobystrického, bratislavského a košického, a konečne J. Fileka a J. Majerčáka len z levočských školských ústavov. Obžalovaní boli z toho, že mali tajný panslavistický spolok, kde čítali panslavistické knihy a noviny (Hlásnik, Slovenské pohľady, Černokňazník, Venček), dopisovali si s ruskými agentmi, od ktorých dostávali ruble, chodili po krčmách a pili pálenku, hrali karty o peniaze. Vypočúvanie obvinených prebiehalo 28. a 29. mája v kancelárii riaditeľa Ladislava Halásza za prítomnosti ešte piatich profesorov. Študenti však obvinenia odmietali. Podľa Národných novín celá kauza vznikla z dôvodu, že na gymnáziu v Levoči zbierali medzi študujúcou mládežou

príspevky na sedmohradský kultúrny spolok, na ktorý jedenásti slovenskí študenti neprispeli. To nahnevalo maďarskú mládež, ktorá potom, čo títo slovenskí študenti oslavovali na byte Vavra Šrobára jeho úspešné písomné maturitné skúšky, ich udala, že majú tajný spolok a sú zarytými panslávami. Táto aféra mala odozvu nielen v uhorských novinách, ale aj v zahraničí. Reagovali na ňu hlavne okolité slovanské noviny ako Novohradský Branik alebo poľský Varšavskij Drevník v duchu obrany vylúčených študentov. Vyhodení študenti boli podporovaní slovenskými intelektuálmi, rodoljubmi, napr. Martin Kollár redaktor Katolíckych novín im prispel 100 zlatými.

V júni, v čase levočskej aféry, prebiehal aj súd s ruským obecným notárom Michalom Andrušákom pre panslavistické agitácie, ktorého marmaroš-sihotský súd odsúdil na 18 mesiacov väzenia.

Na začiatku roku 1887 rozvírilo politickú hladinu Uhorska vystúpenie Ľudovíta Mocsáryho v uhorskom parlamente z 15. februára.²⁰ Vystúpil v národnostnej otázke a vo svojej reči ostro kritizoval vládu pre jej politiku. Takisto kritizoval ministra školstva, pričom spomenul prípad vyhodnených študentov z levočského katol.gymnázia brániac ich. Zo strany Slovákov a Rumunov za toto vystúpenie zožal Mocsáry uznanie, no z maďarskej strany bol samozrejme ostro kritizovaný novinami aj politikmi. Toto vystúpenie prispelo k jeho neúspechu vo voľbách do parlamentu, kam sa ako kandidát za Nový Sad nedostal.

V polovici októbra (17.10.) roku 1888 vyniesla belehradsko-komárňanská súdna stolica pod predsedníctvom Mateja Madára rozsudok v oroslánskej afére keď farára J.Moštenana a učiteľa P.Bartoša zbavili ich úradu v celom Uhorsku pre panslavistické aktivity a poburovanie.²¹ Súd okrem toho pokutoval na 200 zl.v prospech zadunajskej dištriktuálnej opatrovne obhajcu obžalovaných Matúša Dulu pre urážlivé výrazy v obrannom spise.

Okrem oroslányskej aféry sa v roku 1887 vyskytli aj iné prípady v súvislosti s panslavizmom. V máji 1887 vyhodili z ústredného katolíckeho seminára v Budapešti dvoch slovenských bohoslovcov nitrianskej diecézy Andreja Bieleka a Petra Rovnianka²² z dôvodu, že sa vzdelávali v slovenskej reči a žiadali o prístup do zatvorenej slovenskej knižnice. Ako príčinu prepustenia zo seminára udalo vedenie ústavu panslavistické poburovanie. Na konci júla boli vylúčení z nitrianskeho seminára dvaja bohoslovci Rudolf Formánek a Jozef Minárik bez vyšetrovania a udania príčiny. Podľa Národných novín²³ boli vyhodení len z toho dôvodu, že si dopisovali a udržiavali kontakty s Bielekom a Rovňankom.

Zo strany budapeštianskych novín (Budapesti Hírlap, Egyetértés) zosilneli v roku 1888 útoky na superintendenta Gustáva Szeberényiho, ktorého obviňovali a vyhlasovali za pansláva a žiadali jeho odstúpenie. Pričom ako argument uvádzali porušenie už viackrát spomínaného ustanovenia generálneho konventu cirkvi evanj. a. v. z roku 1882, ktorý vyhlásil panslavizmus za kánonickú chybu. Dialo sa to v čase konania generálneho konventu v októbri v Budapešti, na ktorom sa prerokúvala aj cesta Pavla Mudroňa (inšpektor turčianskeho a nitrianskeho seniorátu) do Kyjeva na oslavy 900-ročného jubilea pokrstenia Rusov. Takisto bol na tomto konvente suspendovaný z úradu inšpektora klenovskej cirkvi Štefan Daxner. Ako dôvod tohoto rozhodnutia uviedli, že chcel dať za učiteľa v Klenovci zvoliť pansláva.

Ani rok 1889 sa nezaobišiel bez politických procesov proti viacerým Slovákom, obvineným z panslavizmu. 12. mája po smrti farára Jána Dudu prebiehala kandidatúra na úrad kňaza v obci Hnúšť v Gemerskej stolici. Pri tejto príležitosti museli zakročiť

žandári proti vyčiňaniu panslávov. Nepokoje obyvateľov obce vyvolalo rozhodnutie cirkevných úradov, ktoré medzi dvanástich kandidátov na úrad kňaza nezaradili hnuštskeho kaplána Žigmunda Križana²⁴ pre jeho panslávské názory a zásady.

Ani 90.-te roky 19. storočia sa nezaobišli bez panslavistických procesov. Po páde vlády Kolomana Tiszu maďarské vlády pod vedením grófa Júliusa Szapáryho, neskôr Alexandra Wekerleho, či Dezidera Bánfiho pokračovali v maďarizačnom a asimilačnom politickom kurze voči ostatným národnostiam v Uhorsku, čo sa prejavilo v značne konfrontačnej politickej klíme aj na Slovensku. Môžeme spomenúť zákaz spolku Svornosť v Budapešti (1890), znemožnenie slávnostného odhalenia pomníka J.M. Hurbanovi v Hlbokom (8.9. 1892)²⁵, zákaz slávností na počesť stého výročia narodenia Jána Kollára v Martine (1893), vylúčenie štyroch študentov z evanj. akadémie v Bratislave (1893), rozruch okolo voľby farára v obci Černá (1894), alebo vylúčenie študentov v Kežmarku (1894).

Примечания

¹ Michal Mudroň (9.12.1835 – 11.9.1887) – národnokultúrny dejateľ, publicista právnik. Študoval právo na univerzite vo Viedni a ako advokát sa stal vedúcou postavou slovenského národného života v Bratislave. Bol zakladajúcim členom a právnikom Matice Slovenskej a aktívnym členom SNS. In: Slovenský biografický slovník. IV.zv. Martin, MS 1990, s. 238–239.

² Úplný text vystúpení na súde je uvedený v : Národné noviny, 10.6.1880, v článku Panslavizmus pred súdom.

³ Zase majú panslávov. In: Národné noviny, 12, č.29 z 2.4.1881.

⁴ Augustín Trefort (1817–1888) bol ministrom školstva a náboženstva od roku 1872 do roku 1888.

⁵ Lučenecké obete. In: Národné noviny, 12, č. 62 z 28.5.1881.

⁶ Dopisy. In: Národné noviny, 12, č. 40 z 5.4.1881.

⁷ Kováč, D. a kol.: Kronika Slovenska I. Bratislava 1998, s. 562.

⁸ Pesti Napló, 33, č.40 z 9.2.1882.

⁹ Medzi vylúčenými bol Peter Makovický, predseda spolku, neskôr významný podnikateľ, Štefan Daxner, syn Š.M.Daxnera, Žigmund Pauliny – Tóth, syn V. Paulinyho-Tótha, budúci národohospodár a Gustáv Maršall, ktorý roku 1892 emigroval do USA a literárne tvoril pod pseudonymom Petrovský.

¹⁰ Ján Krno (20.9.1862–28.3.1926) – verejný činiteľ, advokát. Študoval na Právnickej akadémii v Bratislave a v rokoch 1883–84 na právnickej fakulte v Petrohrade, neskôr v Budapešti. Predseda slovenského študentského spolku Zora a člen strednej generácie SNS. In: Slovenský biografický slovník. III.zv. Martin, MS 1989, s. 272.

¹¹ Reč dr. Michala Polita v zasadnutí snemovne dňa 15.mája. In: Národné noviny, 13, č.50 z 20.5.1882.

¹² Boli obvinení zo snahy vyvolať občiansku vojnu, odtrhnúť Halič a Bukovinu od Rakúsko-Uhorska, a tým narušiť územnú celistvosť monarchie.

¹³ Pravota pre „velezradu“ vo Lvove. In: Národné noviny, 13, č. 71 z 20.6.1882.

¹⁴ Úplný text 5.bodu zápisnice: „a/ Cirkevné vrchnosti budú čo najúčinlivejšie podporovať svetskú vrchnosť v ich snahe k prekazeniu rozširovania sa panslavizmu. b/ Žiaci, o ktorých dokázalo sa, že súčasť sa na protimaďarských demonštráciách a na panslavistickej propagande, vyhlásia sa za neschopných zastávať cirkevný úrad (kňaz, inšpektor, učiteľ) aj keby boli k tomu vedecky kvalifikovaní. c/ Panslavisti nemôžu byť vyvolení za kňazov a teológov, ktorí prevínia sa panslavistickými pletichami, nemôžu byť za kňazov posvätení. d/ Cirkevní funkcionári, ktorí koria sa panslavizmu, majú byť pred konsistorium postavení. e/ Superintendentom nakladá sa previesť toto uzavretie s celou prísnosťou a svedomitou.“ Generálny konvent. In: Národné noviny, 13, č. 124 z 21.10.1882.

¹⁵ „Pánszláv papok az esztergomi egyházmegyében.“ In: Pesti Hírlap, 4, č. 55 a 56 z 24.a 25.2.1882.

¹⁶ Tlačová pravota „Katolíckych novín“. In: Národné noviny, 14, č. 15 z 6.2.1883.

¹⁷ L. Kuchta, Ž. Križan, Š. Roháček boli už v roku 1882 ako členovia Zory potrestaní.

¹⁸ Život K.Kostolného, ktorý pochádzal z Lipt.Sv.Mikuláša, sa skončil tragicky. V Prahe na Hradčanoch 16.10.1886 spáchal samovraždu. Pod pseudonymom Ivan Považský napísal článok Ruská únia v Uhrách v Slovenských pohľadoch. 6, č. 2 a 3.

¹⁹ Vavro Šrobár (9.8.1867–6.12.1950) – politický a verejný činiteľ, publicista, lekár. Vyštudoval medicínu na Lekárskej fakulte v Prahe a na UK v BA. Pôsobil ako minister s plnou mocou pre správu Slovenska (1918–20), minister školstva a národnej osvety (1921–22), minister financií (1945–46) a minister pre zjednotenie zákonov (1948–50). Ideový vodca hlasistického hnutia, zakladateľ, redaktor a vydavateľ časopisu Hlas. Slovenský biografický slovník. V.zv. Martin, MS 1992, s. 449

²⁰ Reč Ludvika Mocsáryho na krajinskom sneme 15.februára. In: Národné noviny, 18, č. 20 z 17.2.1887

²¹ Z obžaloby seniorálneho fiškála Júliusa Beliczayho. Oroslánska pravota. In: Národné noviny, 18, č. 83, z 19.7.1887.

²² Peter Vítázoslav Rovnianek (27.6.1867–16.11.1933) – spisovateľ, novinár, vydavateľ, podnikateľ, organizátor krajanského hnutia v USA. Redaktor Amerikánsko-slovenských novín v Pittsburghu, založil Národný slovenský spolok a bol spoluzakladateľ MS v Amerike a Slovenskej ligy v Amerike. V roku 1907 ho ruská vláda vymenovala za svojho konzula v USA. V roku 1910 v čase hospodárskej krízy skrachoval a stratil celý svoj majetok. Odišiel do Kalifornie, Colorado a Nevady, kde vyše 20 rokov hľadal zlato, aby mohol uhradiť škodu vkladateľom (prišli o úspory tisícky drobných slovenských vysťahovalcov), ale bezúspešne. V roku 1911 ho v NSS zbavili čestného predsedníctva a neskôr i členstva (v roku 1966 bol rehabilitovaný). In: Slovenský biografický slovník. V.zv. Martin, MS 1992, s. 126–127.

²³ Zase nové obete! In: Národné noviny, 18, č. 88 z 30.7.1887

²⁴ (Z. Križan bol v roku 1882 ako člen Zory potrestaný a v roku 1885 ako člen Salaša vylúčený z bratislavskej evanj. akadémie.

²⁵ Na zákaz usporiadať slávnosť pri odhalení pomníka J.M.Hurbanovi reagoval jeho syn S.H. Vajanský článkom v Národných novinách (11.septembra 1892) pod názvom Hyenizmus v Uhrách, za ktorý ho uhorské súdy odsúdili na rok väzenia za poburovanie proti ústavným inštitúciám a maďarskej národnosti. Vajanského v procese obhajovali povestný Pavol Mudroň a Miloš Štefanovič. Vajanský v článku ostro kritizoval vládnú politiku a pomery v Uhorsku. Uviedol: „že v tomto maďarizáciou zhumpľovanom štáte už vymiera posledný cit ľudskosti a spravodlivosti, že sme už na tom stupni, kde prestáva oprávnenie menovať sa štátom právnym!“ In: Hyenizmus v Uhrách, Národné noviny, 13.9.1892.

Р.А. ИДРИСОВ

АЛЕКСАНДР ВЕЛЕПОЛЬСКИЙ И АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ В XIX ВЕКЕ

Аграрный вопрос в Польше в XIX веке, как и во всей Восточной Европе, стал одним из центральных в жизни страны. Исчезновение Польши как государства только углубило его остроту. Прусская или австрийская модели в этом отношении не отличались особым процессом от Царства Польского в составе Российской империи. Еще в 70-е годы XX века американский историк Иммануил Валлерстайн отстаивал теорию, основывавшуюся на различиях в развитии сельского хозяйства Западной и Восточной Европы¹. Такое различие автор связывал, в первую очередь, с трансформацией феодального дворянства. На Западе оно превратилось в итоге в капиталистических землевладельцев, а на Востоке – в паразитирующих крепостников.

Теория эта подвергалась достаточно жесткой критике, основываясь во многом на упрощении экономической роли социальной группы феодалов в XVIII–XIX веках. Хотя, на наш взгляд, она прекрасно вписывается в хорошо известную отечественным историкам оценку В.И. Ленина в работе «Развитие сельского хозяйства в России». Ныне основательно подзабытые ленинские описания «американского» и «прусского» путей развития с прямой отсылкой к последнему российскому аналогу когда-то главенствовали в отечественной историографии проблемы. В любом случае, территориально Валлерстайн (как и марксист Ленин) объединяет Пруссию, Богемию, Польшу, Венгрию в одну общую модель, внутри которой не было заметных различий. Имеющиеся же внутренние различия в указанном ареале

в целом подтверждают общий характер отношений между землевладельцем-дворянином и безземельным крестьянином.

Кстати, с этой позиции достаточно легко отмечается бытующее среди большей части польских историков мнение о главной причине сравнительной отсталости польской экономики в рассматриваемый период – русском царизме, искусственно законсервировавшем, или даже экстраполировавшем на новые для империи территории крепостнические отношения. Ведь если продолжить логику рассуждений Валлерстайна, то понятно, что аграрная проблема Польши имеет собственное происхождение, в большей степени имеющее отношение к влиянию Пруссии и Австрии на своих национальных окраинах.

Ко второй половине XVII века проблема в аграрной сфере стала, как известно, одним из факторов системного кризиса, охватившего Польшу. Переход к фольварочно-барщинной системе феодального хозяйства, произошедший в предыдущий период, обусловил успехи дворянского землевладения. В итоге шляхта пошла по пути все больше распространявшейся практики еженедельных отработок. Дворянское сословие стало основным собственником земель в Польше. Это в равной степени относится к крупным магнатским поместьям, имениям разбогатевших выходцев из мелкой шляхты, хозяйствам рыцарей – владельцев отдельных деревень. Барщинное хозяйство позволило землевладельцам добиться стабильного материального положения, но одновременно не дало развиваться польскому общенациональному рынку. Феодальные хозяйства в большей степени стали ориентироваться на европейский рынок, где в начале XVII века в связи с произошедшими климатическими изменениями сложилась благоприятная конъюнктура цен². В начале XVII века шляхтичи ежегодно отправляли через балтийские порты около 200 тыс. тонн хлеба³.

В итоге, уже к середине XVII века Польша входит в ситуацию перманентного экономического кризиса, перешедшего с течением времени в состояние упадка. Крупные магнаты постоянно расширяют свои владения, так как это в том числе возмещает потери от в целом неэффективного труда крестьян на барщине. Это, в свою очередь, оборачивается ослаблением центральной власти и стремлением обособиться от королевской опеки. Так, в течение XVIII века, аграрный вопрос превращается в один из крупных факторов сепаратизма, повлекшего за собой утрату государства как такового. Чем это закончилось, хорошо известно. К XIX веку территория Польши попадает в руки трех хозяев – Пруссии, Австрии и России, ответные обвинения в адрес которой до сегодняшнего дня сохраняют наиболее острый характер.

Именно в этот момент на изломе эпох 13 марта 1803 года в семейном имении Сендзейовицы рождается Александр Велепольский. Род Велепольских изначально не был знатен, однако восходил к XIV веку. Изменение в феодальном статусе рода произошло в связи с наследованием Мышковского майората в 1729 году. Этот майорат (в Польше такие земли называются ординацией) был учрежден еще в 1603 г. родом Мышковских. Вместе с ним Мышковские получили от папы Климента VIII титул маркизов. Основную территорию майората составили города Миров и Пинчов с сельской округой (сейчас это Келецкое воеводство в Центральной Польше). Именно вблизи Пинчова находились Сендзейовицы – место рождения нашего героя. В 1729 году род Мышковских пресекается, и Велепольские становятся маркизами.

В 1806 году в ходе войны с Пруссией Наполеон удачно разыгрывает польскую «национальную» карту, объявляя о создании Варшавского герцогства (княжества). Его территория будет утверждена в 1807 году по условиям Тильзитского мира. Это, как известно, не возвратило полякам национальное государство, но породило среди них настолько мощные надежды, что признательные шляхтичи под предводительством Иосифа Понятовского весь последующий военный период были верными солдатами армии Наполеона. М.К. Любавский приводит цифру в 70 тыс. человек, сражавшихся в разных корпусах французских войск⁴.

В этот момент право на титул маркиза доходит до малолетнего Александра Велепольского. После смерти бездетного двоюродного дяди Яна-Непомука титул перешел к отцу Александра – Иосифу-Станиславу. В 1815 году умирает и он, и 12-летний Александр становится феодальным владельцем. Тогда же он сталкивается с аграрной проблемой. Дело в том, что его отец унаследовал фактически только титул, но не земли майората. Ян-Непомук Велепольский получил разрешение на продажу большинства своих земель, что и сделал. Это ли не иллюстрация к картине сельского хозяйства Польши? Барщинный феодализм к XIX веку «съел» сам себя, уже не давая прежних доходов землевладельцам. Таким образом, на долю отца нашего героя достались только остатки когда-то пышных владений. Это факт не давал покоя матери Александра. Чтобы подготовить юного маркиза к грядущим боям за возврат распроданной собственности, она постаралась дать ему юридическое образование.

Александр Велепольский учился в Вене, а потом в Геттингене. Вена в начале XIX века – скопище юридических знаний. Благодаря кипучей деятельности Марии Терезии, а позже Иосифа II, в Венском университете даже действовал специальный факультет, впервые профессионально готовивший государственных служащих для работы в финансовой, правовой и образовательной сфере⁵. Геттингенский же университет, основанный в Нижней Саксонии еще в 1737 году, к XIX веку стал ведущим в Германии.

Юридическое образование действительно пригодилось Александру. Вернувшись домой, он начал громкий многолетний процесс, закончившийся полным поражением маркиза. В новой Польше право майората уступило факту законной продажи земли, экономические законы оказались эффективнее феодальных. Кроме неудачи в решении дела, этот процесс ударил и по популярности Велепольского, испортив мнение о нем среди поляков.

Сама же «новая» Польша претерпела за это время значительные изменения. Венский мир 1815 года разделил Варшавское герцогство на четыре части. Познанский и Быдгощский поветы образовали Познанское герцогство, отошедшее к Пруссии. Краков с округом стал вольным городом под покровительством России, Австрии и Пруссии. Основная часть Центральной Польши вместе с Варшавой составили Царство (королевство) Польское, «связанное» конституцией с Российской империей.

Новое «королевство» действительно получило конституцию за авторством знаменитого тогда польского политического деятеля князя Чарторыйского из рук Александра I, ставшего польским королем. Кстати, тогда Александр воспринимался как спаситель Польши, надеявшейся на полное восстановление государственности теперь уже под его покровительством. Однако уже через несколько лет от этой популярности не осталось и следа. Неразумная политика Александра, факты

нарушения им самим своей же Конституции привели к недовольству среди поляков. Уже после смерти Александра I это приведет к восстанию 1830–1831 гг., подавленному с огромным трудом русскими войсками.

Аграрный вопрос в ходе этого восстания так и останется неразрешенным. Среди самих участников национального движения не было никакого единства по этому поводу. Знаменитый идеолог движения профессор Виленского университета Лелевель и члены связанного с декабристами «Патриотического общества» открыто обвиняли сейм и лично диктатора восстания Хлопицкого в проявлении «шляхетского эгоизма». Польское национальное дворянство действительно не торопилось разрешать крестьянскую проблему.

Положение же крестьян в первой четверти XIX века стало уже просто критическим. Продолжая расширять площади своих земель, шляхтичи сокращали участки, арендуемые крестьянами. Таким образом, большая часть польского крестьянства должна была влиться в состав батраков в дворянских фольварках или переходить на менее продуктивные разорительные участки. Восставший сейм пошел по пути частичных уступок. Вначале землю получили те из крестьян, кто был ранен в боях 1830–1831 годов. Это правило распространили и на членов семей погибших в этой войне. Затем, уже после крупного поражения польских войск под Гроховым 25 февраля 1831 года, обсуждение земельного вопроса было продолжено. Шляхта согласилась дать землю, но только крестьянам из государственных имений. Депутат сейма Шанецкий предложил распространить эту практику и на крестьян частных имений. Но общий шляхетский состав сейма высказался решительно против. Причем «против» оказались, в том числе и члены «Патриотического общества», до того пенявшие Хлопицкому на невнимание к крестьянскому вопросу. Крестьянских представителей даже не допустили на заседания сейма, так «беспокоившегося» об их судьбе. Дебаты по этому вопросу шли 20 дней, но так и не принесли ничего нового. В результате крестьянство утратило всякий интерес к восстанию, посчитав его «панским делом»⁶.

Что касается маркиза Велепольского, то в это время он начал свою карьеру политического деятеля. Он участвует в восстании 1830 года, будучи избранным депутатом выше описанного сейма. Так что обсуждение крестьянского вопроса проходило и с его участием. Впрочем, его позиция по данной проблеме не отличалась от таковой других представителей шляхетского сословия. Тем более, Велепольского никак не отнесешь к числу лидеров сейма, прославившихся своими пламенными выступлениями.

8 сентября 1831 года русские войска под командованием Паскевича входят в Варшаву. Сейм уходит из города сначала в Модлин, затем в Закрочим и Плоцк. В итоге депутаты сейма оказались в эмиграции в Австрии, Пруссии, во Франции. Вместе с сеймом эмигрировал и Велепольский. В связи с этим, в частности, приостановился ход упоминавшегося выше судебного процесса за земли майората.

Однако сразу же после подавления восстания Николай I объявляет амнистию всем его участникам, кроме отдельных категорий, особенно рьяно выступавших против русских властей. Показательно, что среди вернувшихся амнистированных в Польское царство сразу же приезжает и Александр Велепольский, по-видимому, не запятнавший себя ничем серьезным в глазах русского царя. К 40-м годам XIX века он окончательно переходит в лагерь русофилов. Оставалось заявить в официальной форме эту свою новую позицию и в 1846 году повод для этого нашелся.

В Европе начинается новая волна революционного движения, затронувшего, в том числе земли австро-польской Галиции. Там сложилась оригинальная ситуация. Чтобы усилить зависимость галицийской шляхты от Вены, австрийские власти стали поддерживать в здешних социальных конфликтах восставших крестьян. Здесь следует еще учесть, что большая часть галицийских крестьян – этнические украинцы, таким образом, Австрия последовательно продолжает свою многолетнюю имперскую практику стравливания славян между собой. Эта позиция властей была лично одобрена и рекомендована австрийским канцлером Меттернихом.

По этому поводу Велепольский издает в Бреславле анонимную брошюру «Письмо к князю Меттерниху», в которой достаточно нелицеприятно оценивает политику австрийцев и лично канцлера. В противоположность Австрии, Велепольский обращается к России и лично к Николаю I, связывая с ним идею единства славянских народов. До этого пророссийски настроенная польская шляхта еще не заявляла так своих позиций. Брошюра была издана на французском языке и стала довольно известной в Европе. Впрочем, в России тогда на нее практически не обратили внимания. Это произойдет позже и еще сослужит свою службу.

Пока же Велепольский занимается в основном своим хозяйством и втягивается в новый судебный процесс. Еще в бытность пребывания в составе восставшего сейма, молодой маркиз сошелся с другим депутатом – генералом Константином Свидзинским. Свидзинский – настоящий польский интеллигент, библиофил, археолог, знаток и коллекционер памятников старины. В сейме он активен и заметен, представляя довольно крупный Опочинский повет. Именно он, например, вступает в заочный спор с генералом Хлопицким на одном из поворотных заседаний сейма 18 декабря 1830 года, заставив сейм признать Хлопицкого диктатором Царства Польского. Для этого Свидзинский инициировал согласие сейма на дополнительные условия, поставленные Хлопицким⁷.

В 1855 году Свидзинский заканчивает свою бурную жизнь. Но остается вопрос о его богатейшей коллекции. Эту коллекцию редких книг, рукописей, памятников старины Свидзинский вместе со своим состоянием завещает Велепольскому. Смысл завещания был в том, что коллекция приобретет публичный характер со свободным доступом для желающих, но размещаться будет в Мышковском майорате, владельцем которого был маркиз. Таким образом, Велепольский перевез коллекцию в свою усадьбу Эрберм. Однако родственников покойного, в том числе вдову Екатерину Свидзинскую, это не устроило. Они настаивали на размещении коллекции в Варшаве, где она имела бы большую известность. В свою очередь, Велепольский мотивировал свое несогласие с такой позицией материальными соображениями. Велепольский был небогат и не мог из-за этого перевезти коллекцию Свидзинского в столицу Царства. Конфликт дошел до суда, где в этот раз дело решилось в пользу маркиза. Однако многие расценили его действия, как утаивание коллекции от народа, поэтому популярности Велепольскому этот казус не добавил.

Тем временем Царство Польское постепенно катилось к новой волне национально-освободительной борьбы. И снова важную роль в ней сыграл аграрный крестьянский вопрос.

После событий 1830–1831 годов Николай I ликвидировал остатки свобод, которыми первоначально пользовались поляки в составе Российской империи. В этом вопросе царское правительство действовало в полном согласии с Австрией, включившей в 1846 году Краков в границы своего государства⁸. К концу царствования

Николая I Царство Польское фактически превратилось в оккупированный край, правда, с особенностями управления. Александр II в начале своего правления также не привнес ничего существенно нового. Но уже вскоре ситуация меняется.

В России готовится крестьянская реформа, ее варианты активно обсуждаются в корпоративных дворянских собраниях. Отголоски этого стали проявляться и в Варшаве. В 1857 году царь разрешает открыть здесь «Земледельческое общество». Вскоре «Общество» распространило свое влияние на массу польской интеллигенции, ученых, литераторов, а также купцов и промышленников. Председателем «Общества» стал граф Замоиский, сделавший ставку на подъем культурного уровня населения. Члены «Общества» обсуждали технические вопросы, а также проблемы устройства быта крестьян.

В 1859 году царское правительство вспомнило об «Обществе» в связи с необходимостью выработки своих предложений по крестьянской проблеме в том числе и в Польше. В Царстве после 1831 году не было разрешенных дворянских собраний, поэтому и обратились с этим вопросом к графу Замоискому. Обстановка же в Варшаве продолжала накаляться. 11 июня 1860 года прошли похороны Екатерины Свидзинской, вдовы Константина Свидзинского. Они превратились в политическую манифестацию под лозунгами 1831 года. Подобные манифестации, разогнанные властями, прошли еще в октябре 1860 г. и в феврале 1861 года.

Как раз к этому моменту «Земледельческое общество» пришло к определенным выводам. Члены «Общества» заявили, что для решения аграрной проблемы в Царстве будет недостаточно перевести крестьян на долгосрочную аренду. Необходимо предоставить им земельные наделы на условиях выкупа. Последние заседания «Земледельческого общества» состоялись в феврале 1861 года. В это время уже шли столкновения манифестантов с царскими войсками в Варшаве, так что даже такие, в общем скромные предложения по улучшению ситуации в польском селе фактически уже опоздали.

Наместник Царства князь Горчаков попробовал все же договориться с недовольными. Он разрешил варшавянам составить адрес со списком требований на имя Александра II, который будет обязательно учтен и рассмотрен. Составлением такого адреса вновь занялось «Земледельческое общество». Оно стало пользоваться определенным авторитетом среди поляков и в глазах царской администрации, так как не участвовало в «уличных беспорядках».

Вот здесь и начался короткий политический взлет Александра Велепольского. Он сам является в «Земледельческое общество» и предлагает ему свой проект такого адреса. В этом проекте Велепольский апеллировал к конституционной хартии 1815 г., которую дал Царству еще Александр I. При этом автор уже не настаивал на воссоздании самостоятельных представительных органов (сеймов и сеймиков), очевидно предполагая бессмысленность такого требования. На его взгляд, Царству было необходимо только самоуправление, и в этом вопросе Александр II мог бы вполне довериться полякам. Велепольский просил царя забыть болезненные конфликты прошлого и благодарил его за открытие самого «Земледельческого общества», а также Медико-хирургической академии в Варшаве в 1857 году.

Однако проект Велепольского не вызвал особого энтузиазма у других членов «Общества». Часть их посчитала текст адреса нарочито униженным и не соответствующим истинным чаяниям поляков, желавших полного восстановления государственной независимости. Другие вообще не верили в перспективность подобного

обращения к русскому царю. В итоге в «Земледельческом обществе» была составлена другая петиция. Как подчеркивают М.К. Любавский и другие авторы, занимавшиеся этим вопросом, петиция не содержала никаких практических предложений по разрешению ситуации, «состояла из одних скорбных жалоб» и «указаний на бедственное состояние страны»⁹.

Тем не менее, Велепольский не отступился от своей попытки примирить Польшу с Россией. Он начинает использовать личные связи. В частности, ему удается посредством статс-секретаря Эноха заявить о себе перед князем Горчаковым. Вот здесь и пригодилась изданная в 1846 году против Меттерниха брошюра. Как пишет Спасович, Энох ознакомил Горчакова с ее содержанием, которое, в свою очередь, очень понравилось последнему и вызвало полное политическое доверие. И в самом деле, Велепольский открыто обосновывал будущность Польши только единением с Российским государством. Причем, по мнению маркиза, это вполне соответствовало историческим традициям Польши.

Горчаков решил привлечь Велепольского к административной деятельности, сделав его одним из своих помощников. Для начала ему предложили должность директора комиссии исповеданий и просвещения. Однако фактически маркиз стал главным советником наместника. Под его влиянием Горчаков отправляет доклад Александру II, в котором вновь оживают предложения Велепольского, не одобренные до того «Земледельческим обществом». Теперь он пошел еще дальше. В итоге доклада император издает в марте 1861 года указ о фактическом восстановлении «Органического статута» 1832 года. Этот указ объявлял польскую корону наследственной в доме Романовых, но, с другой стороны, гарантировал полный набор гражданских свобод, отдельное гражданское управление и законодательство, местное самоуправление.

В ситуации 1861 года основные положения указа свелись к пяти пунктам. Учреждались губернские окружные и городские советы (собрания) из выборных, которые должны были стать органами самоуправления. Создавался особый государственный совет для Царства Польского, в его состав предлагалось включить именитых людей и сановников Царства. Государственный совет занимался бы своим, польским годовым бюджетом, возглавлял систему управления на местах без посредства царской администрации. Далее предполагалось преобразовать училища в польском духе, учредить высшие училища, а среди них создать Главную школу. Она станет затем Варшавским университетом. Кроме того, создавалась независимая от Санкт-Петербурга комиссия народного просвещения и вероисповеданий, необходимая в связи с особой ролью католической религии в Польше, тяготившейся контролем со стороны православных епархий. Последняя мера имела и несомненного кандидата на пост главы комиссии, фактически министра – самого Велепольского.

Сам маркиз надеялся, что указ получит определенное одобрение хотя бы среди части польского общества, шляхты, не согласной с перспективой новых социальных потрясений и вооруженного противостояния с русскими войсками. Однако его позиция опять оказалась не понята самими поляками¹⁰. Велепольский не получил поддержки, а его предложения воспринимались не более чем уступки, свидетельство слабости.

Тогда новый представитель администрации Горчакова попытался действовать силой. Он сделал замечание католическому духовенству за участие в антиправи-

тельстванных манифестациях. Из этого возник спор о веротерпимости. Велепольский, являясь ее сторонником, заявил о готовности придерживаться веротерпимости в отношении католиков. Это было нечто новое для представителей главной в Польше конфессии, еще 100 лет назад навязывавшей свою религию православным христианам. Теперь свой же поляк на польской земле заявлял о веротерпимости по отношению к ним. Далее, в апреле 1861 года, Велепольский настоял на закрытии «Земледельческого общества», с которым окончательно разошелся. Впрочем, повод для этого был вполне официальный. Функции «Общества» по земледельческому вопросу перешли к новому государственному совету. В губерниях создавались землевладельческие съезды, поэтому администрация больше не имела необходимости в сохранении «Общества», к тому же связанного с оппозицией. Руководитель «Общества» граф Замойский был прямым политическим противником Велепольского.

Факт закрытия «Общества» стал новым поводом для манифестаций. Велепольский выступил инициатором применения оружия против манифестантов, и на улицах Варшавы опять началась стрельба. В результате погибло и было ранено в общей сложности несколько сотен человек. Начался политический скандал, в расстрелах был обвинен директор судебной комиссии Воловский. Он подал в отставку, а Велепольский довольно самонадеянно возложил на себя его функции. Так он стал фактически еще и министром юстиции в Царстве Польском. На этом посту он принял новый местный закон, по которому польские гражданские суды могли налагать умеренные наказания на участников подобных манифестаций с отбыванием их в самой Польше. Это в общем-то был еще один компромисс, ведь еще за 10 лет до этих событий в подобных случаях осужденных вывозили в Сибирь. В своей официальной речи Велепольский объявил, что передает в руки судебных властей «спасенный в кровавой схватке порядок».

Далее он возвращается к все еще не решенному крестьянскому вопросу. К сожалению, здесь его позиция была более отсталой даже в сравнении с официальным Манифестом Александра II в отношении русских крестьян. Если «Земледельческое общество» все же сочло необходимым наделять крестьян землей из помещичьих владений, то Велепольский понял такие меры, как насилие по отношению к шляхте. Он ввел вместо ненавистной крестьянам барщины оброчную систему. В начале она предполагалась как добровольная, по усмотрению крестьян и землевладельцев, а затем стала вводиться на принудительных принципах. Такие меры никак не могли быть выходом из сложившейся ситуации, и практически предопределили социальную активность крестьян на первом этапе будущего нового восстания 1863 года.

Несколько более успешной была деятельность Велепольского в сфере образования. Увеличилось число низших и средних училищ, причем программу обучения в них приблизили к европейским (особенно французским) школам.

Тем не менее, в целом инициативы маркиза не стали эффективнее. К тому же, 17 мая 1861 года умер главный покровитель Велепольского – князь Горчаков. Новые наместники генерал Сухозанет, а затем Карл Ламберт в советах маркиза не нуждались. Сухозанет восстановил в Варшаве военное положение, и Велепольский в ответ на это подал в отставку. Однако степень доверия к нему была еще велика, поэтому в отставку в итоге был отправлен вместо него сам новый наместник. В отношении же позиции Ламберта мнения расходятся. Тот же Любавский

обвиняет его в излишнем либерализме, попустительстве «бунтовщикам» и бездействии. Спасович, наоборот, считает, что Ламберт проявил излишнюю жесткость, начав аресты недовольных прямо в католических костелах во время богослужения. Последнее маловероятно, учитывая, что Ламберт сам был католиком.

В конце октября 1861 года Велепольского вызвали в Петербург для объяснений по поводу сложившейся в Царстве ситуации. Здесь он находился по июнь 1862 года. Маркиз предлагал продолжать создавать автономные учреждения. Ситуация для этого в самой России после крестьянской реформы 19 февраля 1861 года сложилась благоприятная. В Варшаве снова открываются католические храмы, по согласованию с Ватиканом назначается новый архиепископ, петербургский профессор Фелинский. Наместником Царства стал брат Александра II Константин Николаевич. Сам же Велепольский получил просимую им отставку с поста директора комиссии вероисповеданий и народного просвещения, а также юстиции. Вместо этого он возглавил всю систему гражданского управления и стал вице-председателем государственного совета Царства. Фактически, теперь он второе лицо в Варшаве после великого князя Константина.

Между тем обстановка в Варшаве продолжает обостряться, и последние организационные изменения оказались бессильны. Легко ранен был новый наместник Константин Николаевич, стреляли и напали с кинжалом на Велепольского. В сентябре 1862 года в Варшаве по призыву графа Замойского собралось около трехсот помещиков-землевладельцев. Ими было составлено обращение к Александру II с требованием восстановления Польши в границах 1772 года. О судьбе же крестьянской земли там не было сказано ничего, политические требования оказались в очередной раз важнее. Велепольский пытался изъять этот документ, хранившийся у Замойского. Однако последний его не отдал. Тогда Замойского отправили в Петербург. Граф подтвердил указанные требования в личном разговоре с императором, после чего был выслан за границу.

Велепольский все больше терял контроль над ситуацией. Не спасли ни амнистия в сентябре 1862 года, ни созыв польских уездных советов из шляхты, ни открытие Главной школы в Варшаве в ноябре 1862 года. Без решения крестьянского аграрного вопроса эти полумеры не дали результатов. Тогда, чтобы «разрядить обстановку», изъав из польского общества наиболее радикальные элементы, 3 января 1863 года Велепольский проводит срочный массовый набор в рекруты польской молодежи. Набор проходил по именованным спискам, а не по жребию, как обычно.

В результате в ночь с 22 на 23 января 1863 года в Царстве Польском вспыхнуло массовое восстание. Причем к его участию Центральный Комитет восставших привлек довольно много крестьян, о судьбе которых так и не побеспокоился Велепольский. Зато «побеспокоились» революционеры. Накануне восстания они издали Декрет о наделении крестьян землей во владениях казны, духовенства и частных лиц. Этот Декрет специально зачитывали и разъясняли крестьянам. Правда, впоследствии воздействие этого Декрета будет существенно снижено вмешательством правого шляхетского крыла восставших.

Для Велепольского же все было кончено. Все его попытки примирить польскую общественность с фактом пребывания в Российской империи успеха не принесли. Остановить польскую революцию, как известно, удалось, только наделив крестьян землей по указу 19 февраля 1864 года и создав для них сословное самоуправление. В июне 1863 года Велепольский берет отпуск и уезжает за границу,

откуда он уже не вернется. 19 октября 1863 года он был уволен со всех должностей, хотя и с признанием всех заслуг перед императором. Последние годы жизни он проводит в Дрездене в полном одиночестве. В 1867 году был разбит параличом и через 10 лет скончался.

До конца жизни он так и не понял суть земельной проблемы в своей стране, всегда оставаясь противником наделения земель крестьян. Противоречивый политик, сторонник демократии и противник сословных перегородок, в своих политических устремлениях он не выходил за пределы лозунгов начала Французской революции 1789 года и кодексов Наполеона Бонапарта. Усилия же по примирению Польши и России были, к сожалению, оценены его соотечественниками лишь как измена национальным идеалам.

Примечания

¹ Дэвис Н. История Европы. М., 2004. С. 429.

² Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976. С. 209.

³ Всемирная история: Развитие государств Восточной Европы. Минск; Москва, 2001. С. 78.

⁴ Любавский М.К. История западных славян. М., 2004. С. 485.

⁵ Дэвис Н. Указ. соч. С. 477.

⁶ Любавский М.К. Указ. соч. С. 519.

⁷ Кицкая Н. Главы из «Воспоминаний» // Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 годов. М., 2005. С.203–204.

⁸ История СССР в 12 т. М., 1967. Т. IV. С. 469–470.

⁹ Любавский М.К. Указ. соч. С. 536; Спасович В.Д. Маркиз А. Велепольский, его жизнь и политика. СПб., 1882. С. 312.

¹⁰ Егер О. Новейшая история. СПб.; М, 1999. С. 590.

А.Г. ТУМАНОВ

АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА 1899–1902 ГОДОВ В ОЦЕНКЕ РУССКИХ СОВРЕМЕННОКОВ

В конце XIX века внимание всей мировой общественности было приковано к конфликту между Великобританией и бурскими республиками, явившемуся итогом столетней борьбы Великобритании за Южную Африку. Не исключением стала и общественность Российской империи, которая пристально следила за происходившими там событиями, что весьма примечательно, так как Россия не имела политических споров и конфликтов из-за территорий в Африке с Англией. Важно понять причины столь сильного интереса в России к проблемам Бурских республик, симпатии к ним в борьбе против Англии. Необходимо разобраться, было ли это вызвано государственной пропагандой, своеобразным госзаказом или же это было причиной англофобии значительного процента населения Российской империи. Интересно сравнить оценки событий в официальных и либеральных СМИ, а также отношение к борьбе буров против Британии у русских современников.

С 1880-х годов в русской печати стали появляться различные материалы, посвященные истории, культуре, развитию бурских республик. Это было вызвано тем, что именно в этот период остро встал вопрос о предоставлении политических прав европейским иммигрантам так называемым «уитлендерам» (чужеземцы). Большая часть переселенцев была англичанами, которые хлынули в Бурские

республики после открытия в Южной Африке месторождений золота и алмазов. Получив равные избирательные права, иммигранты ввиду их многочисленности могли бы победить на выборах в местный парламент – фолксраад. Что привело бы к утрате политической власти бурами, а также не исключало возможности установления английского контроля над республиками. Русская общественность, как либеральная, так и консервативная, практически всецело в этом вопросе была на стороне буров: «Если всем пришельцам (англичанам) предоставить права избирателей, то они сгруппируются около англичан, от которых зависят своими зарплатами и получают большинство в народном собрании, после чего выберут нового президента, англичанина, и господство над республикой перейдет на законном основании в английские руки»¹. Важно и то, что эти «уитлендеры», как называли их буры, лишь в редких случаях могли сохранить роль самостоятельных золотоискателей. Большинство же переходило на положение наемных рабочих. Золотые прииски Трансвааля, как и алмазные копи, попали под контроль финансовой группы Сессия Родса, проводника английской колониальной политики в Африке. В довершение всего Родс стал премьер-министром Капской колонии². Недовольство уитлендеров постоянно нарастало. К тому же, Сессиль Родс организовал в Йоханнесбурге революционное движение (национальный союз Трансвааля). Он и его приятель Бейт, немец по происхождению, разбогатевший на золотых приисках, затратил на это дело 260 тыс. фунтов стерлингов³. Представители этой организации, как отмечалось в журнале «Вестник Европы»: «Обратились к администратору британской южно-африканской компании, доктору Джеймсону, с призывом о помощи, в виду тягостных условиях, в которых очутились англичане в Трансваале. В этом послании, подписанном 28 декабря некоторыми влиятельными жителями Йоханнесбурга, указывалось на вопиющую несправедливость господства боэров (буров – *A.T.*) над иностранцами и на опасность для жизни англичан и их семейств при возможном конфликте с хорошо вооруженными боэрами. Джеймсон, находящийся тогда с военным отрядом близ границ Трансвааля, тотчас же последовал приглашению и быстро двинулся в путь. В день Нового года он надеялся со своим небольшим отборным войском в 800 человек дойти до Йоханнесбурга и занять его; но в действительности он был по дороге остановлен боэрами, которые нанесли его людям жестокий урон. Отряд Джеймсона защищался упорно до следующего дня, пока, наконец, не вынужден был сдать на капитуляцию»⁴. За 4 дня до набега Джеймсона, «национальный союз Трансвааля» издал манифест, который содержал в себе следующие требования: «1. Настоящего республиканского правления и конституции, составленной компетентными представителями, избираемыми всем народом, и огражденной от внезапных перемен 2. Справедливого распределения права голоса и честного представительства 3. Равноправия голландского и английского языков 4. Ответственности министров перед парламентом 5. Отмены религиозных право ограничений 6. Независимости суда с материально-обеспеченным положением судей 7. Широкого собрания 8. Делегированных чиновников 9. Свободы торговли для народов Южной Африки»⁵. «Вестник Европы» писал по поводу публикации манифеста: «Если иметь в виду, что все эти пункты за исключением «республиканского образа правления» составляют первые основы всякой английской колонии, даже полусамостоятельных, как Гонг-Конг или Мальта, то трудно говорить о намерениях Англии лишить именно свободы населения Трансваальской

республики. В оправдание боэров нужно, конечно, сказать, что они отстаивали свою республику не столько из сопротивления реформам как таковым, сколько из боязни «присоединения» к Англии⁶. Русская общественность считала, что провокация Джеймсона была организована с ведома английского правительства. Вот как был прокомментирован этот факт в русской печати: «Что Джеймсон был только исполнителем проекта, задуманного не им – это подтверждается и отношением к приказу остановиться, переданному ему в дороге от имени британского правительства. В его отряде были английские офицеры, состоящие на службе, и для них, еще более чем для Джеймсона, немисливо было действовать против воли высшего начальства, если бы они не знали о закулисном участии и одобрении авторитетных представителей английской власти. Английский министр колоний сурово осудил предприятие, как незаконное. Любопытно, что толки об опасном внутреннем кризисе и о невыносимом положении англичан в Трансваале усиливаются в английской печати по мере оживления интереса к Трансваальским богатствам. В сущности даже в самой Англии мало кто верит этим жалобам на угнетение процветающих промышленников Йоханнесбурга, скромными земледельцами, сидящими на своих фермах и сохраняющими поныне свои патриархальные нравы, свою религиозность, свои голландские традиции свободы и самоуправления»⁷.

В Российской империи прекрасно понимали, что конфликт, скорее всего, перерастет в войну, а после набега вооруженного отряда доктора Джеймсона это стало просто очевидно. Как отмечала русская пресса в предвоенный период, буры и сами давно готовились к войне: «Боэры давно, как это теперь видно, предвидели возможность войны и деятельно приготавливались к ней еще со времен набега Джеймсона, устроенного Родсом в конце 1895 г.; но планы британских патриотов стали известны и уже с тех пор Трансвааль вооружается неустанно. Боэры поспешили, по крайней мере, предупредить нашествие и начать военные действия на британской территории и они сумели дать войне такой оборот, которого никто не ожидал»⁸. Еще в 1897 году посол России в Великобритании Е.Е. Сталь обращал внимание министра иностранных дел Муравьева на обострение ситуации в Южной Африке. 16 апреля 1897 года он писал: «Если дело дойдет до вооруженного столкновения, то шансы на успех, конечно, на стороне Англии, но задача ее будет не легкая»⁹.

10 сентября 1899 года министр колоний Дж. Чемберлен в телеграмме президенту Трансваала П. Крюгеру потребовал предоставления избирательных прав всем европейцам, прожившим в республике не менее 5 лет. Ультиматум Чемберлена в конечном итоге подтолкнул к началу вооруженного конфликта. 11 октября бурские войска перешли границы Капской колонии и Наталя, война была развязана.

Общественность и пресса большинства европейских государств, в том числе и России, сразу же высказалась в поддержку борьбы буров против британской экспансии. В Российской империи частные лица и организации стали оказывать помощь бурским республикам. Достаточно сказать, что были собраны 70 тыс. подписей в поддержку буров и вместе с небольшой скульптурной композицией под названием «Братина» подарены им¹⁰.

Однако существовало и совершенно другое отношение к проблеме бурских республик в Российской империи. Известный польский писатель Г. Сенкевич, подданный Российской империи и современник событий, считал: «Ненормально

направление гуманного чувства в сторону далеких обитателей Африки. Когда у нас под боком существуют бедствия, неизмеримо более для нас близкие и чувствительные»¹¹.

Российский император Николай II и правительство Российской империи с особым вниманием следили за происходившими в Африке событиями, и проявляли осторожность в своих комментариях и оценках, опасаясь обострения конфликта с Британской империей. Российское Министерство иностранных дел и Главный штаб долго отклоняли просьбы русских офицеров командировать их, хотя бы в качестве наблюдателей, в бурские республики. Товарищ министра иностранных дел Российской империи, граф Ламздорф отвечал на одну из таких просьб следующее: «Вследствие сего имею честь уведомить вас, что официальное командирование русского офицера в названную страну с политической точки зрения представляется весьма щекотливым, так как в обострении отношений между Великобританией и Трансваалем весьма серьезное значение имел вопрос о правах последнего на независимость, и потому положение республики как воюющей стороны считается еще невыясненным»¹². Однако военные наблюдатели все же были командированы в Южную Африку, с целью анализа особенностей ведения современной войны и применения новых видов вооружений. Столь осторожная официальная позиция русского правительства сохранялась практически до самого конца войны. Лишь в феврале 1900 г., когда в ходе англо-бурской войны наметился перелом в пользу Англии, царская дипломатия стала призывать державы к совместному демаршу в Лондоне, с предложением о посредничестве для скорейшего завершения войны¹³. К тому же в некоторых официальных изданиях появлялись статьи в поддержку борьбы буров за свою независимость, например в проправительственной газете «Новое время»: «Прямые религиозные фермеры, решившие своей кровью отстоять свободу отечества, всегда будут ближе сердцу святой Руси, чем наш исконный враг – холодная и эгоистичная Англия»¹⁴.

На первых этапах война складывалась удачно для буров, которые, как отмечалось в русской печати: «Первые перешли к активным военным действиям. Боэры поспешили, по крайней мере, предупредить нашествие и начать военные действия на британской территории и они сумели дать войне такой оборот, какого никто не ожидал»¹⁵. Они одержали ряд побед и нанесли английским войскам ощутимый урон. Причина этого кроется, по мнению ряда исследователей, в том что: «Большинство английских солдат были новобранцами, совсем молодыми и необстрелянными. В первые недели войны английские войска уступали бурским даже по численности»¹⁶. Сами англичане свои военные неудачи объясняли новой тактикой буров (рассыпной строй, засады, использование естественных укреплений). С восхищением отзывался о партизанских методах борьбы буров журнал «Вестник Европы»: «Боэры не соблюдают правил военного искусства. Незначительная горсть людей действующих, откуда-то из-за гор, останавливает своим огнем движение целых полков и производит впечатление грозной силы, с которой трудно бороться»¹⁷.

Русских современников поражало то, что борьба с двумя крошечными республиками потребовала усилий всех жителей Британской империи: «Парламент выражает готовность на всевозможные жертвы для успешного продолжения войны; кредит в размере 13 млн фунтов стерлингов и дополнительный набор 120 тыс. человек утверждены огромным большинством. Особенно поразительно отношение

к настоящей войне таких в сущности постоянных и фактически независимых колоний, как Канада и Австралия. Обе они предложили свои отряды вспомогательных войск и обнаружили решительную солидарность с английской империей»¹⁸. Известный русский историк и публицист П.Г. Мижуев отмечал, что помощь в войне с бурами Англии оказывало не только английское население колоний, но и представители других национальностей: «В тех проявлениях патриотических чувств, которые вызвала в Канаде Южно-Африканская война, французы большей частью не отставали от англичан»¹⁹.

В России и Европе многие общественные деятели всерьез полагали, что буры смогут одержать победу в войне. Так, один из лидеров немецких социалистов Вильгельм Либкнехт заявил в своей речи 28 июля 1900 г.: «А в Трансваале война еще далеко не кончена! О воинской способности буров я уже говорил; война может длиться бесконечно там, где сражается целый народ, и Англия, несмотря на все, должна будет уступить в Южной Африке»²⁰.

С самого начала войны сотни и тысячи добровольцев из разных стран направились в Южную Африку. Среди них было немало и русских. По воспоминаниям многих участников войны, русские добровольцы всегда отличались мужеством и воинским искусством: «В бурские командос шли исключительно люди дела, это были преимущественно голландцы и, к нашей национальной похвале будет сказано, в значительном числе русские»²¹. Русские составляли значительный процент среди иностранцев, сражавшихся на стороне бурских республик: «Принято считать, что среди более 2000 добровольцев из разных стран от 200 до 250 человек приехали из России. Конечно, среди добровольцев имелись и потери, в боях погибло несколько русских офицеров: «Дуплов, Покровский, Петров, фон Стрельман, Никитин»²². Интересно, что немало было из России добровольцев врачей и сестер милосердия: «Отряд Российского общества красного креста, приехал 26 января 1900 г. – 31 человек, из них 5 врачей. Русско-голландский санитарный отряд прибыл 3 февраля 1900 г. – 22 человека, из них 7 врачей»²³.

Терпя неудачи в войне, Британцы пошли на ужесточение способов контроля над занятыми территориями, и перешли к прямым репрессиям по отношению к гражданскому населению. В частности впервые стали использоваться концентрационные лагеря: «Чтобы прекратить партизанскую войну, английские власти сгоняли гражданское население страны – женщин, детей, стариков – в концентрационные лагеря (официально они, как бы в издевку, именовались «refuge» – «убежище», «место спасения». Туда согнали 200 тыс. человек гражданского населения – 120 тыс. буров и 80 тыс. африканцев)»²⁴. Подчеркивали жестокость англичан и русские периодические издания: «Фельдмаршал Робертс прибегает к жестоким мерам, чтобы сломить сопротивление; он требует от туземных обывателей присяги и грозит смертной казнью. За ее нарушение он объявляет, что будет рассматривать отдельные вооруженные отряды, числом менее 10 человек, как разбойничьи шайки и что фермы, около которых они появятся, будут сравнены с землей; он конфискует частное имущество без всяких объяснений»²⁵. Основную вину за развязывание войны и бесчинства англичан русское общество приписывало британскому правительству и политическим кругам Англии: «Никто в мире не может питать ненависть к английскому народу и к английской культуре за то, что неразборчивые в средствах британские деятели втянули Англию в несправедливую и жестокую войну»²⁶.

Несмотря на отчаянное сопротивление, силы бурских армий были разгромлены. Громадное превосходство английской армии и большие потери среди гражданского населения заставили бурское командование пойти на переговоры. 31 мая 1902 г. был подписан мирный договор, по которому: «1. Бюргеры должны сложить оружие и признать себя подданными Эдуарда VII. 2. Все пленные, давшие клятву верности, должны быть освобождены. 3. Их свобода и собственность должны быть неприкосновенны. 4. Должна быть объявлена амнистия, за исключением специальных случаев. 5. Голландский язык должен быть разрешен в школах и судах. 6. Разрешается обладание зарегистрированным оружием. 7. Самоуправление должно быть установлено как можно скорее. 8. Туземцам предоставляется право участия в выборах только после установления самоуправления. 9. Земля не облагается никаким специальным налогом. 10. Должна быть оказана помощь людям в возвращении на собственные фермы. 11. Для оказания помощи фермерам должна быть выделена сумма в 3 миллиона фунтов стерлингов. 12. Мятежникам должно быть отказано в праве участия в выборах, их главари должны предстать перед судом при условии неприменения смертной казни»²⁷.

Англии тяжело и дорого досталась победа. Вот как прокомментировал цену этой победы «Вестник Европы»: «Англичане потеряли в этой войне около 40 тыс. человек, в том числе массу офицеров; жертвы принесены колоссальные, но цель достигнута – 2 самостоятельные южно-африканские республики перестали существовать и обогатили собою владения королевы Виктории»²⁸. Очень дорого обошлось ведение войны Великобританией и в экономическом плане. Первоначальные оценки, что конфликт в Южной Африке стоил бы 5 или 10 млн ф. ст. или даже 21,5 млн ф. ст. были скоро отмечены. В 1899–1900 гг. расходы армии повысились с 21 млн ф. ст. до 44,1 млн ф. ст. и за следующие два года они выросли до 92,4 и 94 млн ф. ст. Полные правительственные расходы повысились соответственно, достигая вызывающего головокружение числа 205 млн ф. ст. в 1901–1902 гг. Вместо обычного излишка ежегодные бюджеты показали большие дефициты, почти 14 млн ф. ст. в 1899–1900 гг. и приблизительно 53 млн ф. ст. в течение каждого года из следующих двух лет²⁹. Современник войны, английский писатель А. Конан-Дойл особо выделял положительные нравственные и психологические итоги победы в войне для укрепления имперских позиций Великобритании: «После двух лет и семи с половиной месяцев военных действий голландские республики неохотно согласились на свою ликвидацию и вся Южная Африка, от Кейптауна до Замбези, была присоединена к Британской империи. Великая борьба стоила нам двадцати тысяч жизней и сотни тысяч раненых, наряду с двумя сотнями миллионов фунтов. Но помимо мирной Южной Африки, она принесла нам национальное нравственное воскрешение и более тесную сплоченность с нашими великими колониями – то, чего невозможно было достичь никаким иным способом. Когда мы вступали в борьбу, мы надеялись, что являемся сильной Империей; когда мы вышли из нее – были в этом уверены. И в этом изменении заключена обширная компенсация за пролитую кровь и затраченные материальные средства. Условия капитуляции вкратце состояли в следующем»³⁰.

Итак, практически вся мировая печать и общественность осуждали развязанную Британией войну, создание концентрационных лагерей, а также условия содержания пленных буров. Не были исключением и русские издания. Простые русские люди искренне сопереживали бурам, старались всячески оказать им помощь, добровольцами вступали в армию буров. Защищая от Англии Южную Африку,

многие верили, что тем самым защищают Россию от своего старого противника – Англии. Не малую роль в столь активном внимании к проблемам далеких для русских бурских республик сыграла пресса, которая своими материалами целенаправленно провоцировала интерес общественности к событиям в Южной Африке. Интересно, на наш взгляд, то, что в российском обществе существовала и другая точка зрения на данную проблему: не имеет смысла так сильно сопереживать проблемам бурских республик и отвлекаться от решения насущных проблем в своей стране.

Как известно, царская Россия не имела колониальных владений на территории Африканского континента и не имела экономических интересов в Южной Африке. Именно поэтому правительство Российской империи и не желало обострения отношений с Британией из-за бурских республик. Со временем российской общественности и властям становится очевидна необходимость англо-русского сотрудничества, решения всех территориальных и политических конфликтов дипломатическим путем, особенно в преддверии надвигающегося мирового конфликта. Эти обстоятельства привели в итоге к созданию союза Антанты, куда вошли Англия и Россия.

Примечания

- ¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1900. Книга 1. С. 375.
- ² Кертман Л.Е. География, история и культура Англии. М.: Высшая школа, 1979. С. 260.
- ³ Галеви Э. История Англии в эпоху империализма. М.: Соцэкономиздат, 1937. Т. 1. С. 26.
- ⁴ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1896. Книга 2. С. 856.
- ⁵ Колониальная политика Англии в ее прошлом и настоящем // Вестник Европы. 1900. Книга 3. С. 188–189.
- ⁶ Там же. С. 189.
- ⁷ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1896. Книга 2. С. 858–861.
- ⁸ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1900. Книга 1. С. 376.
- ⁹ Вяткина Р.Р. Англо-бурская война 1899–1902 гг. в русских документах // Преподавание истории в школе. 1991. № 4. С. 17.
- ¹⁰ Шубин Г.В. Участие российских подданных в англо-бурской войне (1899–1902 гг.): по материалам Российского государственного военно-исторического архива. М.: РАН, 1999. Т. 2. С. 11.
- ¹¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1900. Книга 4. С. 821.
- ¹² Шубин Г.В. Участие российских подданных в англо-бурской войне (1899–1902 гг.): по материалам Российского государственного военно-исторического архива. М.: РАН, 1999. Т. 2. С. 17.
- ¹³ Никитина И.А. Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.). М.: Наука, 1970. С. 146.
- ¹⁴ Шубин Г.В. Участие российских подданных в англо-бурской войне (1899–1902 гг.): по материалам Российского государственного военно-исторического архива. М.: РАН, 1999. Т. 2. С. 28.
- ¹⁵ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1900. Книга 1. С. 376.
- ¹⁶ Давидсон А.Б. Англо-бурская война и Россия // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 40.
- ¹⁷ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1900. Книга 2. С. 825.
- ¹⁸ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1900. Книга 3. С. 360–361.
- ¹⁹ Мижусев П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1902. С. 75.
- ²⁰ Либкнехт В. Мировая политика, беспорядки в Китае и Трансваальская война. Речь, произнесенная 28 июля 1900 г. в Дрездене / пер. с нем. А. Ратнера. СПб.: Молот, 1907. С. 42.
- ²¹ Шубин Г.В. Участие российских подданных в англо-бурской войне (1899–1902 гг.): по материалам Российского государственного военно-исторического архива. М.: РАН, 1999. Т. 2. С. 45.
- ²² Там же. С. 60.
- ²³ Там же. С. 67.
- ²⁴ Давидсон А.Б. Англо-бурская война и Россия // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 40–41.

²⁵ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1900. Книга 9. С. 358.

²⁶ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1900. Книга 5. С. 355–356.

²⁷ Конан-Дойль А. Англо-бурская война (1899–1902). М.: Эксмо, 2004. С. 597–598.

²⁸ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1900. Книга 10. С. 827.

²⁹ Friedberg Aaron L. The weary titan: Britain and the experience of relative decline, 1895–1905. Princeton: Princeton University press, 1988. P. 106.

³⁰ Конан-Дойль А. Англо-бурская война (1899–1902). М.: Эксмо, 2004. С. 597–598.

В. КЕЙДАН

**ВЫБОР ФЁДОРА БУТЕНКО:
СУДЬБА ИНТЕЛЛЕКТУАЛА-НЕВОЗВРАЩЕНЦА В ЭПОХУ ТОТАЛИТАРИЗМА**

В течение 1935–1939 годов в Европе произошло четыре серьезных кризиса, полностью изменивших баланс сил на континенте: ремилитаризация Рейнской области, интернационализация гражданской войны в Испании, аншлюс (объединение с Германией) Австрии и, наконец, Мюнхенское соглашение¹. На дипломатическом театре распадаются и создаются вновь военные блоки: Малая Антанта (Чехословакия, Румыния, Югославия), Британско-польский договор и, наконец, – Стальной пакт между Германией и Италией и Советско-германский пакт о ненападении. «Работа советского дипломата состояла главным образом в том, чтобы, играя на «межимпериалистических противоречиях», способствовать расшатыванию капиталистической системы. Антифашистская борьба, в которой участвовали советские дипломаты и деятели Коминтерна, и политика коллективной безопасности, проводимая Литвиновым и его командой, оказываются направленными (втайне от самих дипломатов, искренность которых приверженцы этой интерпретации обычно под вопрос не ставят) на разжигание конфликта между западными демократиями и гитлеровской Германией, – пишет французский историк С. Дюллен – контакты с зарубежным миром превратили советских дипломатов в глазах Сталина в потенциальных предателей»². В этот период Сталин довел до апогея чистку всего дипломатического и внешнеторгового корпуса, а также зарубежной агентуры ОГПУ/НКВД и Коминтерна. Согласно недавним подсчетам историков, НКВД, руководимый Литвиновым, в двух волнах репрессий 1937–38 гг., потерял 34 % кадровых сотрудников. Самые решительные из них, спасая жизнь, бежали из посольств, торговых представительств, секретных явочных квартир, просили политического убежища, скрывались. Но мало кому удавалось спастись. Руками их бывших товарищей их уничтожали на месте, или похищали, тайно вывозили на родину и, после пыточных допросов, выдавив из них показания на коллег, приговаривали к высшей мере наказания. Надо отметить, что число перебежчиков и «невозвращенцев» в стане советских внешнеполитических сотрудников, начиная с 1920-х годов, росло год от года. По документам, опубликованным в книге В. Гениса, только в период «великого перелома» с октября 1928 г. по август 1930 г. за границей осталось 190 служащих из одних лишь торгпредств. Из них, по данным ИНО ОГПУ, 113 (в том числе 10 коммунистов) были признаны «изобличенными взяточниками», 35 (5 коммунистов) – «шпионами» и 75 (14 коммунистов), связанными с белогвардейцами, меньшевиками и проч.»³. Эту судьбу разделили уже около сотни советских дипломатов и разведчиков. Полпреда в Румынии Островского срочно отзывали в Москву, где, как все понимали, его ждал арест, обвинение в измене родине, приговор тройки и расстрел⁴.

17 февраля 1938 года в 10.34 на римский вокзал Термини прибыл скорый поезд из Милана. Из купе первого класса на платформу спустились три человека: высокий плотный молодой мужчина в шляпе и темно-синем пальто и двое ростом пониже, в черных плащах. На вокзальной площади их ждал автомобиль с правительственным номером, который отвез их на площадь Колонны, во дворец Киджи, к подъезду резиденции министра иностранных дел Италии. В кабинете на втором этаже гостя ждал зять Муссолини, граф Галеаццо Чано, уже два года занимавший этот пост. После тщательной проверки документов было установлено, что долго добивавшийся аудиенции гость тоже был дипломатом, хотя его профессиональная карьера, начавшись в 1937 г. в Париже, вскоре оборвалась по его собственному роковому решению.

Это был Фёдор Хрисанфович Бутенко, 33-летний Временный Поверенный в делах Посольства СССР в столице Румынии, ставший третьим из советских полпредов после Ф. Раскольникова (в Болгарии) и А. Бармина (в Греции), оставивших свой пост и выступивших с обличением сталинизма. Он получил это назначение 4 февраля, как только был отозван в Москву его предшественник, полпред Островский⁵ (1).

Бутенко пишет: «Очень может быть, что я был сам заподозрен в шпионаже. Один раз я написал в своем кабинете телеграмму Литвинову в двух экземплярах: первый, «черновой» вариант, который я, по существующему правилу, уничтожил и исправленный «беловой», который я сдал «на 3-й этаж» для зашифровки. Я, малоопытный еще дипломат, совершенно забыл о том, чему меня учили в Москве: писать телеграммы, подлежащие зашифровке, исключительно «на 3-ем этаже» и там же уничтожать оригинал после зашифровки телеграммы специальным сотрудником.

Когда я принес готовую телеграмму «снизу», из своего кабинета, сотрудник шифра посмотрел на меня несколько удивленными глазами. Ясно, что он тотчас донес об этом Лапину, а тот, в свою очередь, в Москву. Вероятно, предполагалось, что я одну копию телеграммы оставил у себя, чтобы передать ее какому-либо иностранному государству и таким образом дать в его руки «ключ» к советскому шифру.

На самом деле этого не было. Я инстинктивно почувствовал необходимость немедленно покинуть Полпредство, ибо промедление не только в днях, но и в каждом часе становилось для меня роковым. Куда мог броситься я в поисках помощи, когда 6-го февраля в 7 часов вечера навсегда покинул Полпредство? Подъехав в своем автомобиле к квартире, я подождал в подъезде три минуты, пока шофер уведет машину. Как только она скрылась за углом, выехав на *chaussée de Kiseleff* – я выскочил из подъезда и побежал. В свою квартиру я боялся подниматься. Я прибежал на площадь к *Arc de Triomphe*, взял первое попавшееся такси и сказал: «Вперед», т. е. в центр города. Я был настолько неподготовлен, что не знал еще сам, куда я еду и к кому обращусь. В посольства Англии, Франции, Чехословакии? Но я понимал, что это было бы то же самое, что «добровольно» вернуться в Москву. Назревавшие в Европе события подсказывали мне, что эти страны наиболее вероятные союзники большевизма в войне. Очевидно, что они предали бы меня в руки большевиков. В Польское Постпредство? Но там М-м Арцишевская, агент Лапина. Оставалось адресоваться к Германии или Италии, ибо только в этих странах я смогу получить наиболее надежную защиту от большевизма. Я приказал шоферу ехать к Итальянскому посольству. «Рим – родина мирового

фашизма – рассуждал я. Если я не спасусь и не найду себе применения там – я погибну», но ворота посольства оказались закрыты...»⁶.

В Ленинграде у Бутенко остались жена Вера Кравченко и восьмилетняя дочь Лия, их не выпустили в Бухарест. По решению Кремля членов семей новоназначенных дипломатов перестали выпускать за границу, оставляя их как заложников дома.

Внезапное исчезновение дипломата в ночь с 5-го на 6-ое февраля уже вызвало международный скандал. Литвинов направил гневную ноту, обвинив румынские власти в похищении или убийстве дипломата. Тем временем Бутенко, попросивший политического убежища в Румынии, давал показания агентам политической полиции (Сигуранцы) на секретной квартире в окрестностях Бухареста⁷.

Вот как он сам описывает четыре дня, нелегального проведенные в Румынии, в подробной объяснительной записке, направленной впоследствии руководству итальянской контрразведки: «Начальник Сигуранцы, оставив меня в своем кабинете со своим заместителем, немедленно направился во Дворец и был принят Королем. Вернувшись после часового отсутствия, он пожал мне руку, обласкал меня и сказал: «Будьте покойны, Вы находитесь под покровительством Его Величества».

Не только ради того, чтобы уплатить за четыре дня протекции, но в силу своего собственного сознания и по доброй воле я произвел в Бухаресте полный разгром советского шпионажа и всех интриг большевистской дипломатии. Я считал и считаю, что я должен не только спастись от большевизма, но и бороться против него. Я сообщил Румынскому Правительству фамилии всех лиц, которые находились на службе у агентов ГПУ из Советского Полпредства, я сообщил все, что знал о тех, кто получал деньги от Полпредства за всевозможные услуги шпионского и полушпионского характера; я рассказал о существующих связях между некоторыми тюрьмами, где имеются коммунисты, и Москвой; я подробно изложил содержание всех досье Советского Полпредства в Бухаресте и всех дипломатических материалов, имеющихся в Москве. Я осветил с исчерпывающей обстоятельностью и полностью разоблачил все замыслы большевизма в отношении Румынии. Я сделал все это честно, и безо всякого сомнения рассказанное мною представило огромную политическую ценность.

В отличие от некоторых других беглецов от большевизма, я разоблачил большевизм в Румынии по собственной воле. Я ушел от большевизма не для того, чтобы действовать втайне и приобретать капитал, но для того, чтобы вести с большевиками открытую борьбу. Мне 33 года, я интеллигент, и никогда не позволю себе торговать ни идеями, ни секретами. Мне ясно также и то, что каждого такого «антибольшевика» любое государство будет только ненавидеть и презирать»⁸.

Отметим, что вряд ли он обладал всей полнотой информации о советской агентуре в Румынии, но вскоре были объявлены персонами нон грата второй секретарь советского полпредства Лапин, сотрудница польского посольства Арцишевская, арестован и допрошен певец, владелец русского ресторана, Петр Лещенко, раскрытые им как агенты ОГПУ. Это не помогло Румынии избежать советского вторжения и присоединения к СССР Бессарабии и Северной Буковины в июне-июле 1940 года.

«Со дня, когда я покинул здание большевистского полпредства в Бухаресте, у меня с коммунизмом сохранились лишь единственные отношения: ненависть и вражда. Я нанес беспощадные удары по престижу Советов моими деклара-

циями в прессе, брошюрой, изданной в Германии, моей книгой о большевистской России.

Два следующих дня (8 и 9 февраля) я непрерывно писал, отвечая на все вопросы, Король Карл II дал им распоряжение: все буквально, каждую строчку, которую я пишу, немедленно доставлять во Дворец лично ему. Из газет, которые доставлялись мне, я узнал, что напряжение между Румынией и Москвой в связи с моим бегством достигло самых крайних пределов. Произошел обмен резкими нотами между Москвой и Бухарестом. Литвинов возлагал всю ответственность за меня на Румынское Правительство. Из тона печати, а главным образом, из поведения доктора Стефанеску и его начальника я уловил, что Румыния весьма взволнована и ищет возможности избежать конфликта с большевиками и избавиться от меня⁹.

По приказу из Москвы были сконцентрированы войска на границе с Бессарабией, входившей тогда в состав Румынии. После первого выступления Бутенко перед прессой, в котором он заявил о разрыве с Москвой, нарком М. Литвинов заявил, что советский дипломат или убит румынскими националистами и подменен белогвардейским эмигрантом, или вынужден делать эти безумные заявления под пытками, либо под воздействием психотропных препаратов. Эта версия была поддержана даже в британской и французской прессе. Отметим, что, в отличие от прямых и ясных антисоветских заявлений Бутенко, воистину безумные публичные самооговоры подсудимых на Московских процессах, якобы добровольно признававшихся в сотрудничестве со всеми мировыми разведками и подрывными центрами для подготовки расчленения СССР, организации диверсий, массового голода и террора против советских вождей, не были сочтены таковыми.

Во избежание военного конфликта, король устно приказал выдать Бутенко паспорт умершего румынского гражданина, внешне похожего на него, и в сопровождении полковника Стефанеску перевезти на поезде в Милан. Там Бутенко, предъявив в ближайшем полицейском комиссариате свой советский дипломатический паспорт, попросил политического убежища, после чего был отправлен под конвоем в Рим¹⁰. Мы не знаем, о чем беседовали министр Чано и бывший временный поверенный. В пространной докладной записке на имя министра внутренних дел Бутенко приводит лишь его заключительную, по-дипломатически сдержанную фразу: «Вы поступили правильно, г-н Бутенко, это жест доброй воли». Однако в личном дневнике за этот день Чано сделал такую запись: «*Di questo individuo me ne servo, ma lo disprezzo. E un traditore e un vile che ha abbandonato il suo sangue (una figlia) alla vendetta di Stalin*». (Я воспользуюсь этим индивидуумом, хотя и презираю его. Он подлый предатель и трус, который бросил на растерзание Сталину родную кровь, свою дочь)¹¹.

Вот его выбор: продлить собственную жизнь, обрекая жену и ребенка на мучительную гибель, или ждать отзыва в Москву, разделить судьбу своего предшественника, а жену и дочь сделать членами семьи «врага народа». Отметим, что в выписке из его дела, присланной в ответ на наш запрос из Архива ФСБ, не содержится сведений о намерении НКВД арестовать Бутенко в 1938 г.¹².

Таким образом, в нашем распоряжении оказалось четыре корпуса архивных документов из следующих источников: Личное дело Бутенко из архива Министерства иностранных дел РФ, выписка из дела Ф.Х. Бутенко из Архива ФСБ и два обширных итальянских досье на него: из архива Политической полиции (Polizia Politica – POLPOL, Fascicoli personale, Butenko Teodoro, листы не нумерованы)

и из Архива Министерства народной культуры и пропаганды (Ministero della Cultura popolare e Propaganda), хранящихся в Центральном государственном архиве Италии (Archivio Centrale dello Stato – ACS). Два последних ведомства курировали Бутенко в Италии с 1938 по 1943 год. Эти архивы были методично изучены нами в рамках интернет-проекта «Русские в Италии 1901–1945», финансируемого Министерством высшего образования и науки Италии. Кроме того, в российских и итальянских библиотеках найдены обширные публикации Бутенко в советских научных и литературных журналах и его политические статьи в итальянской периодике времен фашизма¹³. Вот краткий очерк его жизни до приезда в Румынию, полученный из сопоставления двух источников, итальянских и советских.

Он родился в 1905 году в селе Андреевка Днепропетровской области в семье сельского фельдшера. В автобиографии, написанной им в 1935 г. для поступления на курсы НКВД, он написал, что участвовал в 1918–19 гг. на стороне Красной Армии в военных столкновениях с отрядами Нестора Махно, был ранен. В автобиографии, написанной для итальянских спецслужб в 1938 г., он сообщил, что во время Гражданской войны в возрасте 14–15 лет воевал добровольцем в Белой армии Врангеля в Крыму в качестве пулеметчика, «сына полка», указывает для возможности проверки фамилии ряда однополчан. (Скорее всего, там воевал не он, а его старший брат, Николай Бутенко, после эвакуации Белой армии из Крыма проживавший в Венгрии)¹⁴. В 1921–1923 годах, согласно советскому «Листку по учету кадров» НКВД, Федор работал помощником уполномоченного Секретной оперативной части Донецкого губернского отдела ГПУ, участвовал в насильственном изъятии хлеба у крестьян и в репрессиях против тех, кто оказывал сопротивление. После окончания рабфака, Днепропетровского педагогического института и аспирантуры в Ленинградском научно-исследовательском институте сравнительного изучения языков и литератур, его назначают научным сотрудником и ученым секретарем того же института. В 1930 году он вступает в ВКП(б). В тот же период защищает кандидатскую диссертацию на тему «Реализм Салтыкова-Щедрина»¹⁵ и назначается ответственным редактором Полного собрания сочинений классика.

С 1932 года Бутенко – старший научный сотрудник, заведующий сектором классической русской литературы и ответственный редактор Гослитиздата. В 1935 году по рекомендации райкома ВКП(б) он поступает на курсы дипломатических переводчиков Народного комиссариата иностранных дел. По окончании курсов в 1937 г. его посылают на работу в качестве гида-переводчика в советский павильон на Всемирной выставке в Париже. В 1931–1937 годах публикует в литературных журналах разгромные статьи против литераторов и критиков, отступающих от «руководящей линии партии», обличая их в левом и правом уклонизме, троцкизме¹⁶. Именно ему, редактору Гослитиздата, поручают выстрелить первыми залпами в печати в писателей и литературоведов: М. Майзеля, А. Ревякина, Георгия Горбачева, Мунблита в разгромной статье «Против троцкистской контрабанды в литературоведении». Эти обвинения впоследствии привели к их арестам по обвинению в троцкизме и гибели двоих из них в застенках ОГПУ¹⁷. Вот стиль его критики: «По поводу Горького дается картина нашей действительности, целиком списанная из троцкистских пасквилей и социал-фашистских газет. Удивительно ли, что Горбачев, говоря о нашей экономике, как черт ладана боится слова «социализм», а предпочитает, по Преображенскому, именовать ее «новой экономикой»...

кроме пропаганды идей троцкизма, Горбачев занимается и самой беззащитной рекламой Троцкого, этого передового борца контрреволюции в настоящее время»¹⁸. Критикам Перцову, Третьякову и Чужаку он настоятельно советует «изучать марксистскую диалектику – иначе безнадежный хвостизм у Эйхенбаума и Шкловского, иначе безнадежное удаление от берегов марксистской критики». В серии статей против «меньшевикско-троцкистской переверзевщины» под общим заглавием «Огонь направо и "налево"» он продолжает травлю на истребление указанной списком литературоведческой дичи. Здесь отметим характерно-стыдливые кавычки, заключающие второе слово: ведь истинно-левый критик сидит в Кремле.

Однако в очередном раунде этой идеологической «борьбы без правил» сам Бутенко получает удар ниже пояса от соперника, обвинившего его в «идейно-классовой безграмотности» и сразу перешедшего в наступление: «Характерен этот разрыв между нравственным и классовым. Ошибка Ф. Бутенко не является обмолвкой или неточной формулировкой... Его идеалистическая установка на «общечеловеческое» приводит его к ряду дальнейших ошибок... От сумбурной «биологической» болтовни он делает поворот на позицию троцкизма по отношению к крестьянству». Далее, чтобы сразить наповал, бой ведется цитатами из Ленина и Сталина, и в конце пускается отравленное копьё приговора: «Ф. Бутенко в своей статье протасил в литературу троцкистскую пропаганду». В бой на ликвидацию врага тут же включается новый боец: «... Бутенко клеветает на Ленина, не понимает ленинизма, линии партии, безграмотность пытается помножить на левый загиб. Критикуя Батрака (правого оппортуниста), он согласен с его правой критикой. В голове у Бутенко не может уложиться истина, что $2 \times 2 = 4$. Ревякин благодарит Бутенко за критику. Значит, плохо Бутенко боролся с агентом кулачества»¹⁹.

От исключения из партии, из аспирантуры, а в дальнейшем и из жизни, Бутенко, член правления Ассоциации пролет-колхозных (*так!*) писателей, спасается путем унижительного покаяния и благодаря заступничеству партийно-чекистского начальства. В итальянской автобиографии Бутенко признается, что все эти годы он всеми средствами пытается вырваться вместе с женой и дочерью за границу, чтобы остаться там навсегда.

По прибытии в Италию он сразу же включается в антикоммунистическую и антисемитскую пропагандистскую кампанию: дает интервью, выступает по радио, пишет множество статей для итальянской и немецкой прессы. Он разоблачает сталинский курс на уничтожение партийной оппозиции и любого инакомыслия²⁰, офицерского состава Красной Армии, геноцид крестьянства под видом коллективизации²¹, положения рабочих²² и стремление Сталина через Коминтерн установить коммунистические тоталитарные режимы по всему миру²³. Вскоре в Германии, а затем в Италии выходит его брошюра «Разоблачение Москвы» (1938)²⁴, обобщающая его предшествующую публицистику. Здесь, в частности, впервые описан голодомор 1931–33 гг. на Украине и Кубани как акт мести большевистской власти русским и украинским крестьянам за сопротивление коллективизации²⁵. Причем автор дает понять, что сам был очевидцем массового голода (разумеется, не случайным), и, следовательно, хотя бы косвенно, участвовал в геноциде. Эти выступления вызвали личное одобрение министра иностранных дел Г. Чано и привели к охлаждению в отношениях между Италией и СССР. В начале 1938 года, в ходе подготовки к визиту Гитлера в Рим (и еще сильнее после него) в итальянской прессе разворачивается антисемитская пропаганда. Бутенко тотчас же *пролеткрестьянски*

решительно оседлал эту тему, выдав стандартный блок юдофобской пропаганды, не снятой с вооружения и поныне. В статье «Жидовское раздолье в советском аду» он утверждает, что «...на место прежней русской буржуазии пришла новая буржуазия, почти на 100 % состоящая из евреев. Все евреи в СССР пользуются специальной протекцией еврея Лазаря Кагановича, наиболее близкого советника Сталина. Все большие заводы и стройки, вся монополизированная продукция, вся военная индустрия, все железные дороги, вся крупная и мелкая торговля находится, в конечном счете, в руках евреев, русский пролетариат является «господином экономики» только в абстрактной, отвлеченной теории. Еврейские женщины и семьи владеют роскошными автомобилями и домами, они проводят лето в домах отдыха и курортных местах Крыма и Кавказа, они носят дорогой каракуль и другую роскошную одежду, драгоценности и другие предметы роскоши из Парижа»²⁶. По мнению Бутенко, русский народ сможет победить их, лишь выступив единым фронтом с германским национал-социализмом и итальянским фашизмом²⁷. Он советует итальянским и германским политикам в борьбе против экспансии большевизма делать ставку на растущий вал антисемитизма в советском обществе. Вскоре последовало принятие в Италии расовых законов, положивших начало преследований и изгнания евреев из научной, политической и общественной жизни Италии. Бутенко назвал это «торжеством расовой справедливости»²⁸.

В одной из своих статей Лев Троцкий так высказался по поводу агентов-перебежчиков: «Публичные выступления бывших заграничных агентов Кремля, отказавшихся вернуться в Москву, неопровержимо подтвердили, что в составе советской бюрократии имеются все оттенки политической мысли: от подлинного большевизма (И. Райсс) до законченного фашизма. Феодор Бутенко совершил скачок к фашизму. От многого ли ему приходилось отказываться? Много ли ломать в себе? Мы этого не думаем. Очень значительная и притом растущая часть сталинского аппарата состоит из еще не сознавших себя фашистов. Отождествлять советский режим в целом с фашизмом есть грубая историческая ошибка, в которую склонны впадать ультра-левые дилетанты, игнорирующие разницу социальных фундаментов. Но симметрия политических надстроек, сходство тоталитарных методов и психологических типов бросаются в глаза. Бутенко есть симптом огромной важности: он показывает нам карьеристов сталинской школы в натуральном виде»²⁹.

В 1939–42 годы Б. живет в режиме глубокой конспирации в Сицилии под итальянским именем *Альберто Росси*. Лишенный доступа к библиотекам, он просит прислать ему для работы над монографией «Большевизм и иудаизм» книгу Гитлера «*Mein Kampf*», тексты всех трудов Муссолини, главные издания русской эмиграции. После агентурного сообщения о готовящемся на него покушении со стороны ОГПУ и итальянских коммунистов, его направляют в Албанию, где он с началом войны работает военным почтовым цензором, контролируя письма итальянских солдат на родину. Б. многократно делает запросы с просьбой предоставления ему итальянского гражданства, но получает отказы как гражданин враждебной страны.

Общее представление о практической пользе для Италии сведений, полученных от Бутенко, можно получить из следующего отчета:

«Секретно. Главное Управление Общественной Безопасности. Отдел Политической полиции. № 500.15255. Рим, 23 мая 1939 – XVII

Уважаемому Министерству Иностранных дел. Орготдел – IV Рим

В продолжение предшествующих аналогичных сообщений согласно письменным инструкциям № 500.12849 и 500.13870 соответственно от 1 и 10 числа сего месяца, имею честь сообщить сему Министерству обобщенный рапорт информативного характера, переданный известным Федором Бутенко и переведенный старанием Центра Антикоммунистических исследований. Рапорт, который представляется комплексным и достаточно интересным, можно разделить на четыре части:

Первая касается военной готовности СССР в полевых условиях, морального состояния населения, средствах противовоздушной обороны, милитаризации городов;

вторая и четвертая часть, обобщая содержание предыдущих сообщений, касается парторганизаций при представительствах СССР за рубежом, представлены «личные дела» конкретных сотрудников представительств в разных странах;

в третьей части в основных частях рассматривается политическая ситуация в Румынии на основе некоторых персоналий, известных Бутенко.

Представляется целесообразным ознакомить с данным рапортом также и Министерство обороны (Военную разведку), поскольку некоторые сообщения могут представить интерес для этого ведомства.

Необходимо предупредить, что Бутенко посылает такие отношения спонтанно, чтобы, по его собственным словам, компенсировать итальянское гостеприимство.

Несмотря на то, что он настроен продолжать составлять такого рода донесения, которые, по его мнению, могут быть нам полезны, следует признать, что все эти сведения, учитывая теперешнее положение Бутенко, имеют ретроспективный характер, поскольку его активная информативная польза обречена на истощение.

Следовательно, вновь актуализируется трудная проблема его постоянного трудоустройства, о чем уже ранее запрашивалось Министерство телетайпом № 303115/с от 8 февраля с.г. и согласно соответствующему указанию на его содержание была временно выделена сумма в 1000 лир ежемесячно.

Доводится до сведения, что из стремления разрешить, если не полностью, то хотя бы частично, указанную проблему, предлагается Министерству народной культуры через свои представительства выступить посредником по отношению к итальянским газетам и журналом с целью публикации предоставленных Бутенко статей и рассказов антисоветского политического содержания, которые, по замыслу автора, предназначены для украинских газет. Господину Бутенко предложено высказать определенное мнение, хочет ли он и впредь заниматься подобной литературной деятельностью, и мы ожидаем его ответа.

Желательно вновь рассмотреть возможность ускорить перевод на имя Бутенко суммы 4 498, 50 рейхсмарок, начисленных ему немецким издательством «Нибелунген ферлаг». Для этой цели Министерство народной культуры входило в контакт с компетентным Министерством экономики Рейха и как можно скорее должно сообщить результаты этой операции.

Наконец, принято к исполнению сообщение нашего посольства в Москве № 1833/757 от 10 сего месяца не извещать Бутенко о невозможности, по крайней мере, в настоящий момент, удовлетворить его желание установить связь с семьей, так как предполагается, что это сообщение вызовет у него тяжелый приступ душевной депрессии, и заверить его, что, с одной стороны, Посольство осведомлено об этой просьбе, и что, с другой стороны, это весьма особый случай, и что,

если такая немислимая возможность как установление связи с его родными представится, то он оно не применит им воспользоваться»³⁰.

На очередном письме Бутенко с просьбой дать задание на статью, адресованном лично Муссолини, тот пишет резолюцию: «Выплачивать ему 2000 лир ежемесячного пособия и пусть *ничего не пишет*». По дате письма (20.10.1939) легко догадаться о причине наложения запрета – Германия и СССР пошли на стремительное сближение – антикоммунистическая публицистика стала неуместной. Почувствовав утрату интереса к его статьям, написанным с позиции русского патриота, Бутенко попытался перейти на запасные пути «украинского национального дела» и предложил свое перо шефу Украинской Громады в Риме Эвгену Онацкому. Однако украинские националисты также отказались от его услуг. Бутенко жалуется главе тайной полиции: «В первые дни пребывания в Риме и впоследствии я считал, что было бы целесообразным мое сотрудничество в украинской сепаратистской заграничной прессе. Я – украинец. Я родился на Украине. Вся моя жизнь и моей жены глубоко связана с Украиной. Морально и политически я не могу себя оторвать от украинского народа. Я полагал, что мог бы быть полезным своему народу. Однако же настороженность и отчасти недоверие, которое было проявлено ко мне со стороны г-на Онацкого едва ли создаст благоприятную атмосферу для моего сотрудничества в Заграничной Украинской прессе»³¹.

Из своего албанского укрытия он постоянно просит руководство итальянской военной разведки связаться с его родственниками, оставшимися на Украине и в Ленинграде, предлагает имена друзей в качестве связных. Он пишет письма жене и дочке, полные любви и надежды, так и оставшиеся непрочитанными: «Верочка, ты героически выносила все испытания нашей судьбы и умела всегда делать так, что с каждым новым годом нашей жизни счастье наше возрастало и укреплялось. Ты побеждала меня всегда благородством и целостностью своей натуры. Как я был счастлив, что жизнь столкнула меня именно с тобой, которая олицетворяла самое высокое и святое, что должно быть присуще женщине и матери... многое, если не все будет зависеть только от нас. Сохранить нашу семью, выпестовать, не дать Лиечке впасть в пропасть несчастного, губительного сиротства... Бесконечная тоска, печаль по вас никогда не оставляют меня... Помните меня, ты и дочурка – я предприиму все, чтобы облегчить ваше материальное положение... Хватит ли у тебя энергии, силы, чтобы там одной, в обстановке преследований и под страхом террора бороться за свое, Лиечкино существование?»³².

Сразу после нападения Германии на СССР и выступления Италии на ее стороне Бутенко обращается с письмом к главе Военной разведки Перуцци, а тот информирует о его содержании главу Политической полиции Лето. В нем он предлагает использовать себя в любом, самом рискованном задании на территории Украины, чтобы продемонстрировать верность фашистской Италии. Однако вместо фронта его отправляют «на отдых» в Лигурию, на Итальянскую Ривьеру.

В период оккупации Украины германскими и итальянскими войсками ему через итальянских военнослужащих удается связаться со своим тестем, Герасимом Кравченко, из письма которого он узнает, что его жена (Вера Кравченко) и ее брат, Михаил накануне войны были арестованы, а 10-летняя дочь с бабушкой отправились в Ленинград, где вероятно погибли от голода во время блокады³³.

Последний по времени документ из досье Б. в архиве Политической полиции свидетельствует о его пребывании в Венеции в частном пансионе. В этом письме

он вновь просит отправить его на восточный фронт рядовым солдатом, чтобы сражаться за идеалы фашизма с большевиками³⁴. Он не знает, что итальянская армия (ARMIR), неся тяжелые потери, уже отступает из Ростовской области и Украины. Дальнейших сведений о его судьбе пока найти не удалось.

Когда репрессии сводят жизнь человека к борьбе за выживание, он превращается в хамелеона. Ставший в атмосфере страха, насилия и лжи глашатаем большевистской партийности в литературе, советский интеллигент из народа легко и естественно перевоплотился в фашистского пропагандиста, а его личность стерлась в пыль меж двух жерновов зла.

Примечания

¹ Наумов А.О. Аншлюс Австрии в 1938 году как кризис Версальской системы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 45.

² Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. / С. Дюллен; [пер. с фр. Э.М. Кустовой]. (Сер.: История сталинизма). М.: (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. Цит. по: Миодушевская Т. Революционер в смокинге: тайны обольщения Запада при Сталине // Аргументы и факты. 11.06.2009.

³ Генис В.Л. Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920–1933). Опыт документального исследования: в 2 кн.. Кн. 1. Бежал и перешел в лагерь буржуазии... (1920–1929). 2009. 704 с.

⁴ Вот неполный список дипломатов и разведчиков, жертв террора: Крестинский, Карахан, Розенберг, Арэнс, Антонов-Овсеенко, Асмус, Давтян, Карский, Юренев, Гайкис, Тихменев, Бекзаян, Подольский, Бродовский, Гершельман, Лашкевич, Сабанин, Цукерман, Фехнер, Штерн, Стомояков, Назаров, Барков, Вайнберг, Виноградов, Плоткин, Гнедин, Гиршфельд. По возвращении в Москву Островскому оставалось жить совсем немного. Его вдова тогда же послала запрос с апелляцией на его арест. Но к тому времени, когда после войны ГУГБ МГБ СССР разобралось в документах, М.С. Островского уже не было в живых.

⁵ Кен О.Н. М.С. Островский и советско-румынские отношения (1934–1938 гг.) // Россия в XX веке: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения чл.-корр. РАН проф. В.А. Шишкина. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 336–360.

⁶ Butenko T. Из автобиографии, написанной для МВД Италии // ACS. POLPOL. fsc.pers. P. 11.

⁷ Впервые бегство полпреда Бутенко и его краткое тайное пребывание в Бухаресте изучены по архивным источникам в работе Ragsdale H. The Butenko Affair: Documents from Soviet-Romanian Relations in the Time of the Purges, Anschluss and Munich // The Slavonic and East European Review. Vol. 79. No. 4 (Oct. 2001). P. 716.

⁸ Butenko T. Из автобиографии... P. 14.

⁹ Там же, С. 16.

¹⁰ Mattei R. Il caso Butenko. Un uomo contro il bolscevismo // Nuova storia contemporanea 2007. № 5. P. 99–128. В работе описан итальянский период деятельности Бутенко, однако она базируется только на итальянской части архивных документов; тексты, написанные Бутенко по-русски не использованы.

¹¹ Ciano G. Diario 1937–1943. Bur; Milano, 1990. P. 100. (alla data 17 febbraio 1938).

¹² В выписке из дела, в частности, сказано: «... Бутенко Федор Хрисанфович, 1905 г.р., уроженец с. Андреевка Селидовского района Сталинской области. В 1935–1937 гг. – слушатель Института по подготовке дипломатических и консульских работников НКВД. В декабре 1937 г. Бутенко Ф.Х. командирован в Полпредство СССР в Румынии в качестве советника, откуда бежал 6 февраля 1938 г. 17.08.1955 г. Следственным управлением КГБ СССР возбуждено уголовное дело в отношении Бутенко Ф.Х. по признакам преступления, предусмотренного пунктом «а» статьи 58-1 УК РСФСР (измена родине). Постановлением Следственного управления КГБ СССР от 09.04.1956 г. уголовное дело было приостановлено на основании ст. 202 п. «а» и ст. 203 УПК РСФСР в связи с отсутствием достоверных данных о местопребывании Бутенко вплоть до установления местопребывания подследственного. Постановлением Следственного управления ФСБ России от 27.09.2000 г. уголовное дело по обвинению Бутенко Ф.Х. производством прекращено на основании ч. 2 ст. 5 УПК РСФСР за отсутствием в его действиях состава преступления ввиду устранения преступности и наказуемости».

этого деяния уголовным законом, вступившим в силу после совершения этого деяния». ФСБ РФ. Управление регистрации и архивных фондов. 03.2008. № 10/А-991.

¹³ Библиография основных работ Ф. Бутенко, опубликованных в СССР:

Бутенко Ф. О Ревякине // Звезда. 1931. № 7. С. 127.

Бутенко Ф. М. Смирнов. Смотр пролетколхозной литературы // Земля советская. 1931. №1. С. 154–156.

Бутенко Ф. Критик против // Земля советская. 1931. № 2. С. 150–153; № 11–12. С. 180–189.

Бутенко Ф. Антинигилистический роман // Литературная учеба. 1933. № 6–7. С. 3–23.

Бутенко Ф. За срывание масок. Против методологии Г. Горбачева // Перелом. 1931. № 9.

Бутенко Ф. За большевистскую перестройку // Перелом. 1931. № 12.

Бутенко Ф. Огонь направо и «налево» // Перелом. 1931. № 10. С.37–45.

Бутенко Ф. По поводу своих ошибок // Перелом. 1932. № 5–6.

Бутенко Ф. ... // Сб. Борьба за стиль. Л. 1934.

Бутенко Ф. Вяч. Шишков ... // Стройка. 1931. № 34–35. С. 11.

Бутенко Ф. Концепция пролетколхозной литературы // На литературном посту. 1931. № 35–36.

Бутенко Ф. Роман о капитализме // Литературный Ленинград. 1933. № 13.

Бутенко Ф., Кирпотин В., Крикин М., Смирнов М. Рецензия: Горбачев Г. Капитализм и русская литература, Гиз, Л., 1925, изд. 2-е, Л., 1928; Его же. Современная русская литература, изд-во «Прибой», Л., 1928, 2-е изд., Л., 1929 // Звезда. 1932. № 1. С. 161.

Бутенко Ф. М.Е. Салтыков-Щедрин о реализме // Звезда. 1933. № 8. С. 166.

Бутенко Ф., Ухмылова А. Рецензия на книгу: Майзель М.Г. «Краткий очерк современной русской литературы: Критическая бригада ЛИЯ ЛЮКА» // На литературном посту. 1931. С. 16.

Щедрин М. (М.Е.Салтыков) Избранные произведения. Вступительная статья и примечания Ф. Бутенко Л. ГИХЛ, 1937. 732 с.

О Салтыкове-Щедрине // Русская литература. 10 класс. Хрестоматия историко-литературных материалов // сост. Каплан И.Е., Пинаев М.Т. М.: Просвещение, 1993. С. 102–119.

Основные публикации Ф. Бутенко и о нем в итальянской прессе:

Butenko in salvo a Roma svela gli orrori del regime staliniano. Intervista // Gazzetta del Popolo. 17.02.1938. P. 1.

Come Butenko giunse in Italia e venne identificato dalle nostre autorità // Ibid. 18.02.1938. P. 1.

Dichiarazione di Butenko a un giornale tedesco // Ibid. 19.02.1938, ripubblicato dal «Voelkischer Beobachter» 18.02.1938.

Strasciuchi dell'affare Butenko. Indagazione a Bucarest per le assurde pretese del governo sovietico // Ibid. 19.02.1938. P. 2.

Dove va Mosca? La politica estera dei Sovieti // Ibid. 16.03.1938. P. 3.

Lettere di un morto // Ibid. 7.07.1938. P.3.

La schiavitù del popolo nella Russia sovietica // Ibid. 14.07.1938. P. 6.

La violenza armata contro i contadini nella Russia sovietica // Ibid. 22.07.1938. P. 3.

La costituzione del dittatore Stalin ridicola e triste farsa politica // Ibid. 6.08.1938. P. 6.

Gli Sherlock Holmes della Lubianka // Ibid. 30.08.1938. P. 6.

Lettera N.4 di un morto. Stalin e la guerra // Ibid. 7.10.1938. P. 3.

Cuccagna giudaica nell'inferno bolscevico // Ibid. 15.10.1938. P. 3.

Rivelazioni su Mosca. Firenze 1939.

¹⁴ «Там Николай Б. женился на дочери крестьянина и проживает со своими детьми в местечке Неревигаза, недалеко от румынской границы. Он получил от нынешнего невозвращенца из Бухареста, когда тот еще был на советской службе, письмо такого содержания: "Я накануне большого события, но я не знаю, что меня ожидает. Если что услышишь про меня – не пугайся. Смерть не так страшна. Но ни за что не пиши обо мне оставшимся в советской России"» // Возрождение. № 4120. Париж, 25.02.1938.

¹⁵ Опубликована: Бутенко Ф. М.Е. Салтыков-Щедрин о реализме // Звезда. 1933. № 8. С. 166–190.

¹⁶ До сих пор в школьной хрестоматии помещены выдержки из его статей о Салтыкове-Щедрине. В работе Н.Н. Зарубина. Российский предприниматель в художественной литературе XIX – начала XX века // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 56; также есть ссылка на статью Ф. Бутенко «Роман о капитализме» // Литературный Ленинград. 1933. № 13. О романе В. Шишкова «Угрюм-река». В дальнейшем Бутенко становится одним из соавторов пособия «Пооктябрьская литература. Учебник по литературе для III курса рабфаков, техникумов и школ ФЗУ». М.: Учпедгиз.,

1932., который переиздавался до 1980-х годов. Ему принадлежит авторство раздела «Между Достоевским и Маминым-Сибиряком (О Вяч. Шишкове)», который переиздавался до 1980-х годов. Здесь он обвиняет Шишкова в том, что тот «пошел искать ключи к разгадке внутренней сущности капитализма не к классикам марксизма, не к истории борьбы классов, не к лучшим образцам реалистической литературы о капитализме (М. Горький), а к...реакционным рецептам спасения в духе Достоевского». Там же, с. 249. Ср.: о нем же в сб. ст. «Борьба за стиль» Государственная Академия искусствознания, Институт литературоведения. Л. ГИХЛ, 1934.

¹⁷ Горбачев Георгий Ефимович (26.IX.1897, Петербург – 10.X.1942), критик, литературовед, профессор ЛИФЛИ. В 1925–1926 годах – редактор журнала «Звезда». Автор работ по русской классической и советской литературе. Арестован в 1937, умер в заключении. Майзель Михаил Гаврилович (1899–1937), зав. критическим отделом журнала «Литературный современник», обвинялся по ст. 17–58–8 (пособничество в совершении террористического акта), 58–11 УК РСФСР (организационная деятельность, направленная к совершению контрреволюционного преступления). Постановлением Особой Тройки УНКВД ЛО от 10 сентября 1937 года определена высшая мера наказания. Расстрелян 4 ноября 1937 года.

¹⁸ Федор Бутенко и др. // Звезда. 1932. № 1. С. 161–164.

¹⁹ *Боданов А.* Об одном «Предисловии». Обсуждение Письма тов. Сталина и задачи ВОАП и ВОАПКП // На литературном посту. 1931. Декабрь. № 35–36. С. 47–49.

²⁰ *Butenko T.* «Io sono stato testimone...». La schiavitù del popolo nella Russia sovietica // Gazzetta del Popolo. 14 luglio 1938. P. 6.

²¹ *Butenko T.* «Io sono stato testimone...» La violenza armata contro i contadini nella Russia sovietica // Gazzetta del Popolo. 22 luglio 1938. P. 5.

²² «На пресс-конференции Бутенко указал, что русским рабочим живется несравненно хуже, чем итальянским. В то время как заработки советских рабочих на 60–70 % ниже итальянских, цены в СССР на 300 % выше, чем в Италии. Бутенко заявил, что различие между богатыми и бедными в СССР ныне гораздо больше, чем до революции» // Возрождение. Париж. 1938.22.07. № 4141. С. 3.

²³ *Butenko T.* Lettera N. 4 di un morto. Stalin e la guerra // Ibid. 7.10.1938. P. 3.

²⁴ *Butenko T.* Enthüllungen über Moskau. Hrsg. von der «Antikomintern». Berlin [u.a.]: Nibelungen-Verl? 1938. S. 47. По ит.: Rivelazioni su Mosca. Firenze. 1939. По-русски этот текст был впоследствии опубликован в сб. «Почему бегут из СССР?». Шанхай. 1939.

²⁵ «В 1933 г. на Украине и других территориях южной России разразился неурожай и голод, более смертоносный по масштабам, чем в Поволжье в 1921. При этом власти целенаправленно отбирали у крестьян последнее зерно как недоимки за прошлые годы по продналогу на кулаков, срывающих партийные планы коллективизации. В эти годы много сотен тысяч человеческих жизней были принесены в жертву голоду коллективизации. В 1933 у меня был случай проехать по селам Киевской области. Вдоль дороги и на деревенских улицах, повсюду виднелись сотни раздувшихся трупов. Я побывал в десятках сел, где население вымерло до последнего человека. Это было путешествие по бесконечному царству смерти. В домах лежали не погребенными целые семьи. Нужно было иметь сильнейшее самообладание, чтобы не потерять рассудок от ужаса». Там же. 67 с.

²⁶ *Butenko Teodoro.* Rivelazione di un morto. Cuccagna giudaica nell'inferno bolscevico // Gazzetta del popolo, 15 ottobre 1938. P. 6.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ *Троцкий Л.* Заявление. Впервые опубликовано в сокращенном виде в «Нью-Йорк таймс» 5 марта 1938 г. Полностью опублик. в кн. Writings of Leon Trotsky (1937–38). P. 210–213.

³⁰ Archivio Centrale dello Stato. Polizia Politica, fsc.pers. 14418, busta 207. Teodoro Butenko. P. 39.

³¹ В ответном письме Е. Онацкого на предложение Бутенко сотрудничества читаем: «Поскольку нельзя быть одновременно патриотом двух наций, т.е. «русским патриотом», как Вы себя определили в Вашем письме Васильеву, и «украинским патриотом», как Вы себя определили в интервью со мной, я бы использовал в переписке украинский язык. Я не могу быть патриотом двух народов, и особенно, двух воюющих между собой народов. Это война не только с большевизмом и с Москвой, но она выходит за границы нашей территории... Если народ борется за свою независимость, он должен всеми силами стараться победить врага... Все это дает мне основания предполагать, что Вы далеки от украинской жизни, иначе Вы бы не могли так реагировать. Мы же занимаемся проблемами, связанными с украинским национал-социализмом, и, боюсь, что в них Вы не можете ориентироваться.» (пер. с ит.). Archivio Centrale dello Stato. Ministero della Cultura Popolare b. 9. Butenko P. 108–110.

³² Archivio Centrale dello Stato, Polizia Politica, fsc. pers. 14418, busta 207. Butenko T. P. 346.

³³ Приведем полностью это письмо (отредактированное мной согласно общепринятой орфографии), посланное из оккупированного Днепропетровска с нарочным:

«Бутенко Федору Хрисанфовичу

Дорогой Федя,

То, что ты в своей книге писал о судьбе семьи, у нее так и вышло. Ту книгу Вере удалось прочесть через твоих друзей. И она сразу же нас поставила в известность, чтобы и мы были ко всему готовы. Конечно же сразу большевистские бандиты начали говорить ей, что ты враг народа, и она тоже должна понести наказание. И тут же лишили ее пособия и конфисковали все вещи, что завхоз переслал из заграницы. Вера, когда приезжала к нам, то сказала, что Лия останется нам, а она будет со всеми трудностями бороться, и она рада, что ты жив, и во имя этого всякие экзекуции ей не страшны. В 1941 году она написала, чтобы мама Софья Никитична приехала с Лией в Ленинград. Они 3 мая поехали, а 18 июня, перед войной, Веру и Мишу арестовали безжалостные узурпаторы, и как ни старалась Софья Никитична узнать, где они, не удалось добиться. Война лишила их возможности приехать обратно в Днепропетровск. Так что теперь Софья Никитична и Лия живут в Ленинграде, и им, наверно, нужна помощь. Так что, когда заберут Ленинград и у тебя будет возможность что-нибудь сделать для них, то постарайся. Я со своей стороны тоже все возможное сделаю. Как получишь письмо, напиши ответ мне: Днепропетровск, ул. Вышинского, д. 4.

Любящий тебя дедя. 2/3–42. (2) Я уже хотел оказать помощь бабушке и внучке и по пропуску фельдкоменданта пешком дошел до Могилева и обратно возвратился, потому что там комендант сказал, что зимой наступать не будут. Прости меня, Федюша, что я тебя беспокою, но я не могу забыть того, как они там живут в голоде, и останутся ли они живы и, если нам еще придется с ними встретиться, то это для меня будет самый большой праздник. Так прошу тебя, может можно что-то сделать, чтобы спасти хоть бабушку и Лиюшу. Я пока живу ничего, вольно и не голодаю, но скука ужасная. Ты, если сможешь, ответь мне хоть три слова. Будь здоров. Крепко, крепко жму твою руку и целую с сердечным приветом.

Г«ерасим» В«акулович» ACS, POLPOL, fsc. pers. 14418, busta 207. Butenko Fedor

³⁴ Из письма Бутенко главе Политической полиции Лето от 29.03.1943. Там же.

А. С. Тимошук

АНКЛАВИЗАЦИЯ ТРАДИЦИИ КАК ПРИМЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Постмодернизм – это широкое культурное течение в рамках пост-культуры, объединяющее философию, искусство, эстетику, религию. В этой статье мы предложим обоснование сходства постмодернизма и неотрадиционных явлений. Общим для этих двух феноменов являются смешение стилей, эклектизм; отказ от построения системы, логико-категорической организации мысли и принятие внерациональной словесной текучести; отход от дихотомии духовное – телесное, священное – мирское, этическое – аморальное, истинное – ложное; антисистематизм; адогматизм; самоутверждение личности в свободе творчества.

Неотрадиционные явления образуют сложный калейдоскоп религиозных, политических, идеологических и околонаучных воззрений. К ним, в частности, можно отнести движение New Age, провозглашающее вступление в эру Водолея и начало новой традиции, неязыческие организации, альтернативные оздоровительные, психологические направления. Некоторые еще не имеют четких границ, находятся на стадии формирования. Мы взяли в качестве примера неотрадиционного движения неоиндуизм, который существует уже больше двух веков.

Генезис традиционной культуры (ТК) этого региона способствовал выработке эклектичного термина для характеристики совокупности верований и практик со стороны соседей. Термин «индуизм» происходит от санскритского «синдху», что может означать «водоем, океан, река». Так арии назвали реку, образывавшую

западную границу их территории. Синдху дал греческое *india* и персидское *hindu*. Персы, в частности, именовали словом «Хиндустан» северную и центральную часть субконтинента, расположенного между Гималаями и горами Виндхья.

Социодинамика индоарийского общества привела к изменениям жизненных смыслов внутри. Отметим наиболее значимые тенденции: формализация ведийского ритуала, кристаллизация социальной памяти, монополизация брахманами права на спасение, распространение неортодоксальных путей спасения. В целом состояние индоарийского общества к концу I тыс. до н. э. можно охарактеризовать как постведизм, т. е. постепенное оставление Вед как источника идеи трансценденции. Начинает преобладать прагматическое отношение к миру. Все это сопровождается усилением внешнего давления. Походы персов, завоевание Индии мусульманами и дальнейшая колонизация Британской империей приводят к называнию постведизма уже термином внешним. Еще персы стали именовать разнородное население, а вместе с ним и различные культурные практики, к востоку от реки Инд, термином «хинду», тем самым закладывая принцип понятийного эклектизма в отношении этой традиции. Термин «индуизм» до сих пор неразборчиво объединяет всю совокупность обрядовых практик, ритуалов и философско-религиозных течений, основанных на наследии Вед.

Неоиндуизмом стали называть колониальные и постколониальные направления индийской мысли, ставящие своей целью апологетику Индии и ее самоактуализацию через применение своего философского наследия в области ценностей и смыслов¹. В отечественной индологической традиции термин «неоиндуизм» применяется по отношению к разнородным реформаторским движениям, генетически связанным с Индией. Среди таких неоиндуистских движений оказываются часто несхожие между собой «Брахмосамадж», «Миссия Рамакришны», «Общество божественной жизни», а также такие представители, как Раджниш, Махариши, Анандамурти, Нирмала Дэви, Саи Баба, Чинмой, Вивекананда, Ауробиндо. А.А. Ткачева объединяет двух последних в «универсалистский индуизм»: «Эта разновидность религии родилась как движение духа, как поиск определенной мировоззренческой платформы и идеологии, адекватной задачам национального возрождения и освободительного движения, родилась среди индийских интеллектуалов, озабоченных проблемами будущего своей цивилизации»².

Сам факт модернизации не является, однако, еще достаточным, чтобы называть какое-либо течение с приставкой «нео», особенно, если обновление непротиворечиво той традиции, в которой функционирует это течение. Иначе учения Шанкары, Мадхавы, Рамануджи, Чайтаньи также следовало бы отнести к неоиндуизму, сославшись на их новации. Ведь во всяком учении присутствует некоторая динамика.

Модернизация культуры представляется регрессом, если результатом ее является формирование ценностно-смыслового ядра. Сосуществование традиционных анклавов в индустриальном обществе – обычное дело, равно как и модернизированных анклавов в традиционном обществе³. Все это составляет современный коэволюционный котел культуры.

СМИ имеют тенденцию определять как неоиндуизм любое учение, пришедшее из Индии в XX веке в Европу. То, что западные люди начинают следовать учениям адвайтизма, вишнуизма (кришнаизма), тантризма, шактизма, шиваизма заставляет называть эти направления неоиндуизмом. «Неоиндуизм» применим

к индийскому экспорту религии и философии настолько, насколько в конкретных направлениях осуществляется отход от традиции, ее реформа в сторону уже вышеуказанных черт пост-культуры. При трансплантации ценностно-смыслового ядра традиции на инокультурную почву аффикс нео- не отражает суть явления. Так, активизация деятельности вишнуитских и шиваитских течений в Европе и Америке может быть связана с их внутренней динамикой развития, с процессами глобализации. Если изменения, привнесенные руководителями подобных организаций, носят структурный характер, но при этом сохраняются ортодоксальность и приверженность традиционным религиозным догмам (санитарно-гигиенические нормы, вегетарианская диета, сексуальные табу и пр.), то это отличает подобные движения от подлинного неоиндуизма, имеющего иные признаки: уход от авторитета, ценность жизненной свободы, бесформенность, антирациональность, радикализм в области своей традиции, готовность ее менять ради самореализации.

Догматика традиционных ведийских учений открыта к некоторым модификациям. Об этом свидетельствует само существование литературы преданий наряду с литературой откровения. Традиция адаптируется к современным условиям через учителей, следующих в преемственности друг за другом. Ученик живет рядом с духовным учителем и получает от него не только знания (самбандха), нормы (абхидхея), но и ценности, смыслы (прайоджана). Это впоследствии помогает отбирать все жизнеспособное, делать ценностно-смысловой экстракт ВК. Такой метод наследования ВК называется «парампара»⁴ – «от одного к другому». Поэтому вслед за Ведами появляется литература, следующая ведийской традиции, которая может быть не обязательно написана на санскрите.

Однако открытость традиции для модернизации не всегда означает, что может быть изменено ее ценностно-смысловое ядро:

- вера в закон моральной причинности (карма);
- признание перевоплощения души, цикличного космического миропорядка;
- принятие духовных авторитетов;
- вера в «шабда прамана» – откровение Вед как средство познания;
- признание форм социально-духовной стратификации общества (деление на варны и ашрамы),
- спасение как цель религиозной практики.

Отрицание этих положений, усиление мистицизма, посттрадиционалистские тенденции помещают новое религиозное движение в категорию неоиндуизма. С индуизмом такое течение связывает лишь происхождение основателя и обращение к элементам индийской философии.

Представители неоиндуизма пришли к такой новационной версии индуизма вследствие процесса глобализации, наступления эпохи посткультуры, посттрадиции. Посттрадиционализм – общечеловеческое явление, имеющее место не только на Западе, но, как мы видим, и в Индии⁵. Если обновленческие идеи не выходят за рамки традиции, не посягают на ее основные догматы, то еще рано причислять движение к неоиндуизму. В то время как представителей, связанных с индуизмом лишь номинально, действительно лучше именовать «неоиндуизмом». Они настаивают, что моральный облик не имеет ничего общего с открытием божест-

венного, самопознанием. В жизни представителей неоиндуизма можно увидеть примеры мистификаций, PR-технологий, шокирующего сексуального поведения.

Потребность в учителе, передающем знания мистическим путем, признается представителями неоиндуистских направлений вследствие невозможности дискурсивного познания истины. Учитель в них остается в качестве мистического символа. Показательно, что гуру-коммерсанты стали, прежде всего, востребованы именно в западных странах, а не в самой Индии. Поэтому неоиндуизм – явление чисто западное, это адаптация индийского мистицизма и философии для потребителя посткультуры, индуистская «постмодернистская теология» (Х. Кокс).

Все эти представители разделяют главную характеристику постмодернизма – его эклектичность, признание равноправия разных стилей, направлений, возможности их смешения, принципиальную адогматичность. Не является ли открытость признаком, унаследованным неоиндуизмом от индуизма? Так называемый релятивизм индуизма, выраженный в расхожем выражении «ята мата тата патха» (сколько мнений, столько дорог), является не более, чем поговоркой. Ортодоксальные даршаны (школы) известны своей принципиальностью, а традиция спора в Древней Индии вошла в историю тем, что побежденный должен был принять точку зрения противника. Нечеткость границ, признание истинности противоречивых утверждений – это скорее признак эпистемологии посттрадиционной культуры, частью которой и выступает неоиндуизм.

Следующее, что, пожалуй, объединяет не в меньшей степени этих мыслителей – это утверждение абсолютной ценности свободы жизни человека. Если в классических школах индийской философии свобода понималась как освобождение от физической телесности (мокша), то здесь свобода – это состояние в самой жизни, самоценное и не обусловленное догмами.

Отсутствие сколь-либо серьезных трений между индуизмом и неоиндуизмом объясняется характером древнеиндийской мысли, направленной больше на позитивное движение в рамках своей традиции, нежели на борьбу с еретиками. Однако эпатаж общественных норм, по каким бы причинам он не осуществлялся, не является новым для этой традиции. В разных частях Индии время от времени объявлялись пророки с нестандартным поведением, экзальтированные святые и «боголюди». Показательно в этом отношении то, как Р. Генон характеризует миссионерские начинания Свами Муктананды, Свами Чинмаянанды, Свами Девананды как «восточные только по названию, если не считать немногих, сугубо внешних признаков, рассчитанных на то, чтобы заинтриговать любопытствующих и привлечь дилетантов, спекулируя на их пристрастии к экзотике самого дешевого свойства»⁶.

У истоков реформации индуизма стоял Раммохан Рай (1772–1833), критиковавший некоторые его догматы (политеизм, поклонение изображениям божеств), а также обычаи индуизма. Тенденции к радикальной реформе индуизма отмечают еще в этот период. Основательно проштудировавший христианские тексты Р. Рай планировал обосновать упанишады с точки зрения чистого деизма.

А.А. Ткачева считает, что симптомы нарастания адаптирующихся к современным условиям религиозных движений характерны, прежде всего, для 70–80-х гг. XX века⁷. Действительно, начиная с 60-х гг. мы наблюдаем увеличение интереса к восточному мистицизму на Западе, однако, это обусловлено не экспансией индуизма, а, скорее, поиском западной мыслящей молодежью альтернативных

образов жизни. Для кого-то такой альтернативой стала богемная жизнь хиппи, а кто-то нашел «свое» в ашрамской жизни под руководством харизматического лидера. Если бы причина в популярности индуизма действительно исходила только с Востока, то тогда мы бы имели крупные очаги распространения индуизма еще в конце XIX в., когда разные ачарьи направляли своих учеников проповедовать на Запад. Уникальная ситуация подъема интереса к индуизму и неоиндуизму сложилась лишь к 60-м годам XX в., когда западная молодежная культура была охвачена аксиологическим кризисом. Особенно быстро приобрел своих последователей неоиндуизм, поскольку в нем совмещаются и претензия на мистицизм (импонирующий антисциентистским устремлениям молодежи), и открытие внутреннего знания, совмещающееся с контртрадиционализмом и самоактуализацией.

В силу индивидуальности проповедников и учителей, подчас сложно провести разграничительную линию их отношения к традиции. Многие лидеры, видимо, сознательно не дают однозначного ответа на вопрос об их отношении к реинкарнации, карме, делению общества на варны и ашрамы, положению Бога и Вед. Так, Рамакришна в некоторых случаях говорил о том, что греховность человека есть результат дурных поступков в предыдущих рождениях, а в другом, на вопрос о том, принимает ли он доктрину переселения душ, отвечает: «Да, говорят, что-то вроде этого существует. Как можем мы понять пути Господни своим ограниченным умом?»⁸.

Более решительно Рамакришна высказывается против незыблемости авторитета священного текста. Брахман оскверняется словом, если его описывать, поэтому Веды, пураны, упанишады, тантры, классические философские системы Индии несут на себе печать осквернения. Это очень характерная черта неоиндуизма – упрощение обращения индивида к Богу, и она присутствует в учении Рамакришны⁹.

Другой посттрадиционный ход движения его мысли, не менее характерный для других реформаторов неоиндуизма, – антикастовость. Однако и здесь характер его выступления против разделения людей двойствен. Кастовые различия стираются, когда человек постигает и проникается Богом.

Последователь Рамакришны Вивекананда в большей степени «неоиндуист», нежели его учитель. Его идеи раскрепощения человека, антропоцентризма и даже некоторый сентиментализм, нехарактерны для аксиологии трансценденции Индии: «Мы слуги того Бога, которого незнающие зовут человеком», «Я не верю в Бога или религию, которые не могут утереть вдовьи слезы или дать сироте кусок хлеба»¹⁰.

Вивекананда выступает против поклонения сверхъестественным существам. Религия для него имеет идеал общественно значимый, в котором нет места таинственному и мистическому. Самопожертвование для Бога у Вивекананды понимается как служение человеку, выражающееся как альтруизм, патриотизм, борьба за мир, развитие системы образования, передовой технологии, ликвидация бедности, неграмотности (последние положения относятся особенно к Индии).

За Дж. Кришнамурти (1895–1986) закрепился образ человека, отказавшегося от роли Учителя и Мессии, вместе с тем его длительная наставническая деятельность позволяет вынести некоторые суждения о нем, как о представителе неоиндуизма. Кришнамурти был противником логического метода, системности, его

подходом являлось озарение, попытка непосредственного видения истины, он считал подчинение авторитету вредным и не видел заданных путей постижения истины. Сколько религий – столько тюремных клеток. Необходимо освободить человека от догм, условностей: «Знания, вера, убеждения, умозаключения и опыт – все это препятствия для истины»¹¹. Полнота человека – в его пустоте. Теории только создают препятствия. Есть только жизнь и реакция на нее, и это – истина. В этих суждениях ясно улавливаются постмотивы абсурдности, иррационального, бессистемного, парадоксального: «Искать истину – значит отрицать истину»¹², «Никакой идеологии – тоже идеология»¹³. Кришнамурти выступает против норм, стандартов, дисциплины, формы. Человек, пустой изнутри, ищет внешних форм – искусство, красоту и тем самым бежит от себя. В своей жизни Дж. Кришнамурти последовательно заставил своих поклонников пережить крушение их надежд, связанное с его мессианством, распустив теософский «Орден звезды», организованный для Учителя Мира А. Безант.

Вместо обоснованного ответа на философские вопросы о смысле жизни учитель предпочитает отвечать метафорически: «Жизнь... зеленый листок, и увядший листок»¹⁴. Исходя из этого и других признаков, Г.С. Померанц также приходит к выводу, что способ мышления Кришнамурти импульсивен, «не укладывается в логическую систему и с точки зрения дисциплинированного ума крайне противоречив»¹⁵.

Ошо (Бхагаван Шри Раджниш (1931–1990) – один из ярких представителей неоиндуизма и пост-культуры. Он полагал, что важную роль в познании жизни играет личный опыт индивида и его самоутверждение: «Бог... создан Вашим воображением»¹⁶. Истина – вне конкретных форм, установок, вербальных формулировок, практик, логики, а ее постижение осуществляется хаотическим, а не систематическим методом¹⁷. «Чем больше вы погружаетесь в язык, тем больше мертвым он вас делает... отбросьте все мантры, все техники. Позвольте существовать моментам без слов»¹⁸. Не только вербальная форма – вымысел и обман, конкретные традиции – это лишь временная форма, тексты – условны, в конечном счете христианин должен забыть Библию, индус свою Гиту¹⁹, последователь Ошо – то, чему учил Бхагаван: «У меня нет системы. Системы могут быть только мертвыми. Я – бессистемный, анархический поток, я даже не личность, а просто некий процесс. Я не знаю, что я говорил вам вчера»²⁰. Форма не важна как самому ученику, так и объекту, Бог у Ошо – это все, «...это то, что здесь и сейчас. Эти деревья, этот ветер, облака, это небо, вы, я – вот что такое Бог»²¹.

Нет ни формы, ни метода познания, есть только то, что есть, а все, что есть – это вымысел. Не стоит пытаться рационально осмыслить учение Ошо через призму какой-то традиции, так как оно – антирационально и антитрадиционно. Он призывает делать то, что исходит из чувства, течет из сердца: «Никогда не следуйте разуму...не руководствуйтесь принципами, этикетом, нормами поведения»²². Если раджнишизм против рационально-логического познания, может, нужна вера? Нет, вера – это тоже барьер, должна быть просто жизнь. Поэтому это направление не является и эзотерическим. Тот, кто живет, не заботится о приличии, не уважает общество, для него все естественно²³ (видимо, поэтому ашрамы Бхагавана становились объектом критики за антиобщественную деятельность: промискуитет, обвинения в правонарушениях и т. д.²⁴).

Своеобразна философия тела Раджниша. Вместо аскетики, изложенной в «Йога-сутре» Патанджали (ахимса – воздержание от насилия, сатья – правдивость, астейя – воздержание от посягательств на чужую собственность, апариграха – нестяжательство, брамачарья – сексуальное воздержание), Раджниш побуждал последователей извлекать свои низменные желания и выплескивать их наружу в любой форме. Санньяси у Раджниша – это не традиционные аскеты, отрекшиеся от мира, а половые гиганты, не испытывающие никакой вины. Высшее состояние йогического транс у Раджниша заключалось в конвульсивных содраганиях, истерии.

Что касается данных противоречивых высказываний, которые Ошо называет «совместимыми несовместимостями»²⁵, то в свете алогического подхода они не представляются чем-то необычным. Возможно, что Раджниш, еще преподавая в университете Джабалпура, напрямую познакомился с предтечами постмодернизма, и они оказали на него свое влияние. На эту мысль наводят некоторые его высказывания, имеющие оттенок философии жизни: «Не задавайте философских вопросов... На них невозможно ответить. Не задавайте метафизических вопросов. Например, на вопрос «Кто создал мир?» нельзя дать ответ. Он абсурден... Задавайте личные, интимные, экзистенциальные вопросы»²⁶. Признание важности личностного бытия, личной интерпретации, реализации собственного понимания продолжает тему самоутверждения. Ошо интересуется только то, что говорит он сам, текст он применяет только, чтобы подтвердить свою свободу выбора – «Иисус, Кришна, Будда, Лао-Цзы – я приспособляю их к себе»²⁷. Антидоктринерство оказалось близким и понятным его западным последователям, знакомым с неорганизованным, экзистенциальным познанием.

Можно говорить о свободном принятии Ошо разных элементов других учений, смешении стилей. Так, его утверждение о том, что он учит антидоктринальному, антифилософскому, антиинтеллектуальному опыту походит на сентенции дзэна: «Как быть: просто тому как быть. Тому как быть здесь и сейчас»²⁸. Не следует считать, что он дзенец, в разные времена Ошо мог доказывать преимущество христианства, суфизма, хасидизма, даосизма, дзэна, тантризма над всеми другими практиками²⁹. Сам он называл свой эксперимент по смешению религий и философией уникальным и сравнивал его с составлением букета: «...цветок груб, аромат тонок... Вот что я пытаюсь сделать – свести воедино все цветы тантры, йоги, Дао, суфизма, дзэна, хасидизма, иудаизма, мусульманства, индуизма, буддизма, джайнизма...»³⁰. Мы считаем, что эксперимент Ошо обусловлен не эвристической задачей. Скорее, это стилизация под традицию с целью подачи своего экзотического продукта – пепла былой традиции.

Ошо призывал быть открытым ко всему, в действительности же это направление неоиндуизма самое ограниченное, так как оно замкнулось на теологизации биологических потребностей. Независимая самоактуализация Дж. Кришнамурти и Ошо принадлежит современной ситуации пост-культуры и имеет все права называться неоиндуизмом. Они создают новый гуманитарный продукт, используя традицию как референцию для рекламы: «Тенденция симуляции ТК успела перекинуться и на те народы, которые к живой традиции стоят гораздо ближе, чем современные европейцы: используя наследие традиции лишь как приманку для туристов»³¹.

Таким образом, распространение профанной эзотерики есть пример псевдо-традиции и квалифицируется как явление западное по сути. Имитация полноцен-

ной традиции, использование ее в качестве коммерческой декорации – это то, что сближает посткультурное пространство Востока и Запада. Объяснение феномену унификации культурных тенденций можно найти в становлении единого информационного и смыслового поля с прозрачными границами. Образование общей семиосферы обнажило базисный утилитарный интерес к миру, что и обусловило повышенный интерес к технике, как способу обретения счастья.

Альтернативное объяснение посткультурной унификации коренится в глубинах самой традиции: направление современной цивилизации связано с особым циклом мировой истории – четвертым космическим циклом, Кали-йуга³². Первые три эпохи (Сатья, Двапара и Трета) по убыванию отходили от традиции, хотя по сравнению с нынешней ситуацией Кали-йуги, все они представляются идеальными. В эклектизме и всеядности, согласно этому объяснению, повинен не сам неоиндуизм, а эпоха, выпавшая на его долю. Следует отметить, что время в ведийской традиции – это не независимая субстанция Ньютона, не характеристика длительности состояний объектов и не атрибут массы материи Эйнштейна. Время здесь принимается активным преобразующим началом, волей Провидения³³.

Энтропия традиции вполне вписывается в естественно-научную и гуманитарную модель. Согласно второму постулату термодинамики, в закрытой системе более полезная энергия со временем превращается в менее полезную энергию. Р. Генон пишет: «...развитие всякого проявления с необходимостью предполагает все большее и большее удаление от принципа»³⁴. Р. Генон трактует современное состояние западного и восточного общества, а также его культуры как царство количества, отдаление от единого Духовного Принципа. Удаление происходит от традиционного типа культуры по направлению к состоянию, все более отклоняющемуся от традиционного, т. е. – пост-культуре. И неоиндуизм, и постмодернизм характеризуются контртрадиционным духом и выступают в данном случае частными процессами одной тенденции.

Примечания

¹ См.: *Halbfass W.* India and Europe. Suny Press, 1988.

² *Ткачева А.А.* «Новые религии» Востока. М., 1991. С. 76.

³ См.: *Levy V.* Modernization and the structure of societies: A setting for international affairs. Princeton, 1960; *Bendix R.* Tradition and modernity reconsidered. Comparative studies in society and history. The Hague, 1967. Vol. 9. № 1.

⁴ См.: БГ 4.2: *evaM paramparA-prAptam...* «Так это знание передавалось из рук в руки»...

⁵ Характерно, что как обратное следствие посттрадиционализма в политической сфере – фундаментализм, декларирует возврат к исходным ценностям. Бхаратия Джаната Парти (Индийская народная партия) и Раштрия Сваям Севак Сангх (Национальный союз самослужения) – организации, выступающие за возвращение к исконным ценностям индусов, а партия Аджей Бхарат (непобедимая Индия) заявляет о себе как о подлинной носительнице ведизма.

⁶ *Guepon R.* Introduction to the Study of Hindu Doctrines. L., 1945. С.322. Цит. по: *Ткачева А.А.* Указ. соч. С. 111.

⁷ См.: *Ткачева А.А.* Индуистские мистические организации и диалог культур. М., 1989. С. 3.

⁸ *Рыбаков Р.Б.* Вступительная статья к книге Р.Роллана «Жизнь Рамакришны». Киев, 1991. С. 24.

⁹ «Рамакришна отстаивает идею упрощения и удешевления обрядов: подобно тому как рыбу удобнее есть, удалив хвост и голову, так и поклоняться Богу лучше, по его словам, в самых простых формах» *Костюченко В.С.* Свами Вивекананда: жизнь и наследие // Свами Вивекананда. Практическая Веданта: Избр. работы: пер. с англ / под ред. В. С. Костюченко. М., 1993. С. 6.

¹⁰ *Vivekananda Swami.* Address at the World's Parliament of Religions, Chicago. 1893. Sep. 15 // The Complete Works of Swami Vivekananda: 9 vols. Vol. 1. Calcutta, 1970.

- ¹¹ Кришнамурти Дж. Проблемы жизни: в 3 т. Т. 1. М., 1997.
- ¹² Кришнамурти Дж. и проблема современного нигилизма // Померанц Г.С. Выход из транса. М., 1995. С. 528.
- ¹³ Там же. С.153.
- ¹⁴ Померанц Г.С. Указ. соч. С. 339.
- ¹⁵ Померанц Г.С. Указ. соч. С. 516.
- ¹⁶ Ошо. Психология эзотерического. М., 1992. С. 10.
- ¹⁷ Там же. С. 47.
- ¹⁸ Там же. С. 18.
- ¹⁹ Ошо. Психология эзотерического. М., 1992. С. 122.
- ²⁰ Там же. С. 265.
- ²¹ Там же. С. 202.
- ²² Ошо. Дао: путь без пути. Т.1. С. 183.
- ²³ См.: там же. С. 164.
- ²⁴ См.: Баркер А. Новые религиозные движения. М., 1997. С. 40.
- ²⁵ Ошо. Психология эзотерического. С. 346.
- ²⁶ Там же. С. 136.
- ²⁷ Там же. С. 224.
- ²⁸ Ошо. Психология эзотерического. С. 112.
- ²⁹ См.: Миркина З., Померанц Г. Великие религии мира. М., 1995. С. 306.
- ³⁰ Ошо. Психология эзотерического. С. 230.
- ³¹ Сакович И. С. Указ. соч. С. 50.
- ³² См.: БП 12.2.
- ³³ В БГ 11.32 Кришна говорит: «Я есть Время, великий уничтожитель миров»
- ³⁴ Генон Р. Кризис современного мира // Человек и искусство. Антропос и поэсис. М., 1998. С. 122.

А. С. ТИМОФЕЕВ

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (XX – НАЧАЛА XXI ВВ.)
ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКИХ ТРАКТАТОВ ДЖ. ФОРТЕСКЬЮ (XV В.)**

В историографии XX в. не остался без внимания вопрос о значении создания сэром Джоном Фортеस्कью, выдающимся английским гуманистом, юристом и заметным политическим деятелем эпохи феодальной войны Роз XV в., таких масштабных произведений, как «Управление Англией» ('The Governance of England'), написанный в отличие от остальных на английском (того времени) языке; «О восхвалении законов Англии» (называемом также «Похвала законам Англии» – 'De Laudibus Legum Anglie', трактат на латыни); «О природе естественного права» (трактат 'De Natura Legis Naturae', написан на латыни, возможно, в 1461–1464 гг.) и нескольких значительно менее объемных памфлетов. Общие теоретические идеи, лежащие в основе всех трактатов, совершенно одинаковы и часто даже формулируются в одних и тех же выражениях. Значимость создания этих произведений для развития, по крайней мере, английской политической мысли давно признана учеными-соотечественниками (но не современниками) сэра Джона; однако это не привлекало должного внимания наших отечественных специалистов в историографии XX века. Невозможно признать, что вокруг этого вопроса велись (или ведутся) ожесточенные споры. Это и порождает необходимость исследований далее.

В зарубежной, прежде всего англоязычной, историографии XX в. также не столь много работ, непосредственно посвященных Фортеस्कью (но его трактаты упоминаются и исследуются как важнейший источник по ряду аспектов социальной, политической, ментальной и даже экономической истории Англии периода войн Роз в гораздо более многочисленных общих трудах). В первые годы XX в. касавшиеся данного вопроса ученые испытывали влияние концепций У. Стеббса, который видел в Фортеस्कью (не занимаясь его наследием специально) великого теоретика-конституционалиста¹. Он создавал свой объемный труд в конце XIX в., в эпоху расцвета английского либерализма и фактического конституционализма, и посчитал, очевидно, что ныне теоретическое наследие Фортеस्कью «кстати». В отечественной исторической науке до революции 1917 г. немногие российские ученые поэтому упоминали о канцлере. Но вышеупомянутая политическая ориентация западноевропейских интеллектуалов была, можно предположить, по душе и значительной части знакомой с нею отечественной дореволюционной интеллигенции, жившей при нелюбимом ею абсолютизме. Отдельные ее представители и продемонстрировали это. Профессор М.М. Ковалевский считал, что цели трактатов таковы: 1) защитить права свергнутого Ланкастерского дома на престол Англии (впрочем, цель изменилась после его поражения и пленения Фортеस्कью: он теперь доказал, что именно Йорки имеют преимущественные права на престол,

но, по мнению Ковалевского, не отступил от принципиальной позиции – добиться прекращения усобиц в стране); 2) создать теоретические основы представительной монархии в Англии; 3) доказать преимущества английского «смешанного правления» перед французским; 4) реформировать высшие органы власти. Ученый даже предположил, что Фортескью превосхитил «кабинетную систему парламентского правления» XVIII–XIX вв., что и является одной из составляющих исторического значения его трудов². Подобных же взглядов, опирающихся на исследования английских классических историков XIX в., придерживался и К.А. Кузнецов³. Его точка зрения относительно трудов Фортескью, изложенная в сравнительно небольшой по объему работе, фактически копирует идеи этих зарубежных коллег: исследуемый мыслитель XV в. – один из основателей теории «конституционной» монархии, основанной на торжестве закона, а не вызревшей тогда в Англии, по признанию современных советских историков, абсолютной монархии.

В 1930-е годы С.Б. Краймс, один из известнейших исследователей трудов Фортескью, выделил такие цели и значение его теоретической деятельности: 1) стремление связать «высокую теорию» политики и права с практикой разумного и эффективного управления Англией; 2) стремление дать рецепт преодоления хаоса и наведения порядка в стране в период феодальной войны Роз; 3) патристическое желание создать апологию английского политического строя, доказывающую его принципиальное превосходство над иными, например, французским; 4) желание привлечь на сторону Ланкастеров колеблющихся и помочь менее ученым их сторонникам, написав нечто вроде доступных теоретических пособий⁴. При этом Фортескью стремился к усовершенствованию ограниченной парламентской, «протоконституционной» монархии в Англии (знаменитое «*dominium politicum et regale*»), чем отличался от осуждаемых им апологетов абсолютизма (сторонников «*dominium regale*»). Его деятельность была глубоко прогрессивна и полезна в историческом масштабе (но «конституции» позднего средневековья Краймс понимал отнюдь не в духе позитивистов XIX века⁵). Советские историки в 1920 – 1-й половине 1950-х гг., по понятным причинам, отвечали глубоким молчанием в области публикаций на такие научные изыскания.

Наступает новый этап в сравнении отечественных и зарубежных подходов. Однако советские историки зарубежья явно переживали период давления цензуры. Б.А. Каменецкий – пожалуй, единственный из историков советского периода, кто специально посвятил себя изучению деятельности и наследия Фортескью после 1930-х годов. Он занимался этим в 1950-е – начале 1960-х годов. Он считал последнего ярким представителем английского гуманизма, но в то же время и ранним выразителем «элементов новой буржуазной идеологии», «идеологом имущей части антифеодальных классов, четко сформулировавшим их основные требования»⁶. Цели его деятельности были таковы: установление стабильного политического порядка (обязательна неприкосновенность частной собственности, чего и требуют интересы эксплуататоров), сильной королевской власти, твердая внешняя политика правительства. Он писал для широкого круга читателей своего класса, по мнению Каменецкого⁷.

В подобном духе высказывался и А.Р. Майерс: работы Фортескью (как и Т. Литтлтона) в XV в., по его мнению, должны были заставить английских юристов гордиться своим общим правом («*common law*») и жестко сопротивляться попыткам

вести в стране римское право, которое способствовало бы установлению абсолютизма⁸. Эта точка зрения никак не связана с марксизмом и скорее близка к «патриотической». Однако и Каменецкий не отрицал этой идеи, более того, во времена сталинизма, патриотизм, носивший «имперскую» форму, был общепризнанным. Дж. Джоллифф, считавший Фортескую единственным ярко выраженным политическим мыслителем Англии XV в., писал о предвосхищении последним создания роялистских (периода абсолютизма), а не аристократически настроенных высших советов при короне⁹. Его приверженность идее совета (и «советования») будет признаваться и некоторыми историками рубежа XX–XXI веков.

Классический подход к трудам в западной историографии под влиянием деятельности новых исторических школ изменяется, начиная с 1960-х годов. Позитивистские оценки в том духе, что Фортескую создал определенные концепции, потому что он был прогрессивно мыслящим и т. д., подверглись серьезной критике. Так, В. Литцен, финский исследователь, попытался выделить главную цель создания Фортескую столь разных его произведений. Он нашел, что сэр Джон был «человеком одной идеи» и преследовал, создавая свои творения, одну конкретную цель, не стремясь ни к чистому теоретизированию, ни к научной точности, ни тем более к прогрессу и преодолению «пережитков». Эта идея – идея «правильного» наследования престола в Англии (только по мужской линии), обеспечение стабильности короны, а цель состояла в осуществлении проекта реставрации свергнутой Йорками династии Ланкастеров с военной помощью Франции, где старый канцлер и пребывал в изгнании в период своей литературной активности: цель предельно утилитарная, конкретная и эгоистическая. (Король в то время не только олицетворял правительство, хотя бы и в Англии, но и в значительной степени реально был им.) Практически все свои доводы Фортескую заимствовал из французских трактатов и знаменитого «Салического закона» (*‘La loi salicque’*). Стоит заметить, что Литцен едва ли не демонстративно старается опровергнуть все «мифы» в историографии (по его мнению) о деятельности Фортескую: и то, что он ярый патриот, и то, что его идеи глубоко оригинальны, и то, что они были применены на практике Эдуардом IV или Тюдорами, и его влияние на английских мыслителей 1-й половины XVI века¹⁰. Саму войну Роз он считает конфликтом прежде всего Франции и Англии. Дж.Р. Лендер тоже считает, что цели канцлера не были далеко идущими: он писал книги либо для наставления принца Эдуарда (сына Генриха VI), либо советуя власть имущим, как преодолеть неурядицы в стране (прежде всего финансовые, но и то – Лендер считает, что известное предложение Фортескую ограничить специальным советом возможности короля распоряжаться расходами касается только злободневной ситуации с психически больным Генрихом VI)¹¹.

В последние годы заметна тенденция комплексного поиска причин, подвигших Дж. Фортескую к идеологической борьбе, при этом стремление авторов избавиться от «мифов» и достичь соответствия реалиям XV в. налицо. Так, Дж. Уаттс (предпочитающий относить творения Фортескую не к конституционным проектам, а к «политическим советам» *‘advise-literature’*, нашел, что комплекс целей старого канцлера: 1) объяснить, как в рамках английского традиционного *«dominium politicum et regale»* (каковой якобы доминировал в Англии) королевские фискальные ресурсы могут быть увеличены и стабилизированы, что позволило бы

королевской власти выйти из жалкого состояния 1450-х годов. Ведь финансовое преобладание – базис верховной власти в стране. Но это преобладание зависит от благосостояния подданных (т. е. членов общин), а потому власть и фиск короля – общественное дело. Значит, необходим реформированный «независимый» королевский совет (одна из ключевых идей «Управления Англией»), в значительной степени перенимающий бремя финансовой власти короля: это ограничение только ему на пользу, ибо от него выиграет и его правительство, и все королевство, значит, и его реальная власть; 2) создать такое устройство органов центральной власти («конституцию»), при котором приемлемый порядок устанавливался бы не персональными решениями (путем назначения членов совета или распределения «милостей»), а институционально, сочетая силу законов (в том числе традиционных) с влиянием представительства и прерогативами короны. В этом случае не будет практических различий между интересами власти и общин, и вся Англия станет «общиной, где всегда хором будут петь и молиться все англичане – миряне и клирики». Таким образом, проект Фортеस्कью заключался в создании в Англии не феодальной иерархии, а политической общности людей, уравненных законным королевским правительством и объединенных осознанным выбором, что было внове в ту эпоху¹². Идея совета от Фортеस्कью, как признает и наш современный историк С.Е. Федоров (СПбГУ), имела важное влияние на последовавшее после XV в. интеллектуальное развитие Англии¹³. Взаимодействие наших исследователей и зарубежных (прежде всего англоязычных, пусть и происходивших из Финляндии) неоспоримо, и это полезно для научных исследований.

Кристина Карпентер, соглашаясь с Дж. Уаттсом по многим вопросам истории XV в., считает, что Дж. Фортеस्कью имел весьма ограниченное представление о реалиях английской политики (а ведь историки воздавали ему хвалу именно за использование практического опыта!) и желал создания в Англии рая для чиновников («bureaucrat's paradise»), в котором капризы незадачливого короля нивелировались бы благоразумными маневрами профессиональных бюрократов, одним из которых он сам и являлся¹⁴. Дж. Джиллингхэм также полагает, что вся деятельность канцлера направлялась его практическими, а не научными, интересами участника тех событий: он более практик, нежели теоретик¹⁵. Вместе с тем и в нашу эпоху есть авторы, которые в духе У. Стеббса называют Фортеस्कью «конституционным монархистом», мыслителем, доказывавшим превосходство английского права и политического устройства и имевшим целью усовершенствовать парламентский строй, в частности, по вопросам финансов и собственности¹⁶.

Уместно сделать вывод, что вопрос о действительных целях и значении создания в XV в. трактатов и памфлетов Дж. Фортеस्कью порождает довольно разные ответы в исторической литературе, хотя в последние годы, несомненно, достигнуты значительные успехи в этом направлении: само количество касающихся данной проблемы научных трудов говорит об этом. Думаю, ближе к истине те исследователи последних лет, которые считают, что единой политической задачи у всех этих произведений не было: они создавались исходя из краткосрочных побуждений, хотя их «сверхзадача» едина – канцлер добивался прекращения тяжного кровавого кризиса и восстановления мира и стабильности в Англии. Полагаю также, отечественные исследования в этом направлении были и будут вполне плодотворны.

Примечания

- ¹ *Stubbs W.* The constitutional history of England in its origin and development. Vol. 3. Oxford, 1906. P. 314.
- ² *Ковалевский М.М.* От прямого народоправства к представительному. М., 1906. Т. 1. Глава 5; Он же. История монархии и монархических доктрин. СПб., 1912. С. 72–73.
- ³ *Кузнецов К.* Опыты по истории политических идей в Англии (XV–XVII вв.). Владивосток, 1913. С. 12.
- ⁴ *Chrimes S.B.* English constitutional ideas in the fifteenth century. Cambridge, 1936. P. 250–251.
- ⁵ *Ibid.* P. XIX.
- ⁶ *Каменецкий Б.А.* Социально-политические идеи Джона Фортеस्कью: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1961. С. 5, 14–15.
- ⁷ Он же. Джон Фортеस्कью и его роль в формировании буржуазной культуры Англии // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 5. С. 110–122.
- ⁸ *Myers A.R.* England in the later middle ages. Harmondsworth, 1966. P. 220.
- ⁹ *Jolliffe J.E.A.* The constitutional history of England. L., 1937. P. 494.
- ¹⁰ *Litzen V.* A War of the Roses and Lilies. Helsinki, 1971.
- ¹¹ *Lander J.R.* Government and Community. England 1450–1509. Cambridge, 1980. P. 42, 264; The wars of the Roses. L., 1974. P. 302.
- ¹² *Watts J.* Henry VI. Cambridge, 1999. P. 46–50.
- ¹³ Он не разрабатывает творчество Фортеस्कью специально, но из-за специфики изучения истории Англии XVI–XVII вв. не придерживается тактики «пройти мимо»: *Федоров С.Е.* Пуританизм и общество в стюартовской Англии // <http://biblus.ru/default.aspx2/1b2c0677h1>
- ¹⁴ *Carpenter C.* The wars of the Roses. Cambridge, 1999. P. 247.
- ¹⁵ *Gillingham J.* The war of the Roses. L., 2001. P. 148, 207.
- ¹⁶ *Black A.* Political thought in Europe. 1250–1450. Cambridge, 2000. P.137, 168.

Н.Н. АГЕЕВА

**Взгляды М.И. Ростовцева на проблему исторического
развития юга России в контексте взаимодействия
западной и восточной цивилизаций**

М.И. Ростовцев одним из первых в отечественной историографии поставил вопрос о необходимости рассматривать историю России как часть всемирно-исторического процесса, в тесной связи с древними народами, проживавшими на ее территории до расселения здесь славян. Интерес ученого к этой проблеме возник в связи с его изучением южнорусских древностей и стремлением выстроить целостную концепцию развития юга России в античный период. На наш взгляд, юг России привлекал М.И. Ростовцева не столько обилием необработанного античного материала, сколько своим положением на периферии античного мира, где тесно переплелись две культуры – варварская и греко-римская. К теме взаимодействия восточной и западной цивилизаций ученый в своих работах обращался достаточно часто. Эта проблема являлась ключевой и в его фундаментальном труде «The Social and Economic History of the Hellenistic World» (1941), и при археологических исследованиях Дура-Европос. Что касается юга России, то М.И. Ростовцева чрезвычайно занимала еще и проблема влияния проживавших здесь древних народов на последующее развитие этого региона и соответственно становление русской государственности. Концепция исторического развития юга России в античный период в общих чертах была изложена им в монографии «Эллинизм и иранство на юге России» (1918), написанной в форме научно-популярного очерка. Формирование этой концепции и детализацию ее отдельных положений можно проследить и по другим многочисленным статьям и книгам ученого,

посвященных югу России. Занимаясь преимущественно источниковедческими изысканиями, М.И. Ростовцев тем не менее в каждом частном сюжете стремился выявить общие тенденции развития этого региона в древнейший период.

Под «югом России» М.И. Ростовцев рассматривал не только территорию Северного и Северо-Восточного Причерноморья, но и широко раскинувшиеся степи от Дуная вплоть до предгорий Урала. Ученый полагал, что только в таких широких географических рамках можно проследить эволюцию развития юга России¹. Южнорусские степи, тесно связанные с морем, перерезанные рядом могучих рек, каждая с широко развитой системой притоков (Днепр, Буг, Днепр, Дон, Волга), между Черным и Каспийским морями подходят к Кавказскому горному хребту; на западе они тесно связываются с могучим Дунаем и его бассейном; на востоке сближаются с предгорьями Урала и сливаются с прикаспийскими, приаральскими и южносибирскими степями; на севере они составляют неразрывное целое со всей центральной и северной Россией. «Этим область южнорусских степей поставлена была в ближайшую связь с рядом важнейших центров культурного развития древнего мира. Она была, прежде всего, естественным продолжением могучего иранского культурного мира, определяющего собой культурную физиономию прикаспийской и приаральской Азии и тесно связанного с культурным миром Месопотамии»². М.И. Ростовцев полагал, что степи юга России сыграли в культурно-историческом развитии человечества немаловажную роль: они стали ареной взаимодействия нескольких мощных культурных волн (прежде всего иранской и греческой) и не только приобрели неповторимый культурный облик, но и оказали влияние на развитие европейской цивилизации и определили становление русской государственности.

Обращаясь к вопросу о происхождении русского государства, М.И. Ростовцев выделял основную на его взгляд проблему – необходимость выявления источников, из которых «выросла» Киевская Русь. «В IX в., когда русские летописи начинают сообщать нам данные о русских князьях и русском народе, Россия предстает перед нами в совершенно готовом, сформированном виде, с особым политическим, экономическим, социальным и культурным укладом... В истории образования Русского государства все своеобразно: и исключительно торговый характер городов и их населения, и широкий размах этой торговли..., и резкая разница между развитием строя города-государства и примитивным племенным укладом городских славян, между доисторическим бытом племен и высокой культурой городов, и, наконец, сам способ правления – комбинация чужой военной власти и внутреннего городского самоуправления»³. Объяснить эту уникальность, по мнению ученого, можно лишь, рассматривая историю России с всемирно-исторической точки зрения, т. е. не трактовать ее исключительно как историю русского племени, изолированно от истории цивилизованного мира эпохи греко-римской цивилизации и переселения народов, частью которого в это время была и Россия (преимущественно южная).

Стремясь выстроить целостную концепцию исторического развития южнороссийского региона, М.И. Ростовцев прослеживает его развитие с эпохи неолита, когда здесь появляется постоянное население, о постепенном изменении уклада жизни которого свидетельствуют характер изученных погребений. Начиная с эпохи медного века здесь ощущается сильнейшее влияние восточной переднеазиатской и средиземноморской цивилизаций, что приводит к постепенному переходу

жителей Приднепровья и Прикубанья от кочевого к оседлому образу жизни и возникновению первых укрепленных поселений на берегах Днепра, Дона и Кубани. В эту же эпоху впервые налаживаются великие торговые пути, идущие через Россию: караванный путь с Востока к берегам Азовского моря, морской путь с берегов Черного моря в Средиземное, к островам Эгейского моря и к побережью Малой Азии и речной северный путь к Балтийскому морю. Укрепляются эти пути, как и цивилизованная жизнь на юге России преимущественно в первом тысячелетии до н. э.

Последовательное существование на северном побережье Черного моря двух больших государств – киммерийско-фракийского в X–VIII вв. до н. э. и скифского в VIII–III вв. до н. э. с сравнительно прочным государственным строем привлекает на берега Черного моря греков, что способствует установлению достаточно тесных связей с бассейном Эгейского моря. Влияние скифского государства на развитие территории южной России было огромным. Скифы сумели объединить под своей властью большинство племен между Волгой и Дунаем, обеспечив им возможность мирного экономического развития и сбыт продуктов их экономической деятельности в неограниченных количествах через посредство греческих колоний на берегах Черного моря. Зерно, рыба и кожи, производимые частью оседлым, частью кочевым населением юга России, сплавлялись по рекам и экспортировались в Грецию. По тем же рекам из центральной и северной России шли на юг меха, воск и мед, продукты охотничьей жизни финских племен. К греческим же колониям и специально к устью Дона и Кубани среднеазиатский торговый путь доставлял на караванах продукты азиатского Востока.

Результатом этого более чем четырехвекового существования прочного скифского государства на берегах Черного моря было то, что культурная жизнь, основанная главным образом на торговле, пышно расцвела по всей южной России и двигалась все дальше и дальше на север. Археологические исследования Приднепровья и Придонья показали, что не только в низовьях рек, где царили греки, но и в среднем их течении старые доисторические поселения развились в большие укрепленные города, причем сосредоточились они преимущественно там, где позднее были центры Киевской Руси⁴.

М.И. Ростовцев категорически отвергал сложившееся в исторической науке XIX – начале XX вв. мнение о варварстве скифов и сарматов: «Варварами были скифы и сарматы только в том смысле, в каком варварами были для греков и египтяне, и ассирийцы, и Вавилон, и Персия; не варвары, а люди другой, неоднородной с греками культуры»⁵.

Контакты греков и скифов в Северном Причерноморье демонстрируют один из ярких примеров взаимодействия античной цивилизации и варварского окружения на периферии ойкумены. Эти связи не ограничивались взаимовыгодными торговыми отношениями, а способствовали созданию уникальной культуры, вобравшей в себя как греческую, так и иранскую основу. Так, курганные погребения скифской знати дают большое количество предметов роскоши, вооружение, выполненные греческими мастерами, явно на заказ. Анализируя находки из знаменитого кургана Солоха, подлинные шедевры греческого искусства, М.И. Ростовцев отмечал: «Эти чудные вещи дают нам представление о силе и богатстве скифов, об их любви к блеску и красоте, об их понимании высокой силы греческого творчества и, наряду с этим, об их крепкой приверженности к своим обычаям,

своим привычкам, своей религии. Не огречились скифы, а только облагородили греческой культурой свой быт и свои вкусы»⁶.

Эти тенденции тесного взаимовлияния иранских и греческих элементов получили свое развитие и в дальнейшем, что способствовало созданию здесь уникальной культурной среды.

Ослабление скифского государства начинается в IV в. до н. э. и сопровождается усилением в северном Причерноморье ряда держав, превратившихся из вассалов Скифии в сильных соперников – Херсонеса и Боспора. Серьезный удар был нанесен скифам Македонским царством (особенно в период правления Филиппа и Александра). Усиливается и натиск с востока сарматов, которые постепенно сменили скифов в степях юга России. Сарматы не смогли создать такого же централизованного государства как скифы, а остались раздробленными на ряд племен, двигавшихся на запад, где столкнулись с римской державой. Однако им удалось, в отличие от скифов, достаточно глубоко проникнуть в Западную Европу, неся с собой свою культуру, повлияв в определенной степени на формирование нового художественного стиля.

С ослаблением Скифии лидирующее положение в Северном Причерноморье переходит к Боспорской державе. Пантикапей, являясь естественным центром для остановки и перегрузки товаров, шедших из Азовского моря в Черное, занимал очень выгодное географическое положение. В отличие от других греческих колоний здесь устанавливается сильная централизованная власть по форме, не имеющая аналогов в античном мире.

Первоначально в культуре Боспора (особенно среди городского населения) преобладали греческие элементы, но со временем все сильнее начинало сказываться влияние окружающего иранского мира. Проникновение восточных элементов происходило не только в культуре, но и во всем укладе жизни. Постепенно Боспорское царство становилось все больше и больше похоже на своих скифских предшественников. Хотя официальный язык оставался греческим, условия жизни изменились и стали подобны распространенным в соседних полуиранских странах. Надписи, письменные источники и настенная живопись в гробницах римского времени показывают, что Боспорское царство превратилось в своеобразную феодальную монархию. Оно имело армию всадников, вооруженную и организованную подобно войску соседей-сарматов. В нем были обширные поместья, принадлежащие храмам и аристократии, населенные и обрабатываемые местными жителями, прикрепленными к земле. От старой двойственности власти не осталось и следа – укрепился неограниченный абсолютизм. Боспорские цари принимают титул «царя царей», подчеркивающий их связь с иранским миром. Особенно ярко сказывается иранизация на вооружении и костюме боспорцев. Города, основанные здесь когда-то греками, теряют свой прежний облик. Однако и в этот период городское население, несмотря на сильнейшее проникновение иранских и других местных элементов в состав горожан, несмотря на сильную иранизацию всего быта и уклада жизни, по-прежнему считало себя греками и резко выделяло себя из остальной массы населения царства⁷.

Смена скифов сарматами на степных просторах юга России почти не изменила здесь уклада жизни, поменялся только состав господствующего класса, и торговые отношения стали несколько менее безопасными и регулярными. Но такая смена сильной державы слабыми отдельными племенами имела большое историческое

значение. Она открыла доступ в Россию племенам Центральной Европы – кельтам и германцам. Первые только заделали Россию и прошли дальше на Балканский полуостров и в Малую Азию, неся с собой грабеж и разрушения. Но последовавшие за ними германцы, остановленные римлянами на линии Рейна и Дуная, начинают постепенно продвигаться по Днепру, этому старому торговому пути, на юг, занимая одну область за другой. Однако и германские завоеватели не смогли в корне изменить жизнь Приднепровья. Их погребения беднее скифских и сарматских, но и они полны продуктами классического античного ремесла, встречаются здесь и римские монеты, что неудивительно, т. к. германские племена и у себя на родине торговали с римлянами и успели привыкнуть к денежному обмену. Поэтому клады римских монет по великому водному пути из Балтики в Черное море, относящихся к первым векам н. э., вполне обычное явление.

М.И. Ростовцев подчеркивал преемственность в развитии, характерную и для этой эпохи. Германцы унаследовали от предшественников (скифов и сарматов) их торговлю, усилив при этом торговые отношения с севером и северо-востоком и приучив всю Скандинавию и Северную Германию пользоваться Днепровским путем. «Нет никакого основания думать, что германцы разрушили городскую жизнь на Днепре. Для них города нужны были не менее, чем для их предшественников. Наоборот... при них, специально на севере, возникли новые городские центры, новые узлы обмена, к которым может быть относится и Новгород»⁸. Это постепенное на протяжении нескольких веков просачивание германских племен на территорию России объясняет и нашествие готов III в. н. э., когда они дошли до Черного моря и сумели постепенно объединить в одно государство все германские племена в России, а также частью разрушить, частью сделать от себя зависимыми греческие города Черноморского побережья.

Однако германцы не закрепились на этой территории надолго, их больше привлекала Римская империя, обороноспособность которой ослабевала, особенно на дунайских границах. Толчком же для их продвижения на запад стало появление новых завоевателей – гуннов. Их нашествие привело в движение весь варварский мир и вытолкнуло с территории России основную часть германских и иранских племен. За ними через некоторое время последовали и сами гунны. Только местами удержались здесь остатки прежних народов: готы – в Крыму, аланы – на Кубани, гунны – в степях между Волгой и Днестром. «Киевская область осталась без хозяев. Но новые хозяева появились очень скоро. В ближайшем соседстве с германцами на северном склоне Карпат и на Висле издавна жили знакомые уже Птолемию венеты, склавены и анты, несомненно, родоначальники русских и балканских славян. Они входили в одно время в состав Готского государства, но на запад с готами не пошли. Как в свое время германцы, они заняли в V–VI вв. Днепровскую область и проникали все дальше и дальше на юг». Таким образом, на месте германского в южной России сложилось славянское господство, и старые пути мировой торговли оказались в их руках.

Славяне унаследовали от своих предшественников и весь уклад их жизни, заняли, смешавшись с их остатками, и приднепровские города, осели и в северных торговых центрах. В период закрепления на этой территории славянам пришлось столкнуться с серьезной угрозой – нашествием аваров, однако, они сумели отразить ее. Славяне прочно обосновались на Днепре и продвинулись далеко на север и юг. Постепенно (к VII–VIII вв.) вновь укрепились старые торговые пути, вновь

расцвела торговля с арабским востоком, с германским севером, с византийским югом. И эта торговля дала России ее культуру и ее государственность. И то, и другое сложилось в старых городах на Днепре, унаследованных славянами от их иранских и германских предшественников. «История не знает перерывов, нет их и в истории России. Славянская эпоха есть только эпоха в ее истории. Но славянской расе суждено было осуществить то, чего не могли и не хотели сделать их предшественники: навсегда связать себя со страной, ее государственным и культурным развитием»⁹.

Таким образом, важным фактором, определяющим, по мнению М.И. Ростовцева, развитие южнороссийского региона в древности была торговля, которая во многом позволила сохранить преемственность между разными народами, населявшими эти районы. Вторая особенность, которую М.И. Ростовцев неизменно выделял при характеристике развития юга России в древности – это тесное переплетение двух культур – «иранизма и ионизма», взаимовлияние которых создало неповторимый культурный облик этой территории. Именно эти тенденции определяли и особенности становления здесь древнерусского государства, которое неминуемо должно было испытать на себе влияние предшествующей эпохи.

Примечания

- ¹ Ростовцев М.И. Рецензия на труд Е.Н. Minns «Scythians and Greeks» // ЖМНП. 1913. Октябрь–ноябрь. Отд II. С. 177.
- ² Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. М.: Книжная находка, 2002. С. 11.
- ³ Ростовцев М.И. Происхождение Киевской Руси // Современные записки. 1921. № 3. С. 144.
- ⁴ Ростовцев М.И. Происхождение Киевской Руси. С. 146.
- ⁵ Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд. Пг., 1914. С. 9.
- ⁶ Ростовцев М.И. Курган «Солоха» // Ежемесячный журнал. 1914. № 4. С. 76.
- ⁷ Ростовцев М.И. Иранизм и ионизм на юге России // Петербургский археологический вестник. 1993. № 5. С. 19.
- ⁸ Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. С. 21.
- ⁹ Ростовцев М.И. Происхождение Киевской Руси. С. 149.

В.Н. ЕРОХИН

**СОВРЕМЕННАЯ БРИТАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ИДЕЙНЫХ ТЕЧЕНИЯХ
В ЦЕРКВИ АНГЛИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVII ВЕКА**

Изучение религиозной истории Англии первых десятилетий XVII века в современной британской историографии остается объектом внимания значительного числа исследователей. Религиозные проблемы в Англии этого времени были тесно связаны с политической историей страны. Мировоззрение англичан в XVI–XVII веках было таково, что самые разнообразные вопросы общественной жизни осмысливались при значительном влиянии религиозных понятий, образности и символики. В происхождении Английской революции середины XVII века также прослеживается заметное влияние религиозного фактора, что было отмечено уже современниками событий, и продолжает активно обсуждаться ныне работающими историками.

В 1970–80-е годы в изучении английской истории предреволюционных десятилетий заметным явлением стала научная деятельность представителей так называемого ревизионистского направления. В изучении причин гражданской войны и революции ревизионисты стали оспаривать существование долговременных

конституционных и социальных конфликтов в Англии начала XVII века¹. Ставилось под сомнение существование в предреволюционных парламентах сплоченной пуританской оппозиции, оспаривалось и значение пуританизма как прогрессивного идеологического движения в целом, подчеркивалось, что в предреволюционный период сохранились влияние и престиж монархии как наиболее авторитетного политического института в стране. Обострение политического конфликта, которое привело к гражданской войне и революции, объяснялось стечением ряда в принципе случайных по характеру обстоятельств, сложившихся, в первую очередь, из-за неспособности к администрированию и к мирному разрешению конфликтов Карла I Стюарта и правящей элиты, на которую опирался монарх.

Ревизионисты предложили свое понимание того, что происходило в церкви Англии в 1590–1630-х годах. Если ранее представлялось, что в это время развивалось противостояние между церковью Англии и пуританской оппозицией, то ревизионисты обратили больше внимания на то, что среди английских протестантов начала XVII века трудно провести резкие различия во взглядах. Вплоть до времени, когда в 1620-е годы началось заметное возвышение в церкви группировки будущего архиепископа Кентерберийского Уильяма Лода, по мнению ревизионистов, большинство образованных английских протестантов были кальвинистами в богословских взглядах, сторонниками епископальной системы управления, ненавидели папство и были сторонниками того, что в церкви большое место должна занимать проповедь. Пуритане были, в сущности, теми же протестантами, только более рьяными и энергичными. В трактовке ревизионистов, только подъем английского арминианства², происходивший с середины 1620-х годов, вызвал резкий и решительный раскол в среде английских протестантов. Арминианство было вызовом для той кальвинистской по убеждениям уверенности в своем спасении и правоте, которой достигло большинство английских протестантов. Арминианство было агрессивно конформистским, отстаивавшим иерархию, таинства, церемониал, укрепление положения духовенства, и в этих чертах арминианства протестанты могли увидеть признаки попыток возвращения к папизму³. Но при этом ревизионисты считают случайностью то, что Карл I стал возвышать в церкви арминианскую группировку⁴. Конформизм группировки Лода, полагают ревизионисты, был в значительной степени преемственным с той разновидностью конформизма в церкви Англии, который отстаивали еще архиепископы Уитгифт и Бэнкрофт⁵.

Еще современники революционных событий середины XVII века использовали применительно к взглядам представителей лодианской группировки в церкви Англии понятие «арминианство». В 1970–80-е годы историками стали предприниматься усилия к тому, чтобы более глубоко рассмотреть явление, называемое в истории церкви Англии лодианством, арминианством.

Э. Фостер в статье «Роль епископа: карьера Ричарда Нила, 1562–1640» проанализировал деятельность одного из крупнейших представителей лодианской группировки в церкви Англии, за время служения с 1608 года успешного поруководить четырьмя епархиями и поставленного с 1632 года во главе северной Йоркской церковной провинции и введенного вместе с Лодом в Тайный совет при Карле I⁶. Статья Э. Фостера является одним из примеров происходящего переосмысления современными британскими историками значения понятия «арминианство» в жизни церкви Англии накануне гражданской войны. По его мнению,

«так называемое «арминианство» в английском варианте совершенно невозможно отождествить с учением Якоба Арминия, который подверг сомнению идею Жана Кальвина о том, что избранный Богом к спасению человек никогда не упадет от действия благодати и не будет исключен из числа избранных к спасению, что бы он ни делал в своей земной жизни». Проблематика собственно арминианских идей отличается от лодианства. Один из лидеров арминианской группировки Ричард Нил заявлял, что не прочитал и трех строчек из Арминия, так что их, полагает Э. Фостер, следует называть лодианцами. По его мнению, использования понятия «арминианство» в Англии первых десятилетий XVII века применительно к группировке во главе с Лодом и Нилом – «пример неправильного словоупотребления», до сих пор встречающегося в работах британских историков, которые вслед за современниками событий назвали «арминианством» стремление группировки Лода подчеркнуть значение таинств, церемоний, видимой церкви, апостольской преемственности епископов, поддержку ими теории о божественном происхождении права королей на власть, которые внешне напоминали признаки движения церкви Англии обратно к католицизму⁷.

Если более адекватно характеризовать арминианство, то, по мнению Х. Тревор-Роупера, в арминианстве можно выделить три группы, частично накладывавшие друг на друга: нидерландские и другие либеральные кальвинисты, сакраменталисты в церкви Англии, высоко ценившие роль таинств, с которыми близки лодианцы, и евангелические сектанты в Англии (общие баптисты, Джон Гудвин)⁸.

Э. Фостер отмечает, что Нил не был ни талантливым проповедником, ни интеллектуалом и по характеру проявлял в первую очередь способности к администрированию и практической деятельности, он был популярным епископом, стремился к увеличению доходов священников, покровительствовал только представителям лодианской группировки. С 1617 года Даремская епархия, будучи одной из самых богатых епархий в церкви Англии, с вступлением в управление ею Нила стала, по словам Э. Фостера, настоящим центром арминианской партии. Все епископы в церкви стремились продвигать своих ставленников, но Нил был особенно настойчив и успешен в этом, так что Нила и Лода парламент 1628–1629 гг. выделил как лидеров арминианской группировки. По словам пуританина У. Принна, эта группировка была настоящим централизованным правительством. Поначалу лодианцев идентифицировали как группировку, организационным центром которой был епископ Даремский Ричард Нил (the Durham House Group)⁹.

Усиление епископов, считает Э. Фостер, во многих отношениях приносило пользу государственным делам, поскольку стало уделяться больше внимания заботе о бедных, улучшился контроль за финансами, но многие светские лица считали, что епископы стали вести себя высокомерно. Нил хотел, чтобы церковь вернула себе такую же социальную роль, какую она имела до Реформации, но приверженность его группировки тем взглядам, которые в Англии стали называть арминианскими, слишком ярая поддержка королевской прерогативы, по словам Э. Фостера, бросали тень в глазах общественного мнения на все его начинания. Заботу о бедных стали считать чересчур патерналистской, епископов обвиняли в слишком низком происхождении, недостатке внимания к проповеди в церкви, в недостаточной грамотности, в сущности, повторяя обвинения 1520–30-х годов в адрес тогдашних католических епископов. Э. Фостер считает, что группировка Лода действовала в авторитарной манере, используя церковные суды, ограничение

проповеди и лекторств, цензуру. Кульминацией этого процесса, по оценке Э. Фостера, была конвокация 1640 года, когда была предпринята попытка принять 17 «крайне новаторских» церковных канонов¹⁰.

Деятельность арминианской группировки действительно укрепила церковь как институт, но, отмечает Э. Фостер, «ирония истории» состояла в том, что в 1630-е годы, когда церковь имела больше сил и влияния, чем когда-либо ранее в постреформационный период, церковь стала также вызывать еще больше страха и ненависти, и усиление церкви оказалось для общества в Англии уже неприемлемым¹¹.

Заметным вкладом в осмысление религиозно-политической ситуации в Англии в правление Карла I (1625–1649) является работа Дж. Дейвиса «Пленение церкви Карлом. Карл I и новая формулировка англиканства, 1625–1641» (1992). Понимание деятельности Лода, как считает Дж. Дейвис, в среде британских историков остается во многом клишированным: его считали движущей силой всех происходивших при Карле I изменений в церкви, используя при этом не очень, по мнению британского историка, продуманное понятие «лодианство»¹².

Дж. Дейвис предлагает вместо использования понятия «арминианство», применительно к церковной политике архиепископа Кентерберийского, Уильяма Лода введение в оборот альтернативного понятия «каролинианство» и, вспомогательного по отношению к нему, менее важного понятия «лодианство». Использование понятия «лодианство» для описания тех церковных новаций, которые произошли в правление Карла I, ранее всегда создавало впечатление, что у этих новшеств был лишь внутрицерковный источник. Дж. Дейвис считает, что религиозная политика Лода в конечном счете опиралась на волю Карла I¹³.

Каролинианство, как пишет Дж. Дейвис, представляло собой «политику Карла I по реализации сугубо личного понятия о священном достоинстве королевской власти с использованием своей прерогативы как Верховного правителя церкви». Хотя королевское верховенство в церкви никем из протестантов не ставилось под сомнение, новшества в церковной сфере времен правления Карла I стали восприниматься как угроза существовавшему церковно-политическому строю. Дж. Дейвис исходит из предпосылки, что появление той оппозиции, которая противостояла режиму Стюартов в 1630–40-е годы, может быть объяснено действием идеологических факторов и не отрицает значения либерального истолкования происхождения гражданской войны в Англии. Он также считает, что не следует, как это делают ревизионисты, применительно к XVII веку рассматривать отдельно вопросы религии и политики и при этом полагает, что религиозно-политическая дихотомия не может быть приравнена к оппозиции духовного и светского в общественной жизни. Дж. Дейвис, полемизируя с ревизионистами, считает, что крупнейшая конституционная проблема в отношениях между короной и оппозицией в 1630-е годы не была просто лишь функциональной проблемой управления, и выдвигает мнение, что идеологические споры и конфликты по конституционным вопросам тоже развернулись из-за каролинианства¹⁴.

Карла I называют сторонником и покровителем арминианства, но, как обращали внимание историки, он вообще не формулировал в явном виде свои взгляды, кроме того, что придерживался доктрины о божественном праве монархов на власть, порицал кальвинистские идеи о праве на сопротивление властям, стремился не разжигать религиозные споры. Если взгляды Карла I как-то подда-

ются определению, то их лучше назвать «анти-догматическим антифидеистским эрастианством»¹⁵.

Предполагают, что на формирование религиозных взглядов Карла I исходно оказал наибольшее влияние служивший в королевской часовне при Якове I Ланселот Эндрюс – известный церковный деятель рубежа XVI–XVII веков, возведенный в итоге в сан епископа. Лод же в своей церковной политике, став архиепископом Кентерберийским, утверждает что Дж. Дейвис, даже не следовал в полной мере указаниям Карла I¹⁶.

Среди современных историков не исчезло еще мнение о деятельности Лода как об арминианском заговоре, но это толкование действий Лода в свое время насаждал пуританин Уильям Принн и оно, как считает Дж. Дейвис, тенденциозно. Дж. Дейвис полагает, что для объяснения лодианства не надо привлекать арминианство – это отдельное явление, и, по его мнению, в 1630-е годы не было никакого подъема арминианства в том смысле, как об этом писал Н. Тайэк¹⁷. Как считает Дж. Дейвис, в 1620–30-е годы в Англии не было духовных лиц, которых можно было бы подвести под определение арминианства, и отстаивает мнение, что термин «арминианство» не следует применять к лодианской группировке, усилившейся в церкви Англии после 1625 года, так как взгляды ее представителей, если определять их точнее, находились в спектре от умеренного кальвинизма до антикальвинизма. Но антикальвинизм Лода проявился, как отмечает Дж. Дейвис, в сущности, только в нежелании обсуждать вопрос о предопределении и был умеренным¹⁸.

Несмотря на запреты короля обсуждать вопрос о предопределении в 1630-е годы, многие священники сохраняли крайние кальвинистские убеждения, придерживались учения о двойном предопределении. Сдерживая кальвинистов в эти годы, церковь Англии при Карле I также невольно питала арминианство – сторонников учения о свободе воли, но это, считает Дж. Дейвис, получилось ненамеренно. Арминианство не было причиной антикальвинизма в 1630-е годы, но его развитие стало одним из следствий сложившейся ситуации¹⁹.

Карл I Стюарт правил в неблагоприятный для европейского протестантизма период Тридцатилетней войны, и на этом фоне некоторые тенденции в церковной политике его правления – введение новых церемоний, усиление значения церкви как общественного института, утверждение власти епископов и самостоятельности духовенства, известные факты обращения в католицизм, довольно терпимое отношение к католикам-рекузантам (демонстративно отказывавшимся посещать службы в церкви Англии) – создавали впечатление, что король и епископы задумали то ли вернуть страну в католицизм, то ли учредить какое-то свое английское подобие папизма. Дж. Дейвис приходит к выводу, что своей политикой Карл I фундаментальным образом изменил характер англиканства с фатальными последствиями для себя и для страны. Англиканская церковь после реставрации восстановилась в менее терпимом виде по отношению к неконформистам по сравнению со временем до 1625 года.

В 1630-е годы в церковной политике Англии, по мнению Дж. Дейвиса, слились два фактора, отличных друг от друга, и в то же время начавших соприкасаться и даже сливаться друг с другом. Один фактор был более длительного действия и происхождения и представлял собой рекатолизацию церкви Англии с учетом влияния патристики, исторической традиции, в результате чего церковь Англии

стала видеть себя в более широком контексте и выдвинула на первый план литургию, церковную дисциплину, в меньшей степени уделяя внимание проповеди. Второй фактор отражал решимость Карла I навязать свой взгляд на королевское служение как своего рода таинство, божественное по происхождению, сформировать для церкви новую идентичность, которую Дж. Дейвис называет «англо-католической». Эти две тенденции и можно обозначить понятиями «лодианство» и «каролинианство», и даже более точным, по его мнению, было бы назвать все новации 1630-х годов «каролинианством», так как роль короля была инициативной, и определял церковную политику именно монарх, причем доктрина сама по себе для него была безразлична.

Э. Милтон считает необходимым изучение споров о природе церкви Англии в предреволюционные десятилетия и тех политических следствий, которые проистекали из этих внутрицерковных споров. В предреволюционный период в церкви Англии, как считает Э. Милтон, идеологическая и доктринальная идентичность церкви еще не прояснилась окончательно, поскольку разные группы в церкви спорили о том, как можно считать церковь Англии одновременно и католической, всеобъемлющей, и протестантской, реформированной. Он обращает внимание на то, что огромный массив религиозной литературы, опубликованной в Англии в 1600–1640 годах, остается еще не изученным, а споры между историками ведутся на основе анализа сравнительно небольшого числа религиозных текстов. В первые десятилетия XVII века современники-англичане отнюдь не рассматривали ситуацию в церкви как дуалистически упрощенную борьбу лишь двух группировок и обращали внимание на существование различных мнений в религиозной сфере. Исследователи выявили, что, например, венецианский посол Фоскарини в 1616 году в своем донесении сообщал, что в Англии существуют 12 различных религиозных партий – три партии католиков, три индифферентных в вопросах веры, четыре группировки по-своему поддерживали ту форму веры, которую исповедовал монарх, и он выделял также две пуританские партии. Э. Милтон в связи с этим заявляет, что жестко дуалистический взгляд большинства современных историков на религиозную ситуацию в раннестюартовский период с выделением противостояния англиканской и пуританской группировки или арминианской и кальвинистской группировки упрощает и обедняет тот широкий спектр религиозных мнений, который существовал в Англии накануне гражданской войны²⁰.

Э. Милтон отмечает, что пока не существует удовлетворительного термина для того, чтобы охарактеризовать взгляды таких видных представителей конформистской богословской мысли в церкви Англии, как Ричард Хукер и Ланселот Эндрюс, которые повлияли на формирование мировоззрения Лода. П. Лейк предлагает использовать для определения их взглядов термин «авангардистский конформизм», чтобы отличить Хукера и Эндрюса от других конформистов того времени, которые не придавали такого большого значения церемониям в жизни церкви, при этом обращая внимание на то, что о взглядах «авангардистских конформистов» с одобрением отзывались католики²¹. Проблема состоит еще и в том, считает Э. Милтон, что термин «англиканский» применительно к началу XVII века не передает всей специфики существовавших в это время религиозных взглядов, поскольку этот термин стал входить в употребление позднее. Он относит к важнейшим религиозным группам в церкви Англии в начале XVII века

авангардистских конформистов, кальвинистов-конформистов, умеренных и радикальных пуритан²².

Континентальный кальвинизм во второй половине XVI века эволюционировал в направлении утверждения в нем жесткого варианта учения о предопределении (супралапсаризм), представленного во взглядах преемника Кальвина в Женеве Теодора Безы (1519–1605). Многие английские кальвинисты отходили от супралапсаризма Безы, который называют еще «высоким кальвинизмом». В Англии радикальные сторонники крайнего кальвинизма потеряли свои позиции с разгромом пресвитерианского и сепаратистского движения в конце 1580-х – начале 1590-х годов. Как считает Э. Милтон, пик английского высокого кальвинизма был достигнут в 1590-е годы, а затем в английском кальвинизме начался отход в сторону волюнтаристского акцента в толковании спасения, представленный наиболее ярко У. Перкинсом с подчеркиванием значения человеческих усилий, добрых дел в теологии ковенанта. Такие волюнтаристские акценты во взглядах, тем не менее, обычно сочетались с прочной приверженностью кальвинистскому пониманию предопределения и ортодоксально кальвинистским пяти пунктам Дордрехтского (Дортского) синода 1618–1619 гг. От супралапсаризма Безы в первые десятилетия XVII века отошел целый ряд умеренных английских кальвинистов из числа сторонников епископальной системы управления церковью.

Высокий кальвинизм, ослабевая в Англии, усиливался на континенте. Согласно идеям высокого кальвинизма, получалось, что количество осужденных намного превосходит количество избранных к спасению. Споры о предопределении во многом стимулировали ремонтранты – сторонники идей Якоба Арминия, которые были осуждены на Дортском синоде как проповедовавшие учение о свободе воли. Часть англиканских богословов занимала примирительную позицию по отношению к ремонтрантам, чтобы не провоцировать расколы в кальвинизме.

На Дортском синоде, как показали историки, делегаты-англичане в соответствии с королевскими инструкциями и своими убеждениями стремились к тому, чтобы ремонтранты были осуждены. Но британские делегаты на заседаниях синода хотели осудить крайние кальвинистские положения, дававшие повод к антиномизму – утверждениям, что избранные к спасению могут совершать даже преступления, но при этом не будут осуждены Богом, поскольку предопределены к спасению. Кальвинистское учение о предопределении подрывало и таинства. На заседаниях Дортского синода представители церкви Англии предложили доктрину, ставшую известной как гипотетический универсализм, утверждая, что в определенном смысле слова Христос умер за всех, а не только за избранных, в результате чего последовал конфликт со сторонниками высокого кальвинизма. Хотя британские делегаты не согласились на то, чтобы назвать каноны, принятые Дортским синодом, доктриной реформатских церквей, они считали, что каноны не противоречат учению, которого придерживалась церковь Англии, и поставили свои подписи под канонами²³. Дортские каноны так и не были ратифицированы в Англии, хотя с их содержанием согласились и английские сепаратисты – идейные предшественники индипендентов и конгрегационалистов и многие духовные лица в церкви Англии, но Лод и его сторонники осуждали Дортский синод и утвержденную им доктрину о предопределении²⁴.

Лод исходил из того, что церковь Англии должна быть самостоятельной по отношению к континентальным реформированным церквам и к кальвинизму.

Среди англиканских богословов нарастало стремление к утверждению собственной идентичности без отождествления себя с каким-то другим направлением в Реформации, что наиболее ярко отразила группировка Лода. Представители группы Лода не поддерживали анти-арминианство, в чем проявлялся их отход от континентального кальвинизма. Обе группы в охватившем континентальный кальвинизм споре – и арминиане-ремонтранты, и противники ремонтрантов (гомаристы²⁵) – были противниками епископального строя управления в церкви, так что группировке Лода не нравились и те, и другие. С точки зрения лодианцев, арминиане, к тому же, слишком уж рьяно выступали за политику веротерпимости²⁶.

В церкви Англии с начала XVII века появились притязания на то, что она является лучшей среди всех протестантских церквей по уровню образованности духовенства. В отношении же иностранных реформированных церквей говорилось о низких доходах священников, их слабой образованности, что не давало им необходимой степени влияния и возможности бороться с различными сектами. Карл I заявлял, что Реформация церкви Англии происходила самостоятельно и не имеет отношения к Реформации какой-либо другой церкви²⁷.

Во взаимоотношениях с континентальными протестантами у англичан с начала XVII века также стали проявляться соперничество и ксенофобия, например, отношения с голландцами были напряженными в течение всего правления Стюартов. Даже пуритане признавали недостатки в голландском характере, и восхищение их сопротивлением испанцам сочеталось с критикой дерзости и жадности голландцев. Лодианцы были против того, чтобы вмешиваться в европейские дела на стороне протестантов, и считали, что интересы внешней политики страны должны определять, с кем из зарубежных протестантов можно поддерживать контакты. Лод считал существование эмигрантских протестантских церквей в Англии фактором, поддерживавшим сохранение пуритан в стране²⁸.

Так, для церкви Англии, считает Э. Милтон, «умерло единое протестантское дело». Становление англиканской церкви состояло в том, чтобы отойти от ранней реформационной идентичности и занять свое собственное место. При этом лодианцы трактовали «средний путь» церкви Англии как идею о том, что она не принадлежала ни к одной из борющихся в Реформации партий. Идентичность англиканской церкви и будущая *via media* были возможны только при разрыве с континентальным кальвинизмом. Корни лодианства Э. Милтон находит в сочинениях Ричарда Хукера²⁹.

Э. Милтон считает, что в 1620–30-е годы в жизни церкви Англии не только появилась лодианская группировка как новообразование – в это время претерпели трансформацию все основные группы в церкви Англии. Церковь времен правления Якова I в определенном смысле основывалась на существовании согласия между кальвинистами конформистского толка, которые были сторонниками епископальной системы управления церковью и умеренными пуританами, но при этом стал развиваться процесс расхождения во взглядах между этими двумя группами. Э. Милтон придерживается мнения, что в церкви Англии увеличивалось количество тех, кто готов был примириться с лодианскими доктринами. Для кальвинистов во взглядах группировки Лода многое было отталкивающим, но в то же время все более почтительное отношение к церковному зданию, таинствам, к духовным лицам не было враждебно даже взглядам кальвинистов. На этом фоне становились лучше видны непримиримые пуритане, у которых активизировался

интерес к теологии ковенанта³⁰, появились радикальные милленаристские тенденции, что тревожило умеренных кальвинистов³¹.

Лодианцы стремились порвать с умеренной пуританской традицией в церкви, сложившейся в елизаветинские времена, и сделать церковь Англии более однородной, при этом пытаясь перетянуть на свою сторону кальвинистов-конформистов, исключив при этом из церкви пуритан, что сопровождалось нежеланием высказывать почтение по отношению к утвердившимся в реформатских церквях принципам. К лодианцам не случайно потянулись, как отмечает Э. Милтон, рекузанты, церковные паписты, что породило в предреволюционной Англии страх папистского заговора. Хотя массовое сознание не разбиралось в богословских тонкостях, недостаточно почтительные отзывы о Кальвине и Безе в устах лодианцев настораживали.

После появления лодианства, как считает Э. Милтон, уже нельзя было создать единую церковь Англии, поскольку оно «выявило те внутренние трения и двусмысленности в церкви, которая в своем развитии уходила от синтеза, достигнутого в церкви Англии в правление Елизаветы». Лодианство не исчезло и после устранения самого Лода: кальвинисты-конформисты и умеренные пуритане уже не смогли объединить церковь, и пути развития существовавших ранее в церкви групп разошлись. Как предполагает Э. Милтон, если бы лодианство могло действовать в церкви Англии еще с десятков лет, был бы шанс маргинализировать пуритан, все кальвинисты-конформисты могли принять сторону лодианцев, но этого не случилось: крушение правительства Карла I оставило церковь в состоянии, когда она была только наполовину «лодианизирована». Радикализировавшийся пуританизм нанес удар по епископальной церковной организации, так что реальным результатом деятельности лодианской группировки был, прежде всего, серьезный церковный раскол и обострение ситуации в стране. По мнению Э. Милтона, само по себе это не породило гражданскую войну – «причины войны появились под влиянием кумулятивного действия различных факторов и сил, но лодианцы фатально разделили страну в религиозном отношении, и это случилось в тот период, когда ослабление центральной власти вынудило участников конфликта прибегнуть к религиозному объяснению разворачивавшегося конфликта». Религия уже не могла сыграть в этот период объединяющую роль – в течение всей оставшейся части XVII века религиозные вопросы только разъединяли англичан³².

Появились также еще некоторые исследования, которые способствуют уточнению представлений о том, как можно квалифицировать идейные течения, существовавшие в церкви Англии в предреволюционные десятилетия XVII века. Работа П. Уайта «Предопределение, политика и полемика: конфликт и согласие в церкви Англии от Реформации до гражданской войны» (1992)³³ представляет пример своеобразного подхода к пониманию доктрины церкви Англии. Используя приверженность учению о предопределении как показатель принадлежности к кальвинизму среди духовных лиц в англиканской церкви, П. Уайт утверждает, что церковь Англии по своей литургии и доктрине никогда не была кальвинистской церковью. Кальвинизм, как отмечает П. Уайт, занял важное место в церкви Англии и в английском богословии только к 1590-м годам, но и после этого кальвинизм был только одной из школ в английском богословии, а не господствующей школой. П. Уайт считает, что архиепископ Кентерберийский Джордж Эббот (1610–1633) не олицетворял кальвинистского характера церкви Англии

и не разделял взгляды Якова I. Проблема в изучении истории церкви Англии этого периода состоит в том, считает П. Уайт, что интерпретация событий этого времени сформировалась под влиянием оценок, данных происходящему участникам событий, и эти оценки некритично восприняли последующие историки. Представление о том, что в церкви Англии существовало согласие на кальвинистской основе, которому бросило вызов арминианство, угрожавшее сползанием к католицизму, насаждал Уильям Принн. Подобным же образом идея о революции как восстании, подготовленном пуританами, коренится в сочинениях Питера Хейлина, биографа Уильяма Лода. П. Уайт считает, что любые попытки понять то, что происходило в предреволюционной Англии через призму противостояния арминианства и кальвинизма, неадекватны.

П. Уайт анализирует также представления о предопределении в трудах Теодора Безы и ответ Безе, данный Арминием. Анализ, проделанный П. Уайтом, показывает то, что англичане в XVII веке называли арминианством, не имеет отношения к трудам и идеям Арминия. В англиканской церкви утвердилось мнение о предопределении, согласно которому предопределение зависит от воли человека и его отклика на призыв Бога, и на основе этого были составлены некоторые молитвы в англиканском молитвеннике, но такой подход, согласно которому решение Бога о человеческой судьбе зависит от того, откликнется ли человек на призыв Бога, вызывал возражения в среде английских кальвинистов. П. Уайт считает, что в англиканской теологии существовало много течений, и в ее изучении не следует упрощать ситуацию. П. Уайт анализирует Ламбетские статьи 1595 года, Дортский синод (1618–1619) и утверждает, что Ламбетские статьи не были выражением триумфа кальвинизма в церкви Англии при Елизавете (это было мнение Уильяма Принна), а были попыткой сохранить мир в церкви путем запрета споров и проповедей на такие спорные темы, как предопределение. Чрезмерным упрощением, считает П. Уайт, было бы также утверждение, что англичане приняли статьи Дортского синода и признали их как доктринальную основу церкви Англии.

В то же время, как считает М. Тодд³⁴, в изучении истории церкви Англии может иметь меньшее значение обсуждение вопроса о том, существовала ли в 1630-е годы в церкви Англии арминианская группировка, пытавшаяся подорвать кальвинистскую ортодоксию в церкви, чем существование у современников веры в то, что такая группировка действительно существовала. Если противники Лода были убеждены, что внедрением церемониальности в церковную жизнь Лод хочет разрушить протестантскую церковь в Англии, и смогли внедрить такое понимание происходившего в сознание других людей, утрачивало значение то, что на самом деле собирался сделать Лод, то есть воображаемые понятия могли определять действия тех, кто жил в это время.

Современные историки, как пишет М. Тодд, могут и не видеть в 1630-е годы существования сплоченной арминианской группировки, но ее видели кальвинисты в Кембриджском университете, обращая внимание, что в университете участились случаи антикальвинистских выступлений. Она также выявила, что кальвинисты-антиарминиане составляли в Кембридже чуть менее половины глав колледжей, что не давало им возможности решительно осудить выступления антикальвинистов. Вместе с тем, по ее мнению, в Кембридже существовала и арминианская группа. Следовательно, как считает М. Тодд, в 1630-е годы в церкви Англии все же можно выявить существование противостоявших друг другу групп, называть ли их

кальвинистами и арминиянами, пуританами и «церемониалистами», контра-ремонтантами и ремонтантами, и эта характеристика явно точнее отражает положение в церкви, чем рассуждения о существовании кальвинистского «богословского консенсуса», «практической терпимости», о которых писали Н. Тайэк и П. Лейк³⁵. Неудивительно, что Долгий парламент в качестве одной из первых мер принял решение о создании комиссии по расследованию религиозных злоупотреблений в университетах. Поэтому для М. Тодд ясны причины гражданской войны в Англии: противостоявшие в церкви в 1630-е годы группировки стали в 1640-е годы пуританами и роялистами.

В целом в современной британской историографии в изучении религиозной истории Англии предреволюционных десятилетий XVII века продолжается аналитическая работа, способствующая переосмыслению того, что было сделано ранее, и следует признать, что в 1970–2000-е годы представления о религиозно-политической ситуации в стране накануне революции середины XVII века заметно углубились.

Примечания

¹ *Russell C.S.R.* (Ed). *The Origins of the English Civil War*. London, 1973; *Russell C.S.R.* *Parliaments and English Politics 1621–1629*. Oxford, 1979; *Russell C.* *The Causes of the English Civil War*. Oxford, 1990; *Morrill J.S.* *The Revolt of the Provinces*. London, 1976; *Sharpe K.* Introduction: *Parliamentary History 1603–29: in or out of Perspective?* // *Sharpe K.* (Ed.). *Faction and Parliament*. Oxford, 1973. P. 1–42; *Kishlansky M.* *The Emergence of Adversary Politics in the Long Parliament* // *Journal of Modern History*. 1977. № 49. P. 617–640; *Kishlansky M.* *Parliamentary Selection*. London, 1986; *Kenyon J.P.* *The Stuart Constitution 1603–88*. London, 1986; *Tyacke N.* *Anti-Calvinists. The Rise of English Arminianism c. 1590–1640*. Oxford, 1987; *Tyacke N.* *Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution* // *Russell C.S.R.* (Ed). *The Origins of the English Civil War*. London, 1973. P. 119–143; *Morrill J.S.* *The Religious Context of the English Civil War* // *TRHS 5th Series*. 1984. № 34. P. 155–178; *Morrill J.S.* *The Attack of the Church of England in the Long Parliament, 1640–1642* // *Beales D., Best G.* (Eds.). *History, Society and the Churches*. London, 1985. P. 105–124.

² Арминиянство – учение нидерландского кальвинистского богослова Якоба Арминия (1560–1609), профессора Лейденского университета (с 1603 года), выступившего против ортодоксального кальвинизма с отрицанием тезиса о предопределении еще до сотворения мира избранных к спасению как не совместимый с идеей Божественной любви и справедливости. По учению Арминия, человек обладает свободой воли, что ставит спасение человека в зависимость от его поведения.

³ *Tyacke N.R.N.* *Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution* // *Russell C.* (Ed.). *Origins of the English Civil War*. London, 1973. P. 119–143.

⁴ *Hirst D.* *Authority and Conflict: England 1603–1658*. London, 1986. P. 77.

⁵ *Sharpe K.* *Archbishop Laud* // *History Today*. 1983. № 33. P. 26–30; *Sharpe K.* *Archbishop Laud and the University of Oxford* // *Lloyd-Jones et al H.* (Eds.). *History and Imagination*. London, 1981. P. 146–164; *White P.* *The Rise of Arminianism Reconsidered* // *Past & Present*. 1983. № 101. P. 35–54.

⁶ *Foster A.* *The Function of a Bishop: the Career of Richard Neile, 1562–1640* // *O’Day R., Heal F.* (Eds.). *Continuity and Change. Personnel and Administration of the Church in England, 1500–1642*. Leicester, 1976. P. 33–54.

⁷ *Continuity and Change. Personnel and Administration of the Church in England, 1500–1642*. Leicester University Press, 1976. P. 54.

⁸ *Trevor-Roper H.* *From Counter-Reformation to Glorious Revolution*. Chicago, 1992.

⁹ *Foster A.* *The Function of a Bishop: the Career of Richard Neile, 1562–1640* // *O’Day R., Heal F.* (Eds.). *Continuity and Change*. Leicester, 1976. P. 41–46; *Raymer V.E.* *Durham House and the Emergence of Laudian Piety*. Harvard University PhD, 1981.

¹⁰ *Continuity and Change. Personnel and Administration of the Church in England, 1500–1642*. Leicester University Press, 1976. P. 52.

¹¹ *Ibid.* P. 53.

- ¹² *Davies J.* The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625–1641. Oxford, 1992. P. 49.
- ¹³ *Ibid.* P. 1–2.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 2.
- ¹⁵ *Sharpe K.* The Personal Rule of Charles I // Tomlinson H. (Ed.). Before the English Civil War. P. 58–63; *Reeve I.J.* Charles I and the Road to Personal Rule. London, 1989.
- ¹⁶ *Andrewes L.* Sermons. Oxford, 1841–1853. Vol. I–V; *Davies J.* The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625–1641. Oxford, 1992. P. 19, 26.
- ¹⁷ *Tyacke N.* Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution // Russell C. (Ed.). The Origins of the English Civil War. London, 1973; *Tyacke N.* Anti-Calvinists. The Rise of English Arminianism c. 1590–1640. Oxford, 1987; *Tyacke N.* The Fortunes of English Puritanism, 1603–1640. London, 1990.
- ¹⁸ *Davies J.* The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625–1641. Oxford, 1992. P. 93–95, 105, 117.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 122–125.
- ²⁰ *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995. P. 5–7; *Higham F.M.G.* Catholic and Reformed. A Study of the Anglican Church, 1559–1662. London, 1962. P. 56–57.
- ²¹ *Lake P.* Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. London, 1988. Ch. 4; *Lake P.* Lancelot Andrewes, John Buckeridge and Avant-garde Conformity at the Court of James I // Levy Peck L. (Ed.). The Mental World of the Jacobean Court. Cambridge, 1991.
- ²² *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995. P. 7, 26.
- ²³ *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995. P. 394–395, 412–415, 418.
- ²⁴ *Patterson W.B.* The Synod of Dort and the Early Stuart Church // Armentrout D.S. (Ed.). This Sacred History. Cambridge (Mass.), 1990; *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995. P. 420–421, 429.
- ²⁵ Гомаристы – последователи Франциска Гомара (1563–1641), ортодоксального нидерландского кальвиниста, осуждавшего идеи Арминия.
- ²⁶ *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995. P. 432–438.
- ²⁷ *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995. P. 496–502; *Lake P.* The Laudians and the Argument from Authority // Kunze, B.Y. Brantigan, D. (Eds.). Court, Country and Culture. Rochester, 1992.
- ²⁸ *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995. P. 503–515; *Grell O.P.* A Friendship Turned Sour: Puritans and Dutch Calvinists in East Anglia, 1603–1660 // Leedham-Green E.S. (Ed.). Religious Dissent in East Anglia. Cambridge Antiquarian Society, 1991; *Hoyle D.M.* Near Popery Yet No Popery. Theological Debate in Cambridge, 1590–1644. Cambridge University PhD, 1991.
- ²⁹ *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995. P. 527, 531; *White P.* The Via Media of the Early Stuart Church // Fincham, K. (Ed.). The Early Stuart Church. London, 1993.
- ³⁰ Теология ковенанта – богословская идея, характерная для взглядов пуритан. Согласно ей, Бог заключает с теми, кого избрал к спасению, своеобразный договор, по условиям которого избранные к спасению обещают не отступать от исполнения воли Бога, а Бог поддерживает их в земной жизни.
- ³¹ *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995. – P. 534.
- ³² *Ibid.* P. 546.
- ³³ *White P.* Predestination, Policy and Polemic: Conflict and Consensus in the English Church from the Reformation to the Civil War. Cambridge, 1992.
- ³⁴ *Todd M.* «All One with Tom Thumb»: Arminianism, Popery and the Story of the Reformation in Early Stuart Cambridge // Church History. 1995. Vol. 64. № 4.
- ³⁵ *Tyacke N.* Anti-Calvinists. Oxford, 1987; *Lake P.* Calvinism and the English Church 1570–1635 // Past & Present. 1987. № 114. P. 32–76.

**ИЗ ИСТОРИИ ТРАКТОВКИ ТЕРМИНА «ПАНСЛАВИЗМ»
В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ XIX ВЕКА**

В западной и российской историографии нет однозначного определения термина «панславизм», а также истории его оформления¹.

До недавнего времени в советской историографии избегали даже употребления терминов «национализм» и «панславизм», трудно было представить научное обоснование «терминов-изгоев». Они в основном использовались политологами и критиками буржуазной идеологии. Разработка националистического дискурса шла независимо в зарубежной науке. На сегодняшний день это привело к тому, что современному российскому ученому при анализе межславянских контактов прошлых веков приходится преодолевать порой противоположные оценочные оттенки одних и тех же понятий, используемых дореволюционной отечественной славистикой, в трудах славистов периода «социалистического лагеря», зарубежных исследованиях.

В советской историографии существовало достаточно большое количество исследований, посвященных изучению различных объединительных славянских движений². Как отмечал видный отечественный славист В.А. Дьяков, различные толкования идеи славянской взаимности отражались в развитии научного славяноведения. «Развитие славяноведения как науки, – писал он в середине 1970-х гг., – теснейшим образом связано со сменяющимися друг друга трансформациями идеи славянской солидарности, а эти последние определяются изменениями в социально-политической обстановке каждой данной страны, отчасти сменой ситуаций в международных отношениях»³.

Межвоенная чехословацкая историография сохраняла традиции изучения славянской идеологии, заложенные в работах Т.Г. Масарика⁴, И. Ирасека⁵, Й. Шкультеты⁶, в духе концепции чехословацкого национального единства. В этих трудах, которые можно оценить как исследования «критического славянства», излагался основной фактический материал по истории русского панславизма и истории русско-чешско-словацких взаимоотношений. При этом исследования были политически актуализированы: история Чехии и Словакии рассматривалась как часть общего исторического процесса в духе идей Великой французской революции; отрицалось какое-либо противопоставление славянского и немецкого миров, что было характерно для русской историографии.

Марксистская историография после 1945 г. как чешская, так и словацкая, главное внимание уделяла пролетарской традиции; в истории развития идеи славянской взаимности рассматривались те концепции, которые отвечали государственной идеологии. Русофильство чехов и словаков оценивалось как один из истоков чехословацко-советской дружбы. Словацкий сепаратизм, как и австрославизм, чаще всего подвергались критике. Заданная идеологизация в изучении славянской истории внесла много условностей в терминологический аппарат исследований.

В 1960-е гг. в ЧССР прошло несколько крупных международных конференций, посвященных проблемам славянской идеологии и ее роли в национальных движениях народов Габсбургской монархии. В работах Й. Колейки⁷, В. Штястного⁸, М. Шестака, Ф. Вольмана⁹, В. Жачека¹⁰, в коллективном труде «Слованстве

(Slovanství) в национальной жизни чехов и словаков» (1968) были подняты вопросы о социальной мотивации славянских идей, их вторичности по сравнению с национальными идеями. Исследователи предпочитали не употреблять термины «идея славянской взаимности» и «панславизм», используя термин «slovanství», принятый в чешской идеологии еще с 1930-х годов. Этот емкий термин включал в себя всю совокупность исторически изменяющихся представлений о славянской общности. В дискуссиях 1960-х гг. под ним подразумевали не только славянскую идеологию, но и политические акции, общественные движения, ориентированные на различные формы как регионального, так и общеславянского союза. С этого времени в марксистской историографии было принято позитивно обозначать идею славянской взаимности и подчеркивать реакционный характер панславизма. Таким образом, термины приобрели антонимистический характер. Эта установка окончательно внесла терминологическую путаницу в славистические исследования, авторы которых не могли не брать во внимание уже устоявшиеся в славистике XIX – начала XX вв. понятия разновидностей концепций славянской общности и панславизма, чаще всего используемые как обозначения одних и тех же явлений.

«Методологические искания» чехословацкой историографии принесли заметные результаты и во многом облегчили поиск единой платформы для авторов, работающих в этой области. Важным этапом для ученых, занимающихся историей западного славянства стало появление методологических работ чешского ученого Ф. Вольмана. Под термином «славянская взаимность» он подразумевал межславянскую культурную и литературную деятельность в духе концепции Коллара. В термин «славизм» включалось все, что в славянстве становилось движением, концепцией, идеологией и программой (например, барокковый, просветительский славизм). Со «славянской идеей» связывались «все проявления славянской общности, от простого подсознательного чувства до сознания проявления единства, солидарности и сотрудничества»¹¹.

До настоящего времени термин «панславизм» порой имеет различные оценки. Термин «славянская взаимность» часто идентифицируют с понятием «панславизм» или рассматривают его как составную часть этого понятия. Этот термин широко вошел в историческую лексику после публикации в Австрийской империи в начале 1820-х гг. поэмы Яна Коллара «Дочь Славы». В этот период возникает первая форма панславистских представлений, созданная в публицистике того времени.

Во времена канцлера Меттерниха (1773–1859) укрепилось мнение, что панславистские настроения ведут к дестабилизации монархии. При этом мадьяризм расценивался канцлером как регулятор панславизма. В то время венгерская и немецкая публицистика понимали под термином «панславизм» любое сознательное национальное проявление славян. Из венгерских школ выгоняли студентов, читающих словацкие стихи или говоривших на родном языке. Панславистом объявлялся студент, который пытался записать своим родным языком словацкий; панславистом считался словацкий интеллигент, читавший словацкую литературу и носивший вышитую рубашку. Так, в конкретных ситуациях и в конкретное время в сознании народа панславизм соединялся с национальным самосознанием.

В 1830–1840-е годы в связи с появлением работ П. Шафарика, Й. Юнгманна и трактата Я. Коллара о славянской взаимности инициатива формирования пансла-

вистских представлений переходит к представителям славянских национальных движений Австрийской империи.

В последней трети XIX в. возникает третья форма интерпретации панславизма – русский или имперский панславизм, появление которой связано с изданием книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» в 1871 году.

Особое место в историографии занимает вопрос о соотношении славянофильства и панславизма в российской общественной мысли. Этот вопрос бурно обсуждался в российском и западном обществе после издания книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» в 1871 г. (впервые сочинение увидело свет в журнальной публикации в 1869 г.). В Австро-Венгрии она была переведена на словацкий язык С. Гурбан-Ваянским. Впоследствии эта книга в течение трех десятилетий неоднократно переиздавалась. Теория культурно-исторических типов Данилевского была прямо противоположна славянофильской доктрине об исторических народах, отбрасывала мысль о единстве мировой культуры. Можно согласиться с мнением русского историка-эмигранта А.А. Кизеветтера, который полагал ошибочным отнесение идей Данилевского к эталону славянофильства 1870-х годов¹².

Н.Я. Данилевский выделил Россию вместе с остальным славянством в единую культурно-историческую группу. При этом он был противником захватного поглощения славянства Россией. Данилевский утверждал, что хотя для полноты жизненного развития культурно-исторического типа народы, его составляющие, должны находиться во взаимном политическом контакте, но слияние в одно государство, в единое политическое тело прямо повредило бы общему интересу всей культурно-исторической группы¹³. Предпочтительнее их раздельное политическое существование при наличии тесного контакта между самостоятельными государствами, родственными по основным началам культуры. Эти общие положения Данилевский затем конкретизирует специально применительно к русско-славянским отношениям. Он утверждал: «Цивилизация, свойственная культурному типу, только тогда достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразные этнографические элементы, ее составляющие, не поглощены одним политическим целым... Для величия и культурного значения семьи славянских народов... нужно не поглощение славян Россией, а объединение всех славянских народов общою идеею Всеславянства как в политическом, так и в культурном отношении»¹⁴. Политической формой такого единения первоначально должен стать тесный союз славянских народов, в котором России по ее обширности и многочисленности будет принадлежать первое место, но это первенство отнюдь не должно носить характера подавления самостоятельности других членов союза. Это будет положение *primus inter pares*. Тесный характер такого союза будет определяться положением славянства лицом к лицу с враждебным ему Западом.

Представленное Данилевским направление русской общественной мысли было далеко от подмены панславизма панрусизмом, от требования растворения самостоятельности славянских племен в «единовластительстве» России над всем миром славянства. Вся выдвинутая Данилевским концепция и в общей своей теоретической основе, и в практических очертаниях представляла собой нечто прямо противоположное каким-либо захватническим со стороны России стремлениям. Тем не менее, на фоне сложившейся в последней трети XIX в. внешнеполитической ситуации любое теоретизирование или рассуждение в России по поводу

славянского союза сразу же, без каких-либо аргументов, в Европе, и особенно в Австро-Венгрии и Германии, относилось к политическому панславизму или панруссизму.

В более поздних критических статьях по поводу труда Н. Данилевского звучала мысль о том, что это сочинение не имело научной значимости¹⁵, что «идеи Данилевского были срывом в осознании русской идеи».

В работах другого русского философа В. Соловьева также поднимался вопрос о соотношении славянофильства и панславизма. В. Соловьев был противником славянофильской концепции. По его мнению, «славянофильство есть только систематическая форма нашего национализма», «...их (старых славянофилов. – Г.Р.) заблуждение вообще было искренним и горячим увлечением и заслуживает более сожаления, нежели упрека»¹⁶. В противовес Данилевскому, в статье, посвященной критике идей автора «России и Европы», В. Соловьев подчеркивает, что «только при самом тесном, внешнем и внутреннем, общении с Европой русская жизнь производила действительно великие явления (реформа Петра Великого, поэзия Пушкина)»¹⁷. Для В. Соловьева идеи Н. Данилевского – «попятное» движение русской мысли, возврат от христианства к языческому принципу, «дефективная» оригинальность¹⁸. По его мнению, Н.Я. Данилевский, «...принимаясь за свой труд под влиянием искреннего, хотя и слишком узкого и неразумного патриотизма..., имел в виду практическую цель: поднять национальную самоуверенность в русском обществе и исцелить его от болезни «европейничанья»¹⁹.

Выявлению сущности панславизма много внимания уделял русский ученый и публицист А.Н. Пыпин. Его серия статей в «Вестнике Европы» за 1878–1879 гг. под названием «Панславизм в прошлом и настоящем», объединенная впоследствии в книгу, представляла собой первую попытку объективного исследования панславистской идеологии. Не приемля национализм, Пыпин был в то же время сторонником национальной идеи, так как понимал ее позитивное значение для зависимых народов²⁰. Панславизм Пыпин считал одним из самых характерных проявлений национальной идеи и полагал, что за этим понятием скрываются *разные явления* (курсив наш – Г.Р.): идеология национально-освободительной борьбы угнетенного и разъединенного славянства и националистическая доктрина противостояния славянского мира Европе. В зависимости от обстоятельств панславизм мог содействовать либо прогрессу, либо реакции. Пыпин писал, *что панславизм никогда не был официальной внешнеполитической доктриной России и всегда оставался достоянием общественной жизни* (курсив наш – Г.Р.). В отличие от некоторых других либеральных деятелей, считавших панславизм только реакционным явлением политической мысли, Пыпин признавал его роль «как стремление славянства создать себе политическое существование» и обеспечить национальное выживание ввиду угрозы германизации и исламизации²¹.

Пыпин видел в панславистской идее два аспекта: политический и культурный. Поскольку политическое объединение славян в обозримом будущем представлялось ему малореальным (ввиду их религиозной, экономической и политической несхожести), он выдвигал в качестве приоритетной задачу духовного, культурного единения славян на почве языка и литературы. Именно на этом поприще Россия, по его мнению, могла завоевать авторитет среди славянства и стать его духовной руководительницей. Но для этого ей надо было внутренне переродиться самой. И хотя политический панславизм, полагал Пыпин, не разделялся

ни правительством, ни большинством российского общества, он широко использовался западными политиками и публицистами как пугало для устрашения Европы «славянской опасностью». Пыпин утверждал, что декларируемая на Западе «угроза панславизма» – всего лишь политическая уловка, призванная завуалировать собственные агрессивные замыслы западных держав на Балканах.

В своих сочинениях А.Н. Пыпин приводит несколько вариантов толкования панславизма: 1) созданная западной публицистикой мистификаторская трактовка панславизма; 2) истинный панславизм, демократический панславизм – это панславистские теории в среде славянской интеллигенции Габсбургской монархии; 3) российский вариант панславизма, сформировавшийся позже других и имевший несколько разновидностей (от элементов панславизма в славянофильстве до «квасного патриотизма»).

В дальнейшем А.Н. Пыпин рассматривает литературный панславизм как самостоятельную форму в статье «Литературный панславизм» (Вестник Европы. 1879). Выделение литературного панславизма было связано с оценкой роли и деятельности автора теории славянской взаимности Я. Коллара, а также П. Шафарика. В своих сочинениях А.Н. Пыпин последовательно раскрывал черты литературного панславизма, отмечая при этом утопичность программы Я. Коллара и его «платонический» панславизм. В то же время он писал, что «пути славянского литературного объединения будут определены лишь *политической кровавой борьбой* (курсив наш – Г.Р.)²².

В сочинениях А.Н. Пыпина о панславизме можно проследить четкое временное разграничение литературного и политического панславизма. Он проводит хронологический рубеж между этими явлениями. Политический панславизм, по его мнению, возник в 1848 г., когда «славянству пришлось иметь дело с настоящими практическими делами»²³.

Причины возникновения политики панславизма указывает и Ф. Энгельс. В 1848 г. в статье «Борьба в Венгрии» Ф. Энгельс писал: «Панславизм возник не в России или Польше, а в Праге и Аграме (Загреб – здесь Ф. Энгельс пишет о съезде славян в Праге 1848 г. – Г.Р.)... Непосредственной целью панславизма является создание славянского государства под владычеством России от Рудных и Карпатских гор до Черного, Эгейского и Адриатического морей... Панславистское единство – это либо чистая фантазия, либо – русский кнут»²⁴. В этом же году Ф. Энгельс употребляет термин «демократический панславизм» (использованный позже А.Н. Пыпиным в совершенно ином смысле) для заголовка статьи, посвященной критике пражского съезда славян²⁵. Программу демократического панславизма автор статьи увидел в брошюре депутата пражского съезда М. Бакунина «Призыв к славянам». «...Оставляя в стороне искренний самообман демократических панславистов, он в действительности не имеет никакой другой цели, как дать распыленным австрийским славянам, которые в историческом, литературном, политическом, торговом и промышленном отношениях находятся в зависимости от немцев и мадьяр, опорный пункт – с одной стороны, в лице России, с другой – в лице объединенной Австрийской монархии, управляемой славянским большинством и зависимой от России», – так Ф. Энгельс охарактеризовал появление политического панславизма и австрославизма в событиях 1848 г. в Праге. Учитывая роль сочинения будущего «классика марксизма-ленинизма» в советской историографии и историографии стран «социалистического лагеря», понятно почти

полное отсутствие специальных исследований по истории панславистских движений в Австрийской империи и негативная окраска терминов «панславизм» и «австрославизм» в советской историографии.

В своей работе Ф. Энгельс также приводит пессимистический «прогноз» будущей истории австрийских славян: «Народы, которые никогда не имели своей собственной истории, которые с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации, уже подпали под чужеземную власть или лишь при помощи чужеземного ярма были насильственно подняты на первую ступень цивилизации, не жизнеспособны и никогда не смогут обрести какую-либо самостоятельность (курсив наш – Г.Р.). Именно такова судьба австрийских славян»²⁶.

Здесь же Ф. Энгельс писал: «...Немцы и мадьяры соединили... маленькие, хилые и бессильные национальности в одно большое государство и тем самым сделали их способными принять участие в историческом развитии... Конечно, при этом дело не обходится без того, чтобы не растоптать несколько нежных национальных цветков. Но без насилия и неумолимой беспощадности ничто в истории не делается»²⁷. У А. Пыпина мы также видим опасения, что славянское объединение не обойдется без кровавой борьбы. Однако в одном случае молодой немецкий студент-гегельянец иронизирует над будущей судьбой славянства, а в другом – русский ученый-славист сочувственно предостерегает своих соплеменников от того, чтобы идти на поводу у политических панславистов.

Очевидно, что Ф. Энгельс не принял взгляды своего соотечественника – немецкого философа И.Г. Гердера, предрекавшего славянам в своем известном труде «Идеи к философии истории человечества» великое будущее.

В работах А.Н. Пыпина указаны временные рамки роста интереса к панславизму. Свое время (1878–1879-е гг. – время публикации статей в «Вестнике Европы») Пыпин сравнивает с 1830-ми гг. – «как некогда в 30-х годах из этого слова делали пугало для устрашения Европы против России, так и теперь». Начиная с 1870-х гг., в России и Европе открывается новый этап развития славянского вопроса, а значит и трактовки его гносеологических корней – теории славянской взаимности, панславизма, славянской идеи.

Двумя десятилетиями позже, когда славянская идея в России приобрела иное звучание, один из русских авторов в помещенной в «Вестнике Европы» статье писал: «Издатель «Гражданина» (князь Мещерский. – Г.Р.) весьма откровенно объяснил, что в 1876 г. он был одним из зажигателей сумасшедшей любви к братушкам, одним из глашатаев небывалых их скорбей, и покупал популярность лже-патриотическими, на войну направленными статьями»²⁸. За этой цитатой – оценка политической конъюнктуры очередного всплеска к славянской идее в 1870-е годы.

В русской историографии начала XX в. свою трактовку панславизма предложил русский историк-новист, профессор Санкт-Петербургского университета Н.И. Кареев. В лекции «Славянское возрождение, панславизм и мессианизм» под термином «панславизм» он понимает «славянскую мечту», направленную на создание единого общеславянского языка и «единого общеславянского царства»²⁹. При этом в структуре панславистских представлений Н.И. Кареев выделял патриотические увлечения «национальной и вообще славянской стариной», оптимистические прогнозы относительно будущего «духовного объединения славянства», противоположность славянского и германского миров. Так, из публицистических оценок и дискуссий Н.И. Кареев выстроил свою универсальную оценку панславизма,

которую он предлагал будущей российской элите в университетском курсе по новой истории и в статьях Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона.

Таким образом, в русской историографии до 1917 г. не сложилось цельного представления о сущности понятий «славянская взаимность» и «панславизм». Наиболее четкое определение эти термины получили в работах А.Н. Пыпина, хотя и его интерпретация не получила поддержки современников.

В западных теориях национализма к классическим исследователям проблемы относится американский ученый Г. Кон (1891–1971). Он не только подробно проанализировал национализм как систему идей, но и проследил их воплощение в разных социальных и политических условиях. После публикации его основного труда «Идея национализма» (1944) Г. Кон пишет сочинение «Панславизм. Его история и идеология» (1953)³⁰. Панславизм, по определению Г. Кона, это движение, в котором национальные элементы были смешены со сверхнациональными (*supra-national*) и имперскими стремлениями. Оно стало продуктом политического подъема интеллектуалов Центральной и Восточной Европы, начавшегося после Французской революции и Наполеоновских войн³¹.

Современный панславизм, по мнению Г. Кона, можно отнести к 1820-м гг., когда эти идеи появились в среде западных славян под влиянием романтизма. Отцами раннего панславизма американский ученый называет «двух молодых лютеранских словаков – Яна Коллара (1793–1852) и Павла Йозефа Шафарика (1795–1861). Коллар был его (панславизма. – *Г.Р.*) первым поэтом, Шафарик – первым ученым»³². Как считает Г. Кон, в учение Шафарика о панславизме, изложенном в труде «История славянских языков и литератур» (1837), Коллар добавил духовную структуру. «Два словацких глашатая панславизма», по его мнению, «имели огромное влияние на славянские народы». Кроме Шафарика и Коллара, он отмечает огромное влияние на распространение панславизма в Габсбургской монархии словаков Л. Штура и С. Гурбан-Ваянского (1847–1916). Не оставляя без внимания других представителей панславизма в монархии, американский ученый, тем не менее, отметил особое место среди них словаков, особенно словаков-протестантов.

В последующих работах Г. Кон прослеживает развитие панславизма до современных идеологических и политических программ, смешивая, таким образом, научную теорию и идеологию. Современный панславизм характеризовался Г. Коном как идеологическая основа складывания восточноевропейского блока после Второй мировой войны: «Со времени Погодина вплоть до последних лет Сталина, в течение целого столетия, панславизм играл доминирующую роль в русском сознании. Русские не только провозглашали свою роль защитника и лидера всех славян, но также подчеркивали единство всех славян до такой степени, что для многих русских стали синонимами слова «русский» и «славянин»³³.

Почти одновременно с работами Г. Кона появилась монография другого американского профессора М.Б. Петровича «Возникновение русского панславизма 1856–1870», опубликованная в Трудах Русского института Колумбийского университета в Нью-Йорке³⁴. Ученый рассматривает вопросы возникновения панславистских идей в России до 1856 г. и их дальнейшее развитие, славянофильские теории, русскую панславистскую идеологию, русскую панславистскую печать и организации, разновидность лингвистического панславизма в России, взаимосвязь русского панславизма и польского вопроса. Особое внимание М. Петрович

уделил съезду славян в Москве 1867 г. и политической программе русского панславизма. Он справедливо отметил, что в России не существовало специально организованной государственной панславистской программы. Эта программа выражалась в трудах писателей, лидеров панславизма и в частных мнениях. Периодом наибольшего подъема панславистских идей в России М.Б. Петрович считает время между Крымской и русско-турецкой войной. По его мнению, одним из основных аргументов русского панславизма после Крымской войны было то, что находящаяся в дипломатической изоляции Россия могла привлечь нерусских славян как союзников против враждебного Запада³⁵. Основанием для такого заключения М.Б. Петровичу послужил анализ «Панславистского меморандума» М.П. Погодина, направленный императору Николаю во время Крымской войны. Имеются в виду «Политические письма» русского профессора. Трудно не согласиться с М. Петровичем, т. к. проведенное нами архивное исследование показало дальновидность помощи славянским ученым, о которой М. Погодин будет просить в строго конфиденциальных посланиях русскому императору.

М. Петрович строго различает славянский и русский панславизм. Он считает, что славянский панславизм имел исключительно культурное содержание, а русский панславизм отражал идеологию великодержавности и консервативного националистического течения российской общественной мысли³⁶.

Годом позже после публикации книги Петровича в Оксфорде появилась публикация профессора русской истории и восточно-европейских исследований Лондонского университета Х. Сетона-Ватсона «Российская империя 1801–1917»³⁷. Специальное внимание в ней было уделено русскому национализму и панславизму, а также идее славянской взаимности. В разделах «Русский национализм и панславизм» и «Россия, Австрия и славяне» Сетон-Ватсон указывает на истоки неославизма в начале XX в. и видит их в славянском вопросе для России на Балканах и в Австро-Венгрии. Важными показателями русского национализма Сетон-Ватсон называет деятельность министра С.С. Уварова, разгром Кирилло-Мефодиевского общества в Киеве в 1847 г. и обострение еврейского вопроса в России. Он заключает, что после Этнографической выставки в Москве 1867 г. «славянофильство уступило место панславизму, и это еще более сократило различия между русским национализмом и имперскими экспансионистскими целями российского государства»³⁸.

Говоря о параллели между панславистской и пангерманской идеологией, Сетон-Ватсон отмечал, что идея Великой Германии основывалась на демократических началах, была лояльной и в государственном, и в религиозном смысле и не была связана с какой-либо династией. Панславистская идея, по его мнению, наоборот, призывала присоединиться к недемократической династии Романовых и православной религии. Как считал автор, все эти черты панславизма были теоретически прописаны в работе Н. Данилевского, а на практике воплотились в советском империализме.

В советской историографии термин панславизм употреблялся лишь в сочетании «царский панславизм», как проявление консервативных дворянских или буржуазных кругов, отвергающих какой-либо прогресс. Авторы статьи о панславизме в «Большой советской энциклопедии» приводят два типа панславизма: реакционный и демократический. Реакционный панславизм был проявлением националистической идеологии, которую в 1830–1840-е гг. проводили С.С. Уваров

и М.П. Погодин и которая достигла своего расцвета во второй половине XIX века. Демократический панславизм характеризуется как стремление западных, южных и восточных славян достичь своего культурного сближения в период их противодействия турецкому и австрийско-венгерскому гнету³⁹.

В конце XX – начале XXI вв. к методологическим вопросам, связанным со славянской взаимностью и панславизмом обращались многие зарубежные авторы. При этом необходимо заметить, что в большинстве из них теоретические положения о славянской взаимности и панславизме основывались на историческом материале истории России, чешского народа или южных славян. Словацкий исторический материал почти не использовался, за исключением ссылок на работы Коллара и Штура⁴⁰.

Среди советских авторов, которые не обходили в своих исследованиях сложные вопросы определения терминологии, особое место принадлежит В.К. Волкову. Именно он в 1960-е гг. развил тезис о том, что панславизм является частью теории славянской взаимности⁴¹. Дискуссии советских историков на IX съезде славистов (1983 г.) показали, что советская историография готова пересмотреть прежние идеологические установки. Проявлением нового подхода к вопросам славянской идеологии в целом и к панславизму в частности стали работы В.А. Дьякова о славянском вопросе в России и Н.И. Цимбаева о славянофильстве⁴².

При всем многообразии приведенных концепций панславизма, можно согласиться с автором одной из немногих в современной российской историографии статей по истории термина «панславизм» О.В. Павленко, что и сегодня невозможно создать стройную логичную концепцию панславизма⁴³. Заслуживает внимания и позиция современного чешского историка Р. Влчка, автора работы о русском панславизме, что «панславизм был порождением не общества в целом, а конкретных личностей, и все его интерпретации (и в позитивном, и в негативном смысле) созданы исключительно конкретными людьми»⁴⁴.

Таким образом, в исторической литературе нет единого мнения о сущности термина «панславизм». Порой трактовки носят полярный характер. Идея славянской взаимности и ее теоретические концепции в XIX в. получали у современников и последующих исследователей самые различные интерпретации – от русофильства до державного или экспансионистского панславизма, а как промежуточные формы – демократический и литературный панславизм. Во всех панславистских построениях Россия занимала доминирующую роль как центр притяжения мирового славянства. С другой стороны, под идеей славянской взаимности подразумевались теории славянского единства, не предполагавшие гегемонии какого-либо одного из славянских народов (австрославизм и неославизм).

Примечания

¹ См. работы: *Riasanovsky N.V. Russia and the West in the teaching of the slavophiles.* Cambridge, 1956; Kohn H. *Pan-Slavism: Its History and Ideology.* New York, 1960; Fadner F. *Seventy years of Pan-Slavism in Russia. From Karamzin to Danilevskij. 1800–1870.* Washigton, 1962; *Колейка Й.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX вв. Прага, 1964; *Petrovich M.B. The emergence of Russian Pan-Slavism 1856–1870.* Columbia University Press, 1966; *Волков В.К.* К вопросу о происхождении терминов «панславизм» и «пангерманизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969; *Лециловская И.И.* Концепция славянской общности в конце XVIII – первой половине XIX веков // Вопросы истории. 1976. № 12; *Чуркина И.В.* Идея славянской взаимности в словенском национальном самосознании // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной

- Европы. М., 1977. С. 37–50; *Ненашева З.С.* Идея славянской общности в современной советской и чехословацкой историографии: Некоторые терминологические и теоретические аспекты // Исследования по истории славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 78–95; *Kudelka M.* Pojetí teorie československé slavistiky v období 1945–1961 // SPř. 1983. № 2. S. 97–114; *Фрейдзон В.И., Исламов Т.М.* Идеологические основы национальных движений // Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1988. С. 217–277; *Ненашева З.С.* Das Problem des Austroslawismus in der russischen öffentlichen Meinung in den letzten beiden Jahrzehnten des 19. Jahrhunderts // Der Austroslawismus. Wien, Köln, Weimar, 1996. S. 178–194; *Павленко О.В.* Панславизм: концепция панславизма в славистических исследованиях // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60.
- ² См.: *Лециловская И.И.* Общественно-политическая борьба в Хорватии. М.: Наука, 1977; *Чуркина И.В.* Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М.: Наука, 1978; *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. М.: Наука, 1980; Славянский вопрос: веки истории. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997.
- ³ *Дьяков В.А.* Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.) // Методологические проблемы истории славистики. М.: Наука, 1978. С. 258.
- ⁴ *Masaryk T.G. Karel Havlíček.* Praha, 1896; Edem. Česká otázka. Snahy a tužby národního obrození. Praha, 1948; Edem. Spirit of Russia. London, 1967.
- ⁵ *Jirásek J.* Česi, Slováci a Rusko. Študie vzájemných vzťahů československo-ruských od roku 1867 do počátku světové války. Praha, 1933; Edem. Rusko a my. Dějiny vztahů československo-ruských od nejstarších dob až do roku 1914. I–IV d. Brno, 1945.
- ⁶ *Škultety J. Ján Kollár.* Storočie «Slávy Dcery». 1824–1924; Idem. Pavel J. Šafarik. Sbornik Filozofickej fakulty University Komenského v Bratislave. 1922.
- ⁷ Колейка Й. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX вв. Прага, 1964.
- ⁸ *S'lastný V.* (Ed.) Slovanství v národním životě Čechů a Slováků. Praha, Melantrich, 1968; *Šesták M., S'lastný V.* České slovanství v boji proti dualismu // Československá slavistika. 1988. S. 265–275.
- ⁹ *Wollman F.* Kollárův mesianismus // Slovanská vzájemnost. 1836–1936. Praha, 1938. S. 34–59.
- ¹⁰ *Žaček V.* Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. Praha, 1935.
- ¹¹ См.: *Wollman F.* K metodologii srovnávací slovesnosti slovanské. Brno, 1936; Idem. Český slavismus, jeho minulost a program // Slovanství v českém národním životě. Brno, 1947. S. 224; Idem. Terminologie slovanské součinnosti // SPř. 1948. Č. 3–4. S. 126–140.
- ¹² *Досталь М.Ю.* Неопубликованная статья А.А. Кизеветтера по проблемам славянской идеологии // Советское славяноведение. 1986. № 2. С. 81–94.
- ¹³ Данные положения работы Н.Я. Данилевского используются современными сторонниками единой славянской цивилизации, создания федерации славянских государств. См.: Кикешев Н.И. (предводитель Всеславянского Собора). Славянское единство // Встань и иди. М.: Мегатрон, 2000. С. 624–637.
- ¹⁴ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1871. С. 409, 411.
- ¹⁵ *Милуков П.Н.* Славянофильство // Энциклопедический словарь Ф. Брокгауз, И. Эфрон. СПб., 1900. Т. XXX. С. 314.
- ¹⁶ *Соловьев В.С.* Критика сочинения Н.Н. Страхова «Борьба с Западом» // Вестник Европы. 1884. № 4. С. 765.
- ¹⁷ *Соловьев В.С.* Россия и Европа // Там же. С. 725.
- ¹⁸ Там же. С. 727.
- ¹⁹ Там же. С. 731.
- ²⁰ См.: *Хевролина В.М.* Внешнеполитические концепции российского либерализма в конце XIX века // Вопросы истории. 1997. № 10. С. 34–50.
- ²¹ *Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 52.
- ²² *Пытин А.Н.* Литературный панславизм // Вестник Европы. 1879. С. 615, 616, 619.
- ²³ Он же. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 775.
- ²⁴ *Энгельс Ф.* Борьба в Венгрии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. VI. С. 181–182.
- ²⁵ *Энгельс Ф.* Демократический панславизм // Там же. С. 290–298.
- ²⁶ *Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 294.
- ²⁷ *Энгельс Ф.* Демократический панславизм. С. 298.
- ²⁸ *Слонимский Л.* Наши направления в печати и обществе // Вестник Европы. 1895. № 10. С. 779–790.

- ²⁹ Кареев Н.И. Славянское возрождение, панславизм и мессианизм // История Западной Европы в новое время. СПб., 1903. Т. V. С. 405, 418–421.
- ³⁰ Kohn H. The Idea of Nationalism. New York, 1944; Idem. The mind of modern Russia. Historical and Political Thought of Russia, s Great Age. New Jersey & New Brunswick, 1955; Idem. Pan-Slavism: Its History and Ideology. New York, 1960 (Second edition).
- ³¹ Ibidem. P. IX.
- ³² Ibidem. P. 3–4.
- ³³ Kohn H. The mind of modern Russia. Historical and Political Thought of Russia, s Great Age. New Jersey & New Brunswick, 1955. P. 69.
- ³⁴ Petrovich M.B. The emergence of Russian panslavism 1856–1870. Columbia university press, 1966; Second edition Connecticut, 1985.
- ³⁵ Petrovich M.B. Op. cit. P. 246.
- ³⁶ Ibidem. P. 51–53.
- ³⁷ The Russian Empire 1801–1917 by Hugh Seton-Watson. Oxford: The Claredon Press, 1967.
- ³⁸ Ibidem. P. 446–447.
- ³⁹ Большая советская энциклопедия. Т. 32. 2-е изд. 1955. С. 8.
- ⁴⁰ Durman K. The Time of the Thunderer. New York, 1988; Svatoň V. Panslavismus: nebezpečí nebo alternativa evropské kultury? // Střední Evropa. 10. 1994. 42; Pfaff I. Česká příslušnost k Západu v letech 1815–1878. Brno, 1996; Milojkovic-Djuric E. Panslavism and National Identity in Russia and in the Balkans 1830–1880. New York, 1994; Golczewski F., Pickhan G. Russischer Nationalismus. Gottigen, 1998; Renner A. Russischer Nationalismus und Öffentlichkeitim Zarenreich. Koln, 2000.
- ⁴¹ Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 25–61.
- ⁴² Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993; Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1986.
- ⁴³ Павленко О.В. Указ. статья. С. 47; О.В. Павленко (Лебедева) в 1991 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Концепция славянской взаимности в России и в Чехии в 60-е – начале 70-х годов XIX в.», в которой впервые в современной российской историографии предпринята попытка преодолеть сложившиеся стереотипные оценки панславизма.
- ⁴⁴ Vlček R. Rusky panslavismus – realita a fikce. Praha, 2002. S. 7.

А.В. ПОЛУШИНА

**«ГОСУДАРСТВО, ОТЕЧЕСТВО – ЭТО МЫ»
(МАТЕРИАЛЫ К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.А. ГРОМЫКО)**

Названием для статьи послужили слова выдающегося деятеля советской эпохи – дипломата А.А. Громыко, чей вклад в развитие внешнеполитических связей СССР трудно переоценить. В этом году ему бы исполнилось 100 лет. Этот юбилей – прекрасная возможность для того, чтобы вспомнить основные вехи жизни этого замечательного человека, заложившего основы «хрущевской оттепели» 1960-х годов. В основу статьи легли воспоминания дипломата, опубликованные в России в 1990 году.

Родился Андрей Андреевич Громыко 18 июля 1909 года в Белоруссии в деревне Старые Громыки Гомельской области в семье Андрея Матвеевича Громыко, солдата русско-японской и Первой мировой войн. Мать Ольга Евгеньевна родилась в семье крестьянина-бедняка в с. Железники, посещала школу только 2–3 года, но и впоследствии, несмотря на трудную жизнь, любила читать. Мать наставляла Андрея: «Ты любишь книги, и учителя тебя хвалят. Наверное, тебе надо учиться... Может быть, выйдешь в люди»¹. Слова матери сбылись. У простого деревенского парня рано проявилось стремление к знаниям, среди сверстников он выделялся сосредоточенностью, упорством и целеустремленностью. После окончания семилетки Андрей Громыко учился в профтехшколе в Гомеле, где был секретарем комсомольской ячейки, затем учился в техникуме в Борисове. В 1931 году студент Громыко вступил в партию и вскоре был избран секретарем партийной ячейки.

После окончания техникума А. Громыко стал студентом, поступил в Минский экономический институт. Свою самостоятельную трудовую деятельность он начал в качестве учителя, а затем директора сельской школы недалеко от Минска. Примерно в то же время он попытался поступить в летнюю школу в Минске, но в силу возраста (ему уже исполнилось 25 лет) не был принят. Незадолго до окончания института в его жизни произошел серьезный поворот. Его вызвали в Минск и предложили продолжить обучение в аспирантуре, готовившей экономистов широкого профиля. В 1934 году аспиранты были переведены в Москву. В 1936 году аспирант А. Громыко защитил кандидатскую диссертацию по сельскому хозяйству США и был направлен в Институт экономики АН СССР в качестве старшего научного сотрудника. В это же время он серьезно изучал английский язык. С конца 1938 года А. Громыко исполнял обязанности научного секретаря в Институте экономики, планировалось направить его ученым секретарем в Дальневосточный филиал АН СССР, но сам Громыко отклонил свою кандидатуру.

В начале 1939 года на Кузнецком мосту заседала комиссия ЦК КПСС для отбора из числа коммунистов новых работников для направления их в дальнейшем

на дипломатическую, внешнеполитическую работу. В комиссии заседали В.М. Молотов и Г.М. Маленков. По воспоминаниям Громыко, решение комиссии было принято с учетом его научно-пропагандистской деятельности (многочисленные выступления с докладами на семинарах и кружках на промышленных предприятиях). Знание английского языка стало дополнительным аргументом для положительного решения комиссии. На вопрос «Что Вы читали на английском языке?» Громыко назвал ряд книг, в том числе и книгу по научному профилю «Труд американского экономиста Стюарта Чейза «Богатая земля, бедная земля».

По решению комиссии Громыко был назначен на руководящую должность в Народный Комиссариат иностранных дел. Все-таки это был необычайно крутой взлет, когда карьеры создавались и рушились в одночасье. На новую работу Громыко шел с каким-то неопределенным чувством, все было неожиданно. Началась текущая дипломатическая работа, которая сочеталась со стремлением как можно быстрее овладеть новым предметом, состоялись первые контакты с сотрудниками американского посольства. В то время послом США в СССР был Лоуренс Штейнгардт, деятельность которого не принесла заметной пользы развитию советско-американских отношений. После установления дипломатических отношений в 1933 году в Москве уже побывало два посла. Первым был Уильям Буллит, который приезжал в страну еще в 1919 году и встречался с В.И. Лениным. Вторым послом был Джозеф Дэвис, с которым Громыко встретился впоследствии уже в Вашингтоне.

Как дипломат и политик А.А. Громыко формировался в эпоху И.В. Сталина и В.М. Молотова. В силу занимаемых должностей он был в поле их зрения, пользовался доверием, доказывал свое политическое чутье, аналитические способности. Спустя несколько месяцев после начала работы в НКВД, И.В. Сталин лично принял Громыко в Кремле и утвердил его назначение советником Посольства СССР в США. В ходе встречи Сталин дал совет, который несколько озадачил Громыко: «А почему бы Вам временами не заходить в американские церкви, соборы и не слушать проповеди церковных пастырей? Они ведь говорят четко на чистом английском языке. И дикция у них хорошая. Ведь недаром многие русские революционеры, находясь за рубежом, прибегали к такому методу для совершенствования знаний иностранного языка»². Это был единственный случай, когда советский дипломат не выполнил указание Сталина.

Первый путь Громыко в Америку лежал через Румынию, Болгарию и Югославию и от Генуи на океанском лайнере до Америки. Громыко сопровождали его супруга Лидия Дмитриевна и дети – 7-летний Анатолий и 2-летняя Эмилия. На этом же лайнере в Америку возвращался посол в США К.А. Уманский, работой которого советское руководство уже было не вполне довольны. Когда Громыко начал свою работу в Посольстве ему было 30, в то же время студент Джон Кеннеди изучал в Гарварде юриспруденцию, ему было 22, а на другом конце Америки в Голливуде восходила звезда киноактера Рональда Рейгана, он только что снялся в фильме «Адская кухня». С этими будущими политическими деятелями ему придется еще не раз повстречаться.

В качестве второго лица Посольства он проработал недолго. На смену Уманскому после нападения гитлеровской Германии на СССР Послом был назначен М.М. Литвинов, получивший широкую международную известность своей работой в Лиге Наций. При Литвинове Громыко проработал два года.

В США А.А. Громыко всего проработал 8 лет, из них в качестве Посла СССР в 1943–1948 гг. и одновременно Посланником СССР в Республике Куба. В его дипломатической деятельности были многочисленные встречи с высокопоставленными лицами Америки (Президент США Ф. Рузвельт, военно-морской министр Джордж Форрестол, военно-морской министр Генри Стимсон, госсекретарь Кордэлл Хэлл, заместитель госсекретаря Сэмнер Уэльс, начальник штаба США Джордж Маршалл; крупными предпринимателями, такими как, например, Нельсон Рокфеллер; деятелями науки, культуры и искусства – ученый-экономист Келвин Джон Ланкастер, Чарли Чаплин, Поль Робсон, кинорежиссер Орсон Уэллс). У Громыко сложились доверительные отношения с Ф. Рузвельтом, Генри Гопкинсом, Кордэллом Хэллом.

Работая в Посольстве СССР в Вашингтоне А.А. Громыко был непосредственно причастен к формированию характера взаимоотношений с этой страной. Одной из задач советской дипломатии и, прежде всего, дипломатов, работающих в США, была деятельность по содействию открытию второго фронта.

В конце 1941 года в связи с массированным наступлением фашистских войск на территории СССР и провалом немецко-фашистского плана окружения и взятия Москвы и первыми важными победами Красной Армии в США первые тревожные настроения сменились на более оптимистичные. В этот период при участии А.А. Громыко разрабатывалась Вашингтонская декларация. По предложению советской стороны во вступительную часть было внесено предложение о том, что полная победа над врагом «необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы и для сохранения человеческих прав и справедливости во всех странах»³. Декларация была подписана 1 января 1941 года в Вашингтоне представителями 26 государств и вошла в историю как Декларация Объединенных наций⁴. Так впервые появился термин – Объединенные нации.

По логике исторических событий союзниками СССР вместе с Англией стали и США, поэтому в годы войны исключительно важным участком внешнеполитической деятельности СССР стало налаживание, а затем развитие союзнических связей с США.

Активный обмен посланиями между руководителями СССР и США было новым явлением для советского посольства. По данным издания «Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» за годы войны состоялся обмен 423 посланиями секретного характера⁵. Как правило при получении письма от Сталина в адрес Рузвельта в советское посольство в Вашингтоне на 16-й стрит приезжал военный помощник Президента Эдвин Уотсон, чтобы лично забрать письмо и доставить его непосредственно Президенту. Все вопросы двусторонних взаимоотношений носили чрезвычайно важное значение и решались архисрочно.

Следует отметить, что темами бесед и переговоров в военное время неизменно становились вопросы укрепления союзнических отношений, сотрудничества СССР и США. В очередной раз это было подчеркнуто новым Послом СССР в США А.А. Громыко при вручении им верительных грамот Президенту Рузвельту. В ответ на это Рузвельт заявил, что считает развитие дружественных советско-американских отношений делом абсолютно необходимым и соответствующим интересам народов обеих стран⁶.

Помимо общих интересов СССР и США в борьбе против фашизма обсуждались и вопросы архитектуры будущего мира с основной идеей создания эффективной международной организации, призванной выступить гарантом мира.

Период Второй мировой войны, несмотря на политические разногласия и различную степень взаимопонимания между СССР и США, можно отнести к конструктивным этапам сотрудничества, основанного на решении общемировой проблемы – освобождение мира от фашизма, обеспечение гарантий будущего мира.

В период войны у посла А.А. Громыко происходили достаточно часто встречи с высокопоставленными лицами США, в частности с Гарри Гопкинсом, которого неофициально называли «заместителем президента», «главным советником по вопросам национальной безопасности», с Гарри Декстером Уайтом – первым заместителем министра финансов, Генри Уоллесом – вице-президентом США. В ходе этих встреч шел интенсивный обмен мнениями об отношениях СССР и США. По воспоминаниям А.А. Громыко, его высокопоставленные собеседники выражали уверенность в победе Советского Союза, признавая силу и мощь этой страны, и более того, подчеркивали взаимопонимание между американским и советским народами как основу для дружественных отношений между СССР и США. К сожалению эта политическая философия недолго находила поддержку у правящей элиты Америки и уже через три–четыре года произошло резкое изменение политики США после выборов президента в 1944 году.

Ближе к концу войны Громыко вручал советские награды американским военным высокого ранга. Среди них был и генерал Джордж Маршалл, награжденный орденом Суворова I степени. В своей беседе с Громыко Маршалл, будучи скупым на комплименты человеком, считал возможным назвать советскую армию непобедимой. Спустя небольшой период времени этот же политический деятель стал апологетом «холодной войны» и инициатором создания НАТО. По словам Громыко, дипломатический фрак (Госсекретарь в 1947–1949 гг.) и военный мундир слились воедино.

У Посла СССР в США были многочисленные дипломатические встречи, к нему обращались и с необычными просьбами. Например, Т. Ламонт – глава банкирского дома Морганов, обратился за помощью к СССР поддержать республиканца Томаса Дьюи на предстоящих выборах Президента США. Свообразно складывались отношения с представителями русской эмиграции. Громыко категорично отказал во встрече Керенскому, произошла случайная встреча с Даном (Гурвичем) – лидером меньшевиков. О некоторых из них он вспоминает достаточно подробно, проявляя при этом свою особенную черту – давать личностям емкую и краткую характеристику. Его воспоминания могут служить своего рода учебником для дипломатов по составлению политических портретов.

А.А. Громыко как Посол СССР в США был самым тесным образом связан с переговорными процессами по открытию союзниками второго фронта, о репарациях СССР и судьбе Германии после войны, о создании Международной организации безопасности.

С 21 августа по 7 октября 1944 года в Думбартон-Оксе проходила конференция, на которой обсуждались вопросы формата деятельности и структуры новой организации безопасности. Было согласовано около 90 % того, что касалось создания ООН. Основной принципиальный вопрос – порядок принятия решения Советом Безопасности. СССР выступал и настоял на принятии положения, что решения

принимаются только единогласно всеми постоянными членами Совета Безопасности («право вето»). Позиция США и Великобритании – голос замешанного в споре государства не учитывать, что явно грозило принципу суверенного равенства государств. Вопрос окончательно был решен на Крымской конференции 4–11 февраля 1945 года.

Основное значение конференции в Ялте заключалось в решении довести до конца разгром фашизма, содействовать созыву конференции Объединенных наций для создания Международной организации по поддержанию мира; установить в новой международной организации принцип единогласия членом Совета Безопасности; создать в Германии 3 зоны держав-участниц, а также Франции. Рассматривалась ситуация на Дальнем Востоке.

В своих воспоминаниях об этой конференции Громыко особое внимание уделял анализу принятия решений Сталиным. К Громыко Сталин обратился с вопросом: «На какие слои общества опирается Рузвельт внутри страны?» Во время обсуждения вопроса о репарациях СССР Сталин уточнил у Громыко: «Как все-таки понять Рузвельта, он действительно не разделяет позиции Черчилля или это тактика?». Громыко: «Разница между ними есть, но настораживает то, что президент уж очень корректен в отношении премьер-министра Англии. А ведь он с соблюдением той же корректности мог бы и поднажать на Черчилля, чего, однако, не делал. Едва ли это случайно»⁷. Сталин в общем-то согласился.

Потсдамская конференция проходила с 17 июля по 2 августа 1945 года в советской зоне оккупации во дворце Цецилиенхоф. Громыко отмечал, что переговоры отличались какой-то наэлектризованностью, когда все присутствовавшие осознавали, что они должны вершить суд над государством-агрессором.

Громыко в своих «Воспоминаниях» ярко описал лидеров трех держав, их эмоциональное состояние: «Вот сидит Трумэн. Он мобилизовал все свое самообладание, чтобы не выдать волнения. Почти все основные высказывания у него заготовлены, и он зачитывает тексты. При обсуждении вопросов он допускает высказывания и без бумажки, но, как правило, краткие. Порой кажется, что он вот-вот улыбнется. Но это только кажется».

«Черчилль. ... Заявления он делает в общем-то краткие. Очень любит растягивать отдельные слова. Делает это явно нарочито. ... Почти никогда он не пользуется заготовленным текстом. Впрочем, говорят, что некоторые свои заявления он любит заучивать наизусть...»⁸. «Эттли. (*прим.: премьер-министр Великобритании после Черчилля*) ... употребляет тот же политический язык, что и Черчилль. Прогнозы нашей делегации подтверждаются: все считали, что если лейбористы придут к власти, то политика Англии останется, по существу, той же, которую проводило и правительство консерваторов». «... Сталин. Он ведет себя спокойно и ровно»⁹.

Позиция Сталина по ядерному оружию стала основой для последующей системы международной безопасности.

Конференция в Сан-Франциско завершилась подписанием Устава ООН – универсального международного договора, в котором объединенные нации провозгласили в качестве основной цели «Избавить грядущие поколения от бедствий войны». За СССР подпись под документом поставил А.А. Громыко.

Подписание состоялось 26 июня 1945 года, Устав вступил в силу 24 октября 1945 года, который считается днем рождения ООН. «Один из самых незабываемых дней в моей жизни», – пишет об этом событии А.А. Громыко¹⁰. «Сейчас ни один

трезвый политик не станет оспаривать того, что если бы союзники вместе с другими государствами сразу же после великой Победы не создали ООН, то, скорее всего, ее вообще бы не создали»¹¹.

Значение этого события невозможно переоценить, несмотря на всевозможные сомнения, связанные с ролью этой международной организации в современном мире. ООН служила и служит основой для мира и взаимопонимания между государствами, стоит на страже международного правопорядка.

Все, что касалось решения вопросов нового миропорядка, происходило впервые. Трюгве Ли был первым Генсеком ООН. Громыко был первым Постпредом СССР в ООН.

Несколько слов стоит сказать об этих персонах в их новом качестве.

Трюгве Ли – норвежский политический деятель, дипломат и юрист. Весной 1954 года вернулся в Осло и стал министром иностранных дел в правительстве Герхардсена. СССР поддержал его кандидатуру, надеясь на его порядочность, которой, по словам Громыко, хватило на короткое время. Все документы, справки, предложения, оседавшие на столе Ли проходили через американское сито. Трюгве Ли не отличался сильным характером. Его заряд неодобрения, гнева сейчас же уступал место умиротворению, блаженному настроению. При встречах всегда заверял в добрых чувствах к СССР, подчеркивал великие заслуги Красной Армии, особенно в освобождении севера Америки.

Деятельность Громыко в качестве Представителя СССР при ООН была полностью подчинена обещанию, которое он дал самому себе: «Решительно бороться за то, чтобы никогда больше не разразилась мировая война»¹². В немалой степени благодаря верности этому принципу Громыко снискал себе имя «Мистер Нет». В 1946–1948 годах А.А. Громыко был Постпредом при ООН и одновременно заместителем министра иностранных дел СССР. В августе 1948 года он вернулся в Москву.

В середине 1952 года Сталин перевел Громыко в Великобританию. Как и в первый раз он вызвал Громыко к себе в кабинет. Как обычно при разговоре, он расхаживал по кабинету. Основная его директива прозвучала так: «Нам нужны люди, которые могли бы улавливать ее (*изодренной английской дипломатии*) ходы»¹³. Верительные грамоты Громыко вручал Елизавете II, хотя это было до ее коронации. В связи с этим назначением Громыко вспоминает свою встречу с королем Георгом IV во время обеда в честь делегаций на первой сессии Генассамблеи ООН в Лондоне в начале 1946 года. Король сам предложил составить беседу и особо подчеркнул, что главное – это взаимное желание развивать отношения между странами.

Из Лондона в Москву Громыко был отозван в 1953 году. «Холодная война» была в разгаре. В связи с продолжительным периодом деятельности Громыко при Сталине возникал впоследствии вопрос о возможности Громыко стать жертвой сталинских репрессий.

Королева адресовала письмо Президиуму Верховного Совета СССР. В письме Ее величества в частности говорится: «Мы полагаем, что отдадим должное господину Громыко, заверив Вас, что его речи и поведение в период его пребывания при нашем Дворе были таковы, что заслужили наше полное одобрение и уважение и были всецело направлены на поддержание и улучшение отношений дружбы, которые счастливо существуют между Нашим Королевством и СССР, и чему мы придаем самое большое значение»¹⁴.

Основной задачей советской внешней политики на долгие годы стало сдерживание гонки вооружений, смягчение международной напряженности, поддержка национально-освободительных движений. Еще в 1946 году СССР выступил с инициативой о принятии Генеральной Ассамблеей решения о принципах всеобщего разоружения. Это стало важным вектором внешней политики страны. Громыко подписывал все основные международные договоры, ставшие источниками права международной безопасности.

Самым сложным моментом в переговорах по подписанию Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой было согласование положения о праве сторон выйти из договора. Переговоры проходили в особняке МИД СССР на улице Льва Толстого. От США присутствовал заместитель Госсекретаря Гарриман, от Великобритании – министр науки лорд Хейлшем. Позиция СССР, предусматривавшая возможность выхода из договора только в связи с угрозой высшим интересам страны, оказалось, выходила за рамки инструкций Гарримана. Громыко предложил ему сделать звонок Президенту США. Кеннеди сразу дал указание принять советское предложение. Так, благодаря отношению Кеннеди к СССР, авторитету дипломата удалось избежать длительной переписки и сразу же парафировать договор.

Говоря о жизненном пути А.А. Громыко нельзя не упомянуть и его научную деятельность. Работая в США и Великобритании, он продолжал сбор научных материалов, а по возвращении в Москву опубликовал результаты своих исследований в целой серии книг. В частности, под псевдонимом Г. Андреев вышла его книга «Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии».

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР о награждении Громыко А.А. орденом Ленина и второй золотой медалью «Серп и Молот», который не подлежал опубликованию, на Родине Героя был сооружен бюст.

Громыко проработал при шести Генеральных Секретарях ЦК КПСС ровно 50 лет – с 1939 по 1989 годы.

«Люди живут во времени. Великие исторические события происходят тоже во времени. Отделить одних от других невозможно»¹⁵. Эти слова самого Громыко несомненно применимы и к его деятельности. С его именем связана целая эпоха: неоднозначная и противоречивая, яркая и сложная, прогрессивная и трагичная одновременно. Но, несомненно одно, что этот государственный деятель служил бескомпромиссно своей стране и снискал высокую оценку своей деятельности не только со стороны руководства страны, но и фактически от своих оппонентов.

Примечания

¹ Громыко А.А. Памятное. М.: Изд-во политической литературы, 1990. Кн. 1. С. 19.

² Там же. С. 82.

³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 194.

⁴ Дипломатический словарь: в 3 т. М.: Наука, 1984. Т. 1. С. 173.

⁵ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. М.: Политиздат, 1986.

⁶ Громыко А.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 101.

⁷ Там же. С. 229.

⁸ Там же. С. 282.

⁹ Громыко А.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 283.

¹⁰ Там же. С. 338.

¹¹ Там же. С. 339.

¹² Там же. С. 341.

¹³ Там же. С. 391.

¹⁴ Материалы выставки Архива внешней политики МИД РФ, посвященной 100-летию А.А. Громыко // Представительство МИД РФ в г. Йошкар-Оле. Л. 43.

¹⁵ Громыко А.А. Указ. соч. Кн. 2. С. 552.

Перевод с английского

Копия

ЕЛИЗАВЕТА ВТОРАЯ.
МИЛОСТЬЮ БОЖЬЮ КОРОЛЕВА СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА
ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ И ДРУГИХ ЕЕ СТРАН
И ТЕРРИТОРИЙ, ГЛАВА СОДРУЖЕСТВА, ЗАЩИТНИЦА ВЕРЫ и пр. и пр. и пр.

Президиуму Верховного Совета
Союза Советских Социалистических Республик

Шлет свое приветствие!

Наши Добрые Друзья!

Мы получили из рук господина Якова Александровича Малика письмо, которое Вы адресовали нам в тринадцатый день апреля текущего года и в котором Вы уведомили Нас о том, что, нуждаясь в ином месте и услугах господина Андрея Андреевича Громыко, Вы сочли возможным отозвать его с поста Чрезвычайного и Полномочного Посла при Нашем Дворе.

Мы полагаем, что отдадим должное господину Громыко, заверив Вас, что его речи и поведение в период его пребывания при Нашем дворе были таковы, что заслужили Наше полное одобрение и уважение и были всецело и ревностно направлены на поддержание и улучшение отношений дружбы, которые счастливо существуют между Нашим Королевством и Союзом Советских Социалистических Республик, и чему мы придаем самое большое значение.

Дана при Нашем Дворе Сент-Джеймса в Шестой День Июля в Год Нашего Господства Тысяча Девятьсот Пятьдесят Третий, во Второй Год Нашего Царствования.

Ваш Добрый Друг

(подпись) Королева Елизавета.

Перевел: Цасев

А.Е. ФОМИНЫХ

**КНИГИ ОТЗЫВОВ АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ВЫСТАВКИ В МОСКВЕ 1959 ГОДА**

Американская национальная выставка 1959 г. в Москве, также известная как «выставка в Сокольниках» – по месту проведения, стала одним из наиболее ярких событий «хрущевской оттепели» и всей эпохи «холодной войны». Проведение этой выставки стало возможным благодаря советско-американскому договору о культурном сотрудничестве 1958 г., который предусматривал обмен экспозициями на паритетных условиях.

Первой 29 июня 1959 г. в здании «Колизей» на Коламбус-Сёркл в Нью-Йорке открылась выставка «Достижения СССР в области науки, техники и культуры». В канун первого международного визита Н.С. Хрущева в США для советского руководства было крайне важно сформировать в американском обществе образ Советского Союза как стремительно развивающегося государства, преодолевающего техническую отсталость от Запада и бросающего вызов американскому лидерству. Поэтому акцент был сделан на демонстрацию достижений СССР в развитии науки и техники. Поскольку речь шла о крайне дорогостоящих объектах, иногда существовавших в единственном экземпляре, то многие экспонаты были моделями и макетами реальных изделий – спутников, ракет, атомохода, синхротрона. Реальных образцов техники и промышленных товаров было не так много: несколько новейших станков, цветное телевидение, применяемое в хирургии, стереоприемники, легковые автомобили, тракторы и сельскохозяйственные машины. Легкая промышленность была представлена советской одеждой, модами, мехами и образцами продовольственных товаров¹. Оформлением экспозиции в Нью-Йорке занимался опытный советский дизайнер Константин Рождественский.

Организацией Американской национальной выставки в Москве занималось Информационное агентство США (USIA) и Департамент торговли. В отличие от своих советских коллег (и конкурентов) ключевой темой экспозиции они сделали повседневную жизнь в Соединенных Штатах. Выставка должна была показать *привычность* американцев к научно-техническим достижениям и культурным новациям, *массовость и доступность* товаров, считающихся в СССР предметами роскоши. На фоне, в общем-то, небогатой жизни большинства советских людей того времени, разрыв в уровне благосостояния населения между СССР и США был не просто очевиден – он буквально ошеломлял. Все это превращало экспозицию в мощный инструмент идеологического и психологического воздействия, которое в наши дни принято именовать «мягкой мощью» (*soft power*).

Открывал выставку в Сокольниках вице-президент США Ричард Никсон, в числе почетных гостей было высшее советское руководство во главе с Хрущевым. В историю советско-американского противостояния на идеологическом и культурном фронте выставка в Сокольниках вошла благодаря скоротечному и курьезному эпизоду вокруг беседы Хрущева и Никсона на «чудо-кухне» в полномасштабном макете американского дома. Довольно сумбурный и эмоциональный обмен двух политиков репликами по поводу истинного масштаба достижений друг друга получил название «кухонных дебатов». Также существует версия (ее автором является, видимо, личный переводчик Хрущева Виктор Суходрев), что именно на Американской выставке в Сокольниках советский лидер впервые обещал показать американцам загадочную «кузькину мать»².

Официальная реакция руководства СССР на выставку для устроителей Американской национальной выставки в Москве 1959 г. так и осталась закрытой, если не считать выпадов Хрущева в адрес Америки во время «кухонных дебатов» и серии критических комментариев в советской прессе. Основным же источником, из которого мы узнаем об опыте первого соприкосновения советских людей с Америкой, остаются личные воспоминания и интервью посетителей выставки. Будущий диссидент-«шестидесятник», а в 1959 г. – 18-летний посетитель Американской выставки в Сокольниках Владимир Садовников вспоминает: «Меня необыкновенно поразил высокий уровень зарплат американских рабочих и дешевизна

продовольственных товаров. Запомнилось: одной недели работы среднего американского рабочего достаточно для того, чтобы прокормить семью из четырех человек. В сравнении с нашей скудной жизнью американский уровень благосостояния представлялся каким-то сказочным изобилием. С высоты последующего житейского и исторического опыта совершенно очевидно, что американская выставка являлась блестяще проведенной идеологической акцией, которая умело и сильно преувеличивала социальные достижения капиталистического Запада и создавала достаточно одностороннее впечатление о нем. Но в контексте того времени она мощно подпитала прозападно-оппозиционные настроения и во многом предопределила основной (прозападный) вектор последующего диссидентского движения»³.

Одним из средств по изучению реакции советских граждан на Американскую выставку были книги отзывов – традиционная и привычная форма обратной связи организаторов и посетителей массовых мероприятий. Книги представляли собой обычные рабочие тетради (т.н. «амбарные книги»), закупленные на месте, в Москве. Эти книги сотрудники USIA, обслуживавшие выставку, разместили только на второй неделе работы выставки, когда среди посетителей стало меньше политически ангажированных партийных функционеров, которые, как стало известно устроителям, первыми получали билеты на мероприятие. Книги отзывов были размещены при каждом «корпоративном» стенде, кроме того, «единая» книга отзывов также находилась на выходе с выставки. Там же стояла специальная машина для голосования («понравилась» или «не понравилась» выставка). Работа с книгами отзывов являлась важной обязанностью американских русскоговорящих гидов выставки в Сокольниках. Речь шла не только о своевременной замене заполненных тетрадей новыми, но и о защите информации. Джон Р. Томас, автор аналитического доклада по результатам работы американских гидов на выставке, сообщал, что в конце каждого рабочего дня выставки сотрудники USIA изымали из книг листы с отзывами. Это делалось для того, чтобы исключить возможность их перлюстрации сотрудниками советских органов госбезопасности, и обеспечить защиту лиц, которые в своих комментариях могли выступать с критикой в адрес СССР и советского строя⁴. Помимо обычных записей, в книги отзывов также вклеивались отдельные записки, которые тайком передавались гидам, или даже обнаруживались в машине для голосования. Помимо записей на русском языке, в книгах присутствовали комментарии на английском, а также на языках союзных республик СССР: украинском, латышском, грузинском и др.

По завершении работы выставки в начале сентября 1959 г. книги отзывов были переданы специально сформированной группе переводчиков из аппарата USIA. Над переводом работали многие из 75 гидов, занятых до того на обслуживании выставки. Комментарии были также тщательно систематизированы и проанализированы. Согласно отчету USIA, позитивными можно считать более 65 % отзывов (для сравнения: в «машину» в итоге было подано около 85 % положительных голосов). Чаще всего упоминались пять тем: это американские автомобили, фотовыставка «Род человеческий», русскоговорящие гиды, цветное телевидение и «Циркарама» – панорамный кинотеатр, где на семи экранах, расположенных по кругу, демонстрировался диснеевский фильм «Путешествие на Запад» и происходила дегустация «Пепси-колы». Критиковали в основном недостаточную репрезентативность («мало промышленности», «мало науки» и т. п.), непонятное

широким массам абстрактное искусство. Иногда вызывала недовольство непривычная визуальная подача экспонатов. Люди также сетовали на слишком малый срок работы выставки и трудности с получением билетов, которые отпускались по квоте не более 50 тысяч в день, чего было явно недостаточно.

Организаторы выставки признавали, что около 2 тысяч письменных отзывов и до 15 тысяч поданных голосов представляли собой лишь малый фрагмент реакции советского населения, с учетом того, что выставку в течение 6 недель ее работы посетило более 2,7 млн человек!

История открытия книг отзывов Американской национальной выставки в Сокольниках 1959 г. представляет собой цепочку случайностей и совпадений. В числе американцев, работавших над переводом книг отзывов выставки в Сокольниках, был Михайло Елисавич (Jelisavcic). Серб по происхождению, до принятия американского гражданства в конце 1940-х гг. он был карьерным дипломатом на службе югославского короля, а в годы Второй мировой войны – летчиком Британских королевских ВВС в Северной Африке. В 1959 г. Елисавич, владевший русским языком, работал в Советском Союзе в качестве московского агента компании «Американ Экспресс» и участвовал в организации и проведении выставки в Сокольниках. Каким-то образом четыре подлинных книги отзывов с выставки оказались в его семейном архиве. Не исключено, что после публикации официального отчета Информационного агентства США с анализом результатов выставки книги отзывов оказались попросту невостребованными американским госаппаратом. Возможно также, что книги сочли утраченными еще в Москве. Так или иначе, в государственных архивах США оригинальных книг отзывов с комментариями советских посетителей Американской национальной выставки в Сокольниках нет. По этой причине практически все исторические, культурологические и социологические исследования, касающиеся той выставки и восприятия США в советском обществе (здесь следует особо отметить работы британской исследовательницы Сьюзан Рейд⁵) основываются на анализе доступных английских переводов комментариев.

Сын покойного Михайло Елисавичича – тоже Михайло (или Майкл) Елисавич, до выхода на пенсию также работал переводчиком с русского языка в Государственном департаменте США, в основном он имел дело с обменными программами для работников транспортной отрасли. От отца он унаследовал не только обширный архив, но и любовь к русскому языку, культуре и истории. Заочно познакомившись на одном из исторических форумов в Интернете, вот уже на протяжении 8 лет мы состоим с ним в дружеской переписке и изредка обмениваемся книгами и журналами, в основном по русской военной истории. Поэтому автор статьи не был удивлен, когда Майкл Елисавич пригласил его в гости в свой дом в Вирджинии во время пребывания в США на стажировке по Программе Фулбрайта. Совершенно случайно наш разговор коснулся истории его семьи, и, в числе прочих документов, Майкл продемонстрировал четыре тетради, заполненные автографами тысяч советских посетителей выставки в Москве в 1959 году. Подлинность этих книг не вызвала сомнений. В дальнейшем, уже в переписке мы обсуждали важность открытия этого исторического источника и необходимость его публикации, однако потребовалось почти два года, чтобы добиться согласия Майкла Елисавичича на оцифровку книг. Весной 2009 г. автор получил от Майкла электронные копии хорошего качества, снятые со всех четырех тетрадей.

Такие же копии Майкл планировал передать заинтересованным научно-исследовательским структурам в Вашингтоне, в частности, Центру Вудро Вильсона и Институту Гувера.

По счастливому стечению обстоятельств это небольшое открытие совпало с 50-летием Американской национальной выставки в Москве 1959 г. 9 июля 2009 г. Посольство США при участии компании «ПепсиКо» и Московского центра Карнеги провело конференцию «В поисках общего языка: значение обменных программ для развития российско-американских отношений», посвященную пятидесятилетней истории обменных программ со времен Американской выставки в Москве в 1959 году. Часть материалов из книг отзывов вошла в брошюру, опубликованную Отделом культуры Посольства США в Российской Федерации специально для этой конференции, и вышедшую с предисловием Посла Соединенных Штатов Америки в России господина Джона Байерли. Ниже приводятся расшифрованные выдержки из книг отзывов. Разумеется, эта подборка не может претендовать на пример объективного отражения реакции советских посетителей на американскую экспозицию: она может лишь дать представление о наиболее характерных настроениях комментаторов. Для воссоздания полной картины потребуется максимально полная расшифровка комментариев (в ряде случаев это сложно сделать, поскольку почерк не везде разборчив), их систематизация и анализ.

Синтаксис и орфография оригинала сохранены. Нумерация книг отражает хронологическую последовательность их заполнения, что прослеживается по датам. Нумерация страниц соответствует электронной версии копий книг отзывов (формат pdf).

(книга 1, с. 10)

Нам, двум москвичкам было очень интересно побывать на вашей выставке, где мы могли видеть объективное изображение американской жизни, т. к. тут представлена как и хорошая, так и «плохая» с нашей точки зрения американская действительность. Это особенно хорошо показано в павильоне «Род человеческий». Можно сказать о недостатках. Но главное – не в этом. Главное – эта выставка поможет нам лучше понимать друг друга. Обслуживающий персонал выставки очень приветливый и нам хочется пожелать им всем понять наш народ за время их пребывания в нашей Москве.

Передаем от нас большой привет американкам и молодым американцам.

Мир и дружба.

Long live the piece and friendship between American and Soviet peoples!!!

28/VII–59 год

Лиля и Наташа Шувакины

(книга 1, с. 11)

Выставка оставляет большое впечатление. Особенно впечатляет труд американских рабочих умеющих делать изумительные вещи. А вот искусство непонятно, а отдельные скульптуры просто возмутительны. Вряд ли они нравятся простым американцам... А вот автомобили сделаны здорово. Но простой и дешевой машины мы не увидели... А жаль.

28/VII Е. Корнев

(книга 1, с. 12)

Выставка очень понравилась. Я очень много слышал о вашей стране плохого. Но выставка показала другое. На вашу выставку невозможно достать билета, особенно приезжому. Билеты свободно не продаются.

28/VII

Я ветеран второй мировой войны. Как хорошо воевали наши страны. Как хочется чтобы мы так же хорошо начали дружить в мирном соревновании. От всей души хочется верить, что выставки и контакты руководителей наших стран в конце концов приведут наши страны к вечному миру и дружбе великих народов.

Американцы боритесь все за уничтожение войн навсегда.

Выставка хороша.

28.VII.59 г.

В.С. Иванников

(книга 1, с. 15)

Теперь я вижу, как будут в Европе жить через 50 лет.

Поклонник Бени Гудмена⁶

(книга 1, с. 20)

Считаю ненормальным, хочу послушать объяснения, а фокстрот все забивает по радио.

(книга 1, с. 30)

Выставка хорошая, и хотелось бы чтобы она была не последняя. Нам советским людям есть чему у вас учиться. У нас конечно тоже будет много товаров широко-го потребления и мы вас перегоним. Передайте привет американскому народу.

29.07.59

(книга 1, с. 31)

Выставка интересная. Хороши автомобили. Радиоэлектроника представлена слабо. Жигулевское пиво лучше, чем пепси-кола. Интересны подвесные лодочные моторы. Слабо представлена почему-то наука и изучение космоса, ведь мы считаем вашу страну передовой (после нашей).

А вообще кончайте с атомными испытаниями, ведь их вред вы почувствуете и на себе.

30.VII. 59

Б.

(книга 1, с. 31–32)

И это Америка? Страна Эдисона и других великих изобретателей? Какой-то «ширпотреб» – кастрюли, тряпки, клозетная бумага... Это и есть американский уровень жизни? Надо бы подняться выше этого клозетного уровня! Если верить этой выставке, то понятно, почему американцы отстают со спутниками.

Но мне думается, что «уровень» этой выставки – клевета на талантливый и трудолюбивый американский народ. Такая же неумная выдумка, как «неделя поработанных стран»⁷ или мелкая провокационная выходка г-на Никсона на Даниловском рынке в Москве.

Надо полагать, что организаторы выставки допустили ошибку, которую исправят на последующих выставках.

П. Корзинкин, Москва

(книга I, с. 42)

Когда я приехал в Москву я первым делом посетил американскую выставку, но мне не удалось взять билет, но благодаря своему спортивному мастерству я перемахнул 1,5 метровый забор. И вот я в мире чудес. Все здесь хорошо и удобно. Тут я понимаю, как нам нужна дружба. Я верю что американский народ не допустит войну. А СССР ни кому не навязывал войну. Я верю что я посетю США мне хочется увидится с американскими рабочими. Желая дальнейшей дружбы США и СССР.

Матрос – Дудин

(книга I, с. 48)

Когда осмотришь выставку США, то просто удивительно, как «великие люди мира сего» не понимают то, что ясно всем нам – простым людям: нужно жить в дружбе и торговать, торговать, обмениваться всем лучшим в области науки, техники, искусства.

Благо есть чем торговать и что показать и Вам и нам!

Гость из гор. Куйбышева

31.07.59

Инженер Д. Зинник

(книга I, с. 70)

В павильоне «Род человеческий» прелестна фотография, где семья фермера за ужином.

2/VIII Ю. Лебедев

*У вас неполностью представлен «американский образ жизни». Взять хотя бы отношение белых к неграм (**чего у нас не увидите?!**), далее трущобы Нью-Йорка так хорошо описанные Вуди Клейном⁸. Мне очень понравились ваши автомобили! Желаю вам дальнейшего процветания и успехов! Да здравствует мир между народами!*

2/VIII–59 г.

В. Харитонов

(книга I, с. 96)

4/VIII–59

Выставка не плохая. Но очень интересно, что сами гиды не могут объяснить вашей живописи. Когда мы спрашиваем, что художник хотел изобразить, они не знают. Говорят, что люди до этого еще не доросли или не доучились, чтобы понимать Ваше искусство.

Удивительно! Неужели можно изобретать и строить такие прекрасные машины и не понимать ваших художников. Я согласна с товарищем, который написал, что эти люди не совсем здравомыслящие.

(книга I, с. 103)

Я рабочий железобетонного завода проживающий Рязанское шоссе д. 4 кв. 23.

Поситил выставку. Мне очень понравилас Америка но мне все же не верится что они так живут. Когда я спросил у мириканца сигарету которая у нас

стоит 2 копейки он отказал видно кисло уних с куривом и я сделал вывод если уж курива нет у мириканца то и видно хлеба вволю не кушают.

(книга 1, записка вклеена на с. 118)

Посетив вашу выставку мы видим, что американский народ – свободолюбивый народ, добившийся хорошей жизни в своей стране. Американцы уничтожили монопольно высокие цены на все необходимые товары. Мы поздравляем американцев с такими достижениями, и желаем видеть свою страну освобожденной от диктатуры тупых и ограниченных людей. Только тогда мы сможем подняться до американского уровня, достигнуть такого же уровня культуры.

Остап Бендер
Киса Воробьянинов

(книга 2, с. 19)

Выставка колоссальная, но она во многом понятна для интеллектуального человека, а не для пассивного и наивного русского.

Литовец

Ваши легковые автомобили – это просто прелесть, это мечта! Особенно мне понравился автомобиль марки Шевроле – спортивный седан Импала.

Это оценка человека, который всю свою творческую и сознательную жизнь посвятил автомобильному транспорту, человеку который слушает шум мотора как мелодию Чайковского, человеку, который полюбил а/м [автомобиль – прим. ред.] как близкую подружку сердца.

(книга 2, с. 22)

7 августа 1959 г.

Мне выставка понравилась. Самое большое впечатление оставляют сами американцы: они очень просты, дружелюбны.

(книга 2, с. 25)

Мне очень понравились автомобили и чудо-кухня. Но не отражается жизнь простых людей. Доступно ли им все это?

Привет глухонемым американцам.

7/08.59 г.

(книга 2, с. 32)

Лично меня больше всего пленили детские вещи. Это очень удобно и красиво. Даже попыталась снять выкройку. Остальное тоже очень понравилось, но все, почти все, было в виде фотографий в журнале «Америка». Постарайтесь, уважаемые далекие друзья, с нами торговать. Это было бы замечательно.

Игнатычева
педагог и мать

(книга 2, с. 37)

Если бы я смог получить заграничный паспорт – я поехал бы на учебу в США.

Инженер-строитель

(книга 2, с. 42)

Американскому народу

Мне как ленинградцу было интересно осмотреть американскую выставку. Я как будто вновь как на Эльбе встретился с трудолюбивым талантливым американским народом. Нет места войне! Да здравствует мир на вечные времена для народов всей Земли. Надо соединить американскую деловитость с большевистским размахом и на поприще мирного соревнования добиться величайшей богатой жизни для всех. Привет американскому народу. Да здравствует Разум и Мир! Мир и мир. Жму вам руку. Конец.

8/VIII. 59 г.

Д. Матвеев

(книга 2, с. 43)

Выставка хорошая. Дай Бог здоровья Президенту Эйзенхауэру!

(книга 2, с. 47–48)

Я бывший офицер гвардейского танкового полка, который во время войны встретился на реке Эльбе, у г. Виттенберга с американскими войсками. Я был приглашен в гости в одну воинскую часть, где смотрел своеобразную выставку американского оружия. Сейчас я приехал из Ленинграда чтобы посмотреть выставку мирной продукции Америки. Мирные выставки гораздо лучше военных. Хочется пожелать американскому народу, чтобы впредь на любых рубежах мы встречались только с мирными намерениями. Как бывшему танкисту мне больше всего понравились автомобили. Иметь такую машину совсем не плохо, но вы с нами не торгуете. Сейчас я работаю врачом и желаю всему народу Америки, чтобы нам не пришлось вновь менять мирную профессию на военную.

(книга 2, с. 50)

Я – советский журналист, побывавший на вашей Национальной выставке, потрясен очень вашими экспонатами. Особое впечатление произвели на меня ваши автомобили, моды, картины, обувь и т. д. очень понравился мне ваш напиток дружбы «Peps-sola». Набор джазовых инструментов – это просто шедевр. Лучшего не может быть. Да, выставка очень интересна и замечательна. Хочется выразить уверенность, что в будущем вы представите нам еще более интересные экспонаты. Желаю вам всего хорошего в вашей жизни и работе.

С приветом,

8/VIII–59 г.

(книга 2, с. 52–53)

Мне желательно, чтобы у каждого предме[та] электрических кухонных приборов описывалось, что каждый из себя представляет, и для какой цели. А то я предметы мечтал видеть – видел, но что и для чего некоторые предназначены – без объяснения к им, для меня остался вопрос.

9.8.59, цирк[орама]

Чацкий Г.А.

(книга 2, с. 57)

Your country is our country in the future. I see your exhibition and I am very glad. Thank you. Good bye.

9.VIII.59 г.

Инженер

(книга 2, с. 60)

Соединенные Штаты – страна широкого спортивного рыболовства, между тем этот отдел на выставке очень бедный. Нас интересуют лески различной толщины и из различных материалов, – их нет. Нет и крючков, блесны большей частью морского типа. Вовсе не видно спиннингов и проч.

9/VIII. 59

Л. Повицкий

(книга 2, с. 76–77)

Осмотрев сегодня выставку, я пришла к выводу, что товарищи гиды неправильно отвечают на заданные вопросы. Задали вопрос. Сколько стоит пиджак, который на нем одет. Он ответил 25 долларов, это 250 р. на наши деньги. А такой пиджак у нас в СССР стоит не более 50–80 р. А на вопрос сколько стоит хороший шерстяной костюм ответил 50 долл. Где же логика. Гиды называют цифры, не думая о том, что мы разбираем что хорошее и что плохое. Чему какая должна быть цена. Не надо пускать пыль в глаза. Если наши рабочие будут носить такие костюмы, и жить в таких домах и пользоваться таким образом жизни, то от нашей зарплаты останется не 1/3 как у американских рабочих, а 2/3 денег. В таких костюмах которым цена 40 долларов у нас работают в поле, а не на выставке.

11/VIII–59 г.

(книга 2, с. 79)

Мое личное впечатление о выставке таково, что [вымарано: догоним Америку – прим. ред.] когда рак на горе свистнет.

11 августа

Михаил Цвилев

ИДИОТ [приписано следующим комментатором – прим. Ред.]

(книга 2, с. 80)

Нашей молодежи очень нравится наша страна, где есть подлинная свобода. В вашей стране все могут не только работать, но и прекрасно проводить свой отдых. К прискорбию нашей молодежи мы можем работать, но у нас очень мало развлечений. Танцы у нас в загоне. Нашей молодежи очень нравится ваш танец rock and roll, но у нас еще не разрешенный танцевать. Вашей молодежи можно позавидовать во всех отношениях.

Максимов И.М.

Прежде всего, меня возмутило впечатление от выставки, которое записал Михаил Цвилев. Таких как он у нас единицы. Это одурманенный стиляга, на которого подействовало большинство ваших безделушек. Так что не судите по его мнению. А вообще говоря выставка достаточно привлекательна. Есть кое-чему поучиться и позаимствовать. Давно пора торговать. Предыдущий товарищ оставил запись о том, что у нас якобы негде хорошо отдохнуть и у нас не разрешают танцевать rock and roll, но его почти никто и не хочет танцевать, так как это напоминает дикость. А отдыхать у нас есть куда пойти и поехать.

11/VIII–59 г.

Студент Сергей Кирпичников

Примечания

¹ Правда, 29 июня 1959 г. Цит. по: Жирнов Е. «Нормальный человек не может изобразить женщину в таком виде!» // Власть. № 31(584) от 09.08.2004 (<http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=495875>).

² Любопытно, что сам В. Суходрев при посещении выставки Н. С. Хрущевым не присутствовал. См.: Суходрев В. Не все золото, что молчит (<http://www.peoples.ru/state/citizen/suhodrev/>).

³ Садовников В. Записки шестидесятника. От мордовских лагерей до расстрела Белого дома (<http://www.hrono.info/statii/2004/sad01.html>).

⁴ John R. Thomas. Report on Service with the American Exhibition in Moscow. March 15, 1960.

California: The Rand Corporation. P. 17 (<http://www.rand.org/pubs/papers/2008/P1859.pdf>).

⁵ См. напр.: Susan E. Reid Who Will Beat Whom?: Soviet Popular Reception of the American National Exhibition in Moscow, 1959 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. V. 9. N. 4. Fall 2008. P. 855–904.

⁶ Бенни Гудмен (полное имя Бенджамин Дэвид Гудмен, англ. Benjamin David Goodman, 1909–1986) – американский джазовый музыкант (кларнетист), композитор и дирижер, при жизни названный «Королем свинга», в 1950-х гг. – один из кумиров советских «стиляг».

⁷ «Неделя порабожденных народов» – комплекс мероприятий, с 1953 г. ежегодно проводящихся в США в третью неделю июля с целью привлечения общественного внимания к проблемам «порабоженных народов, находящихся под контролем коммунистических режимов». В июле 1959 г. в канун открытия Американской выставки в Москве эти мероприятия приобрели официальный статус после принятия соответствующей резолюции Конгресса и одобрения президента США Д. Эйзенхауэра.

⁸ Возможно, имеется в виду нашумевшая книга американского фотохудожника Уильяма Кляйна (William Klein) «Нью-Йорк» (1956) – фоторепортаж с городских улиц, изобилующий шокирующими и агрессивными сценами. Неоднократно изданный за пределами США и получивший немало профессиональных наград, фотоальбом так и не был опубликован в самих Соединенных Штатах.

Е.В. КОЛЕСОВА, А.А. ТЮЛЬКИНА

**НЕКОТОРЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПОЗИЦИИ СССР
НАКАНУНЕ И НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЫ 1950–1953 ГГ.**

25 июня 2010 года мировая общественность будет отмечать шестидесятилетие со дня начала корейской войны 1950–1953 гг. – первого вооруженного конфликта периода «холодной войны».

Хотя исследователи называют корейскую войну как «самую известную из всех засекреченных войн», работы А.В. Воронцова, Б. Славинского, А.В. Торкунова, А.С. Орлова, И.М. Попова и других авторов свидетельствуют о том, что история корейской войны до сих пор вызывает среди российских и зарубежных ученых острые дискуссии, а разброс мнений и оценок, порой противоречащих друг другу, необычайно широк¹.

Важным фактором, поддерживающим научный интерес к исследованию корейской войны, стала возможность для ученых ознакомиться с ранее неизвестными источниками из российских архивов, доступ к которым был закрыт или резко ограничен с начала конфликта. Окончание «холодной войны» и распад Советского Союза способствовали тому, что в 1990-е годы часть архивных материалов, связанных с драматическими событиями на Корейском полуострове, была рассекречена и открыта для исследователей.

Документы по Корейской войне 1950–1953 гг. находятся в нескольких российских архивах. Это – Архив внешней политики России (АВПР), Архив Президента РФ (АП РФ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Основная часть ранее засекреченных документов из АП РФ и АВПР впервые была введена в широкий научный оборот в книге А.В. Торкунова

«Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 гг.», опубликованной в 2000 году. А.В. Торкунов, академик РАН, ректор МГИМО–Университет, является ведущим специалистом по Корейской войне 1950–1953 гг. Использование ранее закрытых документов из АП РФ позволило ему более объективно и полно осветить различные аспекты корейской войны, в том числе по новому взглянуть на роль СССР в возникновении конфликта. К сожалению, доступ в АП РФ пока ограничен для основной массы исследователей.

Авторы данного обзора имели возможность ознакомиться с некоторыми документами по корейской войне, хранящимися в 82 фонде РГАСПИ. 82 фонд – это фонд наркома и министра иностранных дел СССР (1939–1949, 1953–1956 гг.) В.М. Молотова. В фонде хранятся документы Министерства иностранных дел, связанные с различными аспектами внешней политики СССР. Опись 2 содержит материалы, касающиеся корейской войны 1950–1953 гг. и советской политики по корейскому вопросу.

Материалы описи можно разделить на две группы. Первая группа включает официальные документы: дипломатическую переписку, заявление заместителя министра иностранных дел А.А. Громыко в связи с принятием Советом Безопасности ООН резолюции по Корее 27 июня 1950 г.; справки о командировании советских специалистов в КНДР, проекты обращений и мероприятий антиамериканской направленности и другие документы. Эти материалы позволяют проследить позицию советского руководства на корейскую проблему в период осень 1949 – зима 1951 гг.

Первым по хронологии документом из этой группы является директива советскому послу в КНДР Т.Ф. Штыкову (см. документ 1). Как видно из текста, в августе–сентябре 1949 г. происходили встречи северокорейского руководства с представителями советского посольства. На этих встречах Ким Ир Сен поставил вопрос о наступлении Корейской народной армии (КНА) на Юг Кореи и объединении страны военным путем. В случае запрета советских руководителей на проведение масштабной операции силами КНА он хотел получить разрешение на захват полуострова Онда.

Однако Сталин и Политбюро ЦК ВКП (б) посчитали проведение общего наступления на Юг нецелесообразным по ряду причин:

1. Северокорейская армия находится в стадии формирования и не готова к наступлению с военной точки зрения.
2. Северная Корея не имеет широкой народной поддержки на Юге, партизанское движение здесь развито недостаточно, трудно рассчитывать на его помощь.
3. Наступление КНА даст США повод обвинить КНДР в агрессии, что может повлечь ввод американских войск в Южную Корею.

Сталин не поддержал и частную операцию по захвату Онда полуострова. В директиве указывалось, что северокорейское руководство «использовало далеко не все возможности в борьбе за мирное объединение страны».

Таким образом, для советской политики по корейскому вопросу в начале осени 1949 года были характерны прагматизм и трезвость. Советское руководство в этот период придерживалось курса на сохранение сложившегося геополитического баланса на Корейском полуострове. В то же время, как свидетельствует директива, Москва в принципе не отвергала идею насильственного объединения Кореи. Она считала ее на тот момент «нецелесообразной и несвоевременной».

К сожалению, в описи отсутствуют документы, позволяющие проследить изменение позиции советского лидера с конца 1949 г. по 25 июня 1950 г. и выделить факторы, которые склонили Сталина поддержать Ким Ир Сена в его стремлении объединить Корею военным путем.

Имеющиеся в описи материалы содержат две версии возникновения корейской войны 1950–1953 гг. и степени виновности КНДР и РК в ее развязывании. Одна из них изложена в телеграмме советского посла в Корею Т.Ф. Штыкова Министерству внутренних дел СССР (см. документ 2). Она передавала текст официального сообщения Министерства внутренних дел КНДР от 25 июня 1950 г., где утверждалось, что войска Южной Кореи начали внезапное наступление на КНДР по всей линии 38 параллели, «войска республики оказывают упорное сопротивление противнику».

Версию об агрессии со стороны Северной Кореи, ее виновности в развязывании вооруженного конфликта содержит телефонограмма со срочным сообщением ТАСС от 25 июня 1950 года (см. документ 3). Со ссылкой на парижское радио и японское агентство «Киото» ТАСС сообщало, что «вооруженные силы Северной Кореи начали наступление в 5 часов утра по местному времени по всей 38 параллели».

В связи с начавшимся вооруженным конфликтом на Корейском полуострове Совет Безопасности ООН 25 и 27 июня 1950 г. принял резолюции. Они признали КНДР агрессором и стали основанием для американской поддержки южнокорейских войск. Советский Союз поддержал официальную версию северокорейских властей и защищал КНДР политическими и пропагандистскими средствами. В материалах описи хранится «Заявление заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко об американской вооруженной агрессии в Корею» (см. документ 4). Судя по содержанию, это – первоначальный вариант «Заявления», опубликованного в советской прессе четвертого июля 1950 года². В нем сформулированы основные тезисы советской пропаганды, получившие развитие в последующей политико-пропагандистской деятельности СССР. А именно, 25 июня произошло вторжение южнокорейских войск в пределы КНДР; ответственность за это несут США; СССР осуждает вооруженное вмешательство во внутренние дела Кореи. Характер конфликта на Корейском полуострове определялся как справедливая освободительная война корейского народа против незаконной вооруженной интервенции американских империалистов (см. документы 4, 7).

Представление о позиции Сталина и его окружения в корейском вопросе зимой 1951 г. дают секретные инструкции советскому послу (см. документ 5). Они свидетельствуют, что в руководящих кругах КНДР в январе 1951 г. отсутствовало единство мнений в оценке военно-политической ситуации, часть северокорейского руководства уже с октября 1950 г. склонялось к мирным переговорам. Но, как заявил министр иностранных дел КНДР Пак Хен Ен, «если Советский Союз и Китай считают продолжение войны полезным», то корейцы будут воевать дальше.

Таким образом, содержание инструкции косвенно свидетельствует, что в 1951 году Сталин был заинтересован в продолжении войны, которая сковывала военные и политические силы США. Судьба самой Кореи мало интересовала советского лидера, национальные интересы корейского народа игнорировались. Советское руководство продолжало утверждать, что Корея воюет за свои интересы, а СССР лишь помогает в борьбе за освобождение.

Вторую группу источников, которые хранятся в описи 2 фонда В.М. Молотова, составляют сообщения ТАСС и переводы из иностранной прессы.

С начала конфликта в Министерстве иностранных дел велась работа по подбору и анализу прессы, в которой освещалась реакция государств на события в Корее 1950–1952 гг. Основная тематика отобранного материала посвящена определению виновника конфликта, его характеру, роли СССР и США в корейской войне. Подборки зарубежной прессы демонстрируют, что мировая общественность считала виновником вооруженного конфликта Северную Корею, за спиной которой стоял Советский Союз. Обзор международного мнения свидетельствовал о широком одобрении действий Совета Безопасности ООН за исключение стран с коммунистическими режимами и некоторых арабских государств (см. документ 6). В сложившейся политической ситуации советскому руководству было необходимо организовать информационную поддержку КНДР и дистанцироваться от конфликта в глазах мировой общественности.

После принятия Советом Безопасности ООН 27 июня 1950 года резолюции по Корее в советских СМИ корейская война стала изображаться как агрессия американского империализма. Антиамериканская тематика в освещении корейской войны в основном сводилась к нескольким утверждениям. Во-первых, нападение на КНДР «было осуществлено с одобрения и под руководством американских хозяев в Южной Корее»³. Во-вторых, чтобы спасти реакционный марионеточный режим Ли Сын Мана, США прибегли к открытой интервенции в Корее. Советские и северокорейские СМИ формировали образ США как «поджигателя новой мировой войны». В материалах описи находятся тексты обращений, подготовленные для печати от имени советских профсоюзов и содержащие редакторские правки. Чтобы усилить у читателей негативное восприятие США и его политики выражение «наглая агрессия американского империализма» было заменено эпитетом «кровавая агрессия» (см. документ 8). В-третьих, советские СМИ обвиняли США в нарушении Женевского протокола 1925 года, запрещающего применять на войне газы и бактериологические средства, и Женевских соглашений 1949 года об обращении с военнопленными⁴. Ярким свидетельством ведения информационной войны служит проект организации мероприятий по обвинению США в применении бактериологического оружия (см. документ 9).

В противоположность американской агрессивной политике в Корее советская внешняя политика пропагандировалась как мирная, основанная на традиционном принципе невмешательства. Поэтому в тексте обращений значительное внимание уделяется «солидарности советских трудящихся с борющимся народом Северной Кореи» и протестам против «агрессии американского империализма».

Документы

1. Директива послу СССР в Корее

Проект

Секретно

Вам необходимо встретиться с Ким Ир-Сеном и Пак Хе-Неном и сообщить им следующее:

«В связи с поставленными Вами вопросами в беседе 12 августа с.г. и Вашей просьбой, высказанной через Вашего секретаря 3.IX.–49 г. сообщаю Вам наше мнение по затронутым вопросам.

По первому вопросу – о проведении общего наступления на Юг Кореи.

Начинать общее наступление Народной Армии на Юг страны в нынешней обстановке нецелесообразно и несвоевременно по следующим причинам.

Во-первых, такое наступление по инициативе Правительства К.Н.Д.Р. может быть использовано реакцией для обвинения правительства в глазах общественно-го мнения в агрессивных намерениях и желании втянуть страну в войну.

Во-вторых, прежде чем принимать решение о необходимости начать борьбу за объединение страны вооруженным путем, следует взвесить все обстоятельства, с которыми пришлось бы столкнуться. Для того, чтобы начинать такое серьезное мероприятие, нужно быть полностью уверенным в успехе. Между тем, в данной обстановке рассчитывать на успех вряд ли возможно.

С одной стороны, на юге недостаточно подготовлена почва в народе для такого наступления и неизвестно, как широко может подняться народ в Южной Корее на поддержку Народной армии. Следует учесть, что партизанское движение развито недостаточно, а следовательно, трудно рассчитывать на существенную помощь партизан Южной Кореи.

Кроме того, надо учитывать, что южане имеют сухопутную армию, численно превышающую Народную армию. К тому же они имеют морской флот. Южно-корейская армия хотя и слабо подготовленная в военном отношении, однако, учитывая ее нынешний социальный состав, можно считать, что она будет оказывать сильное сопротивление Народной армии.

С другой стороны, Народная армия, хотя и лучше в военном отношении подготовлена и оснащена танками и самолетами, имеет высокое политико-моральное состояние, однако она численно меньше по сравнению с южной армией и к тому же не имеет морского флота. Следовательно, выполнить такую большую задачу она одна, по нашему мнению, не в состоянии. Следует также учесть, что Народная армия еще не закончила проводимые мероприятия, как-то: мех. бригада не обеспечена полностью техникой, не закончено формирование авиадивизии, а летного состава совершенно недостаточно.

В-третьих, наступление Народной армии на юг может дать повод американцам поставить вопрос на сессии ООН, обвинить в агрессивности правительство К.Н.Д.Р. и добиться от Генеральной Ассамблеи согласия на ввод в Южную Корею американских войск. Ввод же американских войск на территорию Южной Кореи может повлечь за собой длительную оккупацию южной части страны, а следовательно, и затяжку объединения [Кореи].

По второму вопросу. О проведении частной операции по захвату Ондинского полуострова.

Мы считаем, что в нынешней обстановке проводить такую операцию тоже нецелесообразно. Наступление Народной армии на Ондинский полуостров неизбежно вызовет со стороны южан контрмеры и эта операция поведет к началу военных действий в широком масштабе.

По третьему вопросу. О партизанском движении.

К высказанным Вами по этому вопросу соображениям, мы относимся положительно, и Вам следует этому движению оказывать содействие и развивать его. Такое движение будет расшатывать существующий режим в Южной Корее и может вынудить южно-корейское правительство пойти на обсуждение предложений

о мирном объединении страны, или может создать условия вообще для свержения этого правительства.

Вам следует обратить внимание Ким Ир-Сена и Пак Хе-Нена на то обстоятельство, что они использовали далеко не все возможности в борьбе за мирное объединение страны, что такой важный и политически выигрышный для них документ, как обращение Отечественного Фронта о мирном объединении страны, не был ими использован в полной мере для подъема широкого движения народа за осуществление этого объединения. Им следовало бы сейчас особенно в связи с предстоящим обсуждением корейского вопроса в ООН организовать такое движение как на Севере, так и на Юге страны.

А. Г. 1949.
(РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1267. Л. 11–13.)

2. Клерная телеграмма из Пхеньяна

Товарищу Громыко А.А.

Передаю сообщение Министерства внутренних дел, сделанное по радио 25 июня 1950 года.

«Сообщение Министерства внутренних дел КНДР.

25 июня с.г. рано утром войска так называемой армии национальной обороны марионеточного правительства Южной Кореи начали внезапное наступление на территорию Северной Кореи по всей линии 38 параллели. Противник, начавший внезапное наступление, вторгся на территорию Северной Кореи на глубину от одного до двух километров севернее 38 параллели в районе западнее Хядю и в районах Кымчон и Чявон.

Министерство внутренних дел КНДР отдало приказ охранным отрядам отбить атаки противника, вторгшегося на территорию Северной Кореи. В настоящий момент охранные войска Республики оказывают упорное сопротивление противнику. Охранные отряды Республики отбили атаки противника, вторгшегося на территорию Северной Кореи в районе Яняна. Правительство КНДР поручило Министерству внутренних дел Республики предупредить власти марионеточного правительства Южной Кореи, что в случае, если они немедленно не прекратят свои авантюристические военные действия в районах севернее 38 параллели, будут приняты решительные меры для подавления противника, что они будут нести полную ответственность за все серьезные последствия этих авантюристических военных действий».

Передала – Чичкова.

Приняла – Кирсанова.

Верно: Штыков В.

(РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1267. Л. 37.)

3. Телефонограмма

Из с-та тов. Вышинского 25 июня 1950 года

12 ч. 10 мин.

Срочное сообщение ТАСС

Парижское радио сообщает, что по всей границе между Южной и Северной Кореей начались военные действия.

Парижское радио ссылается на сообщение японского агентства «Киото», в котором говорится, что вооруженные силы Северной Кореи начали наступление в 5 часов утра по местному времени по всей 38 параллели.

Штаб южно-корейской армии сообщил, что эти атаки были отбиты, бои продолжаются.

Парижское радио сообщило о заявлении Госдепартамента США, в котором говорится, что правительство США потребовало созыва Совета Безопасности и обсуждения положения в Корее.

Представитель американского департамента настаивает на том, чтобы это заседание Совета Безопасности состоялось сегодня во второй половине дня.

Передал по телефону из ТАСС
ответственный дежурный.

Передала – Софронова

Приняла – Родионова

Верно: Туманцев

Разослано

товарищам Сталину, Молотову, Маленкову, Берия, Микояну, Кагановичу, Булганину.

(РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1267. Л. 25.)

4. Заявление заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко

Об американской вооруженной интервенции в Корее.

/Извлечения/

Происходящие в Корее события, возникшие в результате провокационного нападения 25 июня войск южно-корейских властей на приграничные районы корейской народно-демократической республики, привлекают внимание народов всего мира. Сейчас нетрудно понять. Каковы замыслы южно-корейского марионеточного режима Ли Сын Манна и тех, кто стоит за его спиной.

Первые же дни происходящей в Корее борьбы показали. Что события развиваются не в пользу властей Южной Кореи. Корейская народно-демократическая Республика достигла успехов в борьбе против вооруженной американской техники и находящихся под руководством американских военных советников южно-корейских войск. В результате этого освобождены многие населенные пункты южнее 38 параллели, а также столица Кореи – Сеул.

Когда стало ясным, что рушится реакционный террористический режим Ли Сын Манна, никогда не пользовавшийся поддержкой корейского народа, правительство Соединенных Штатов прибегло к открытой интервенции в Корее, дав приказ своим военно-воздушным, военно-морским, а затем и сухопутным силам выступить на стороне южно-корейских властей против корейского народа. Тем самым правительство Соединенных Штатов стало на путь неприкрытого вмешательства во внутренние дела Кореи, на путь вооруженной интервенции в Корее.

Правительство Соединенных Штатов и президент Трумен пытаются оправдать эти действия против Кореи ссылками на то, что будто бы они предприняты по поручению Совета Безопасности. Фальшь такого утверждения бьет в глаза.

Что произошло в действительности? Известно, что правительство Соединенных Штатов приняло решение о вооруженной интервенции в Корее и уже приступило к ее осуществлению, не дожидаясь созыва заседания Совета Безопасности

27 июня. Представитель Соединенных Штатов на указанном заседании лишь информировал присутствовавших на этом заседании членов Совета Безопасности о военных мероприятиях, уже начатых правительством США в Корее, поставив, таким образом, Организацию Объединенных Наций перед совершившимся фактом. Совет Безопасности лишь неуклюже проштемпелевал предложенную правительством США резолюцию, одобряющую предпринятые этим правительством агрессивные действия. При этом американская резолюция была принята Советом Безопасности с грубым нарушением Устава Организации Объединенных Наций.

Согласно статье 27 Устава ООН все решения Совета Безопасности по важным вопросам должны приниматься не менее чем семью голосами, включая голоса всех пяти постоянных членов Совета Безопасности, т. е. Советского Союза, Китая, США, Великобритании и Франции.

Между тем, американская резолюция, одобряющая военную интервенцию США в Корее, была принята только шестью голосами – США, Англии, Франции, Норвегии, Кубы, Эквадора. В качестве седьмого голоса за эту резолюцию засчитали голос гоминдановца Цзян Тин-фу, незаконно занимающего в Совете Безопасности место Китая.

Кроме того, на заседании Совета Безопасности 27 июня из пяти постоянных членов Совета присутствовало только три – США, Англия и Франция. На заседании Совета не присутствовали два других постоянных члена Совета Безопасности – СССР и Китай, так как враждебная китайскому народу позиция правительства США лишает Китай возможности иметь своего законного представителя в Совете Безопасности, что сделало невозможным и участие Советского Союза в заседаниях Совета.

Таким образом, ни одно из двух требований Устава ООН в отношении порядка принятия решений Советом Безопасности не было выполнено на заседании 27 июня, что лишает принятую на этом заседании резолюцию какой-либо законной силы.

...Это стало возможным только потому, что беззастенчивое давление правительства США на членов Совета Безопасности превратило Организацию Объединенных Наций в какой-то филиал Государственного Департамента США, в послушное орудие политики американских правящих кругов.

...правительство США пытается изобразить предпринятые им военные действия против корейского народа как «полицейские меры», якобы соответствующие Уставу Объединенных Наций. Нетрудно понять абсурдность подобного утверждения. Одним из основных принципов Объединенных Наций является принцип невмешательства во внутренние дела государств. Между тем, действия Соединенных Штатов в Корее представляют собой неприкрытое вмешательство во внутренние дела корейского народа, борющегося за сохранение единства своей страны, за ее национальную независимость и национальную свободу.

В действительности же вторжение американских вооруженных сил в Корею представляет собой открытую войну против Кореи, имеющую цель лишить ее национальной независимости, не допустить создания в Корее единого демократического государства и насильственно установить там антинародный режим, который позволил бы правящим кругам Соединенных Штатов превратить Корею в свою колонию и использовать ее территорию в качестве военно-стратегического плацдарма на Дальнем Востоке.

Ясно, что подобная политика правительства Соединенных Штатов не имеет ничего общего с интересами поддержания и укрепления международного мира

и является глубоко реакционной и империалистической по своему существу. Такая политика правительства США навязана враждебна коренным национальным интересам не только корейского народа, но и других народов Азии, борющихся за свое национальное освобождение, за независимость.

...Советское правительство уже выразило свое отношение к проводимой правительством Соединенных Штатов политике грубого вмешательства во внутренние дела Кореи в своем ответе от 29 июня на заявление правительства Соединенных Штатов от 27 июня. Оно придерживается своего традиционного принципа невмешательства во внутренние дела других государств и считает преступным вооруженное вмешательство во внутренние дела Кореи.

(РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1269. Л. 14–19.)

5. Северная Корея

Сов. секретно

Совпосол

В своей телеграмме № 71 Вы сообщили, со слов Пак Хен Ена, о его беседе с Пын Дэ Хуэем в ставке объединенного штаба. Ваша информация ограничивалась простой передачей высказываний Пын Дэ Хуэя со слов его собеседника. Что же касается высказываний самого Пак Хен Ена, то Вы, видимо, не заинтересовались этой стороной дела и ничего не сообщили об этом. Вы и тут ограничились лишь повторением слов Пак Хен Ена, будто он заявил Пын Дэ Хуэю, что Политсовет «предостерег партию против иллюзий в отношении переговоров о перемирии и призвал быть готовыми к продолжению борьбы». Вы не заинтересовались при этом, почему это сделано политсоветом и, вообще, не захотели вникнуть в смысл сказанного Пак Хен Еном.

Между тем, по сведениям, полученным из другого источника, дело обстояло совершенно не так, как Вы это излагаете со слов Пака. Мы имеем сведения, что Пак Хен Ен во время своего пребывания в ставке 15–16 января, говорил о тяжелом положении корейского народа, заявив при этом, что корейский народ хочет мира и не хочет в дальнейшем вести войну. Он добавил, что корейцы будут вести войну дальше, если Советский Союз и Китай считают продолжение войны полезным. Есть основания считать, что Пын Дэ Хуэй дал отпор Пак Хен Ену, заявив, что Корея воюет за свои интересы, а Советский Союз и Китай лишь помогают в борьбе за освобождение Кореи.

С другой стороны, есть основания считать, что высказывания Пак Хен Ена не являются случайностью, так как уже в октябре 1950 г. он допускал подобные высказывания. Из этого так же следует, что в руководящих кругах Трудовой партии нет должного единства мнений в оценке ведущейся войны.

Из приведенной информации видно, что Пак Хен Ен не сообщил Вам действительное содержание своей беседы в ставке, а Вы отнеслись к своим обязанностям несерьезно.

Изложенное выше показывает, что Вы подошли к сообщению Пак Хен Ена некритически, положившись целиком на его слова... Вы вообще плохо осведомлены о действительных настроениях в корейских руководящих кругах, не вникаете в это важное дело и не даете центру необходимой информации по таким вопросам. Для советского посла в Корее такое отношение к своим политическим обязанностям совершенно недопустимо. Учтите это на будущее.

В связи с изложенным выше Вам следует встретиться с Ким Ир Сенем и в тактичной и осторожной форме поинтересоваться, как оценивают в руководящих корейских кругах теперешнее положение в Корее, существует ли у них единство во взглядах и постараться выяснить имеющиеся различия в оценке положения и в намечаемых мероприятиях. Ким Ир Сене не следует, однако, сообщать приведенные выше данные относительно Пак Хен Ена.

(РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1274. Л. 17–18.)

6. Телеграмма

Лейк-Саксесс Перевод с английского

6 июля 1950 г. В информационный центр ООН в Москве

Для Вашего сведения. Изучение ответов, поддерживающих резолюцию, общее число которых достигает более 40, показывает, что их характер варьируется в зависимости от государства, поскольку резолюция от 27 июня носила форму рекомендации, а не форму приказа.

Некоторые ответы содержат конкретные предложения помощи, например, военно-воздушные силы; другие заявляют о решении оказать поддержку в пределах их возможностей; третьи изъявляют желание либо поддержать рассматриваемые меры, либо выполнить обязательства, возлагаемые Уставом ООН; четвертые предлагают моральную поддержку.

Сведения, полученные Обзором международного мнения, свидетельствуют о широком одобрении действий Совета Безопасности, за исключением СССР, стран Центральной Восточной Европы, Северной Кореи, Пекинского Китая и некоторых арабских государств. В некоторых из этих стран пресса указывает, что Совет Безопасности принял незаконное решение под давлением США. Следующее заседание Совета Безопасности состоится в пятницу 7 июля. Большинство делегатов твердо стоят за изыскание каких-либо методов или создания механизма Совета Безопасности, способного координировать военную, экономическую и другую предлагаемую помощь. Заявление Громыко не было официально получено.

Перевела – Кольцова

Разослано товарищам: Сталину, Молотову, Маленкову, Берия, Микояну, Кагановичу, Булганину.

(РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1270. Л. 7–8.)

7. Телеграмма

Из Пхеньяна

15 августа 1950 г.

Москва

Министру иностранных дел

Союза Советских Социалистических Республик
Господину А.Я. Вышинскому

Уважаемый господин министр,

по случаю пятой годовщины освобождения Советской Армией нашего народа от ига японского империализма позвольте мне выразить Вам самые горячие поздравления и пожелания.

Корейский народ никогда не забудет о том, как героическая Красная Армия, выполняя свою священную освободительную миссию, разгромила японских захватчиков, принесла нашему народу свободу, счастье и оказала бескорыстную братскую помощь в экономическом и культурном развитии.

Корейский народ ведет справедливую освободительную войну против незаконной вооруженной интервенции американских империалистов и, опираясь на мощную дружественную поддержку всего человечества, одерживает блестящие победы. Корейский народ, поднявшийся на священную войну за честь и свободу своей родины против американской агрессии, уверен в окончательной победе своего правого дела.

В этот славный день желаю Вам и советскому народу дальнейших успехов в борьбе за мир и демократию во всем мире.

Министр иностранных дел
Корейской Народно-Демократической Республики
Пак Хен Ен.

Верно

Разослано товарищам Сталину, Молотову, Маленкову, Берия, Микояну, Кагановичу, Булганину, Хрущеву.

(РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1266. Л. 52.)

8. Обращение Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов ко всем членам профессиональных союзов, ко всем трудящимся Советского Союза

/Извлечение/

Дорогие товарищи! Корейский народ с оружием в руках мужественно борется против американских агрессоров за свободу, единство и национальную независимость своей родины. Вооруженные силы Соединенных Штатов Америки подвергают бомбардировке города и села, несут смерть мирному населению Кореи. Поджигатели войны угрожают применить против корейского народа атомную бомбу. Все прогрессивное человечество возмущено наглой (зачеркнуто и заменено на «кровавой» – Е.В.К.) агрессией американского империализма, которая является серьезной угрозой всеобщему миру и безопасности народов. Миллионы людей во всем мире поднимают гневный голос протеста против американской вооруженной интервенции в Корею и требуют обуздания агрессоров.

(РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1266. Л. 49.)

9. План мероприятий в связи с применением Соединенными Штатами бактериологического оружия в Корею.

1. Через советских представителей в Бюро Всемирного Совета Мира т.т. Тихонова, Фадеева и Эренбурга поставить вопрос о том, чтобы Всемирный Совет Мира поддержал протест Китайского комитета защиты мира против применения американцами бактериологического оружия в Корею и призвал все национальные комитеты сторонников мира поддержать этот протест /до 3 марта/.

2. После опубликования заявления Всемирного Совета Мира Советскому комитету защиты мира выступить с протестом против применения американцами бактериологического оружия в Корею /4–6 марта/.

3. Антифашистскому комитету советских женщин, антифашистскому комитету советской молодежи опубликовать заявления, осуждающие применение американцами бактериологического оружия в Корею /6–7 марта/.

4. Через советских представителей в Международной демократической федерации женщин и Всемирной федерации демократической молодежи поставить вопрос о том, чтобы эти организации выступили с протестами против применения американцами бактериологического оружия в Корее и призвали национальные комитеты женщин и молодежи, входящие в эти федерации, выступить также с протестами по этому вопросу /5–7 марта/.

5. Президиуму Академии наук СССР совместно с рядом видных советских ученых выступить с заявлениями, осуждающими применение американцами бактериологического оружия в Корее /8–10 марта/.

6. Направить от имени правительства СССР правительству США ноту протеста в связи с применением американцами бактериологического оружия в Корее /6 марта/.

7. Редакциям газет «Правда», «Известия», «Труд» и «Красная Звезда» опубликовать специальные статьи, а также заявления видных советских писателей, деятелей науки и деятелей искусства в связи с применением американцами бактериологического оружия в Корее /1–15 марта/.

8. Комитету радиовещания передавать на границу основные публикуемые в советской печати материалы по этому вопросу.

(РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1273. Л. 25–26.)

Примечания

¹ Война в Корее 1950–1953 гг.: Взгляд через 50 лет. Материалы международной научно-теоретической конференции. Москва. 23 июня 2001 г. М.: РОО «Первое марта», 2001.

² Заявление заместителя иностранных дел СССР А.А. Громыко об американской вооруженной агрессии в Корее // Борьба КПСС за восстановление и развитие народного хозяйства в послевоенный период. М., 1961. С. 279–285.

³ ТАСС. Как подготавливалась агрессия против Корейской Народно-Демократической Республики. Показания южнокорейских военнопленных. От 3 июля 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1267. Л. 96–98.

⁴ План мероприятий в связи с применением Соединенными штатами бактериологического оружия в Корее // Там же. Д. 1273. Л. 25–26; ТАСС. Американские войска убивают военнопленных // Там же. Д. 1271. Л. 48.

К 65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Ю.Ю. ЦЫКИНА

ИСТОРИЯ ОДНОЙ НАГРАДЫ

Великая Отечественная война стала тяжким испытанием для всего советского народа, в том числе и для деятелей марийской музыкальной культуры. Среди творческих коллективов, оставивших яркий след в истории марийской музыки в эти тяжелые годы, следует назвать концертную бригаду под управлением П.С. Тойдемара, в составе которой были певцы В. Смирнова, М.А. Мыльников, сестры Крыжовы, Г. Новожилова; танцоры Е.Н. Данилова, О. Кудрявцева, З. Казакова, Ю. Карелин; конферансье К. Сибиряк, аккомпаниатор-баянист К.Р. Гейст.

С февраля 1943 года по июль 1945 г. коллектив обслуживал бойцов на территории от Белого до Черного моря, побывав на Карельском, Центральном, Западном, Брянском и 3-м Украинском фронте. Всего за это время было дано свыше 1000 концертов и обслужено около полумиллиона зрителей-бойцов и офицеров Красной Армии. Все артисты бригады П.С. Тойдемара были удостоены Почетной грамоты Президиума Верховного Совета Марийской АССР, награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне в 1941–1945 годах». Однако для некоторых артистов бригады П.С. Тойдемара получение правительственной награды было сопряжено с определенными трудностями.

Под пристальным вниманием со стороны органов Государственной безопасности и органов НКВД находился марийский композитор, преподаватель музыкального училища им. И.С. Палантая, баянист-аккордеонист фронтовой концертной бригады К.Р. Гейст. Уроженец г. Ленинграда, по национальности немец, впоследствии – видный марийский композитор, Гейст окончил фортепианное отделение музыкального техникума им. Римского-Корсакова, в 1929 г. поступил в Московскую консерваторию, но по семейным обстоятельствам вынужден был оставить учебу.

В 1934 году его жизнь круто изменилась. За «антисоветскую деятельность» музыкант был осужден на 3 года лишения свободы по ст. 58 пп. 10, 11, отбывал наказание в Бутырском изоляторе¹, а после освобождения ему было запрещено жить в крупных городах. Как вспоминал сын Константина Романовича, Людвиг, «... в архивах отца я обнаружил лишь блокнот, помеченный 1934 г. В нем изречения, цитаты из разных книг и газет. Личных записей там нет. Отец был арестован за анекдот. Мне об этом рассказывала тетка (сестра отца)²».

По приглашению композитора Л.Н. Сахарова, с которым Гейст в одно время учился в Черкизовском музыкальном техникуме, Константин Романович приехал в Марийскую республику. Здесь музыкант проявил себя как талантливый преподаватель (работал в музыкальном училище им. И.С. Палантая), концертмейстер Маргосфилармонии. Во время Великой Отечественной войны К.Р. Гейст был концертмейстером в составе агитбригады Марийской государственной филармонии

под руководством П.С. Тойдемара. За время войны артисты этого коллектива объездили весь фронт. Первый их концерт состоялся в конце сентября 1941 года. Артисты не считались ни со временем, ни с трудностями, работали без устали, безотказно, давая по 6–8 концертов в день. После тысячного концерта артисты фронтовой бригады были награждены орденами и медалями³. Однако весьма примечательно, что перед тем, как наградить музыкантов, был сделан запрос в КГБ о моральном облике артистов. 5 декабря 1943 г. на стол Председателю Президиума Верховного Совета Марийской АССР т. Рябчикову легла докладная записка 2 отдела КГБ «О наличии компрометирующих материалов на артистов Маргосфилармонии Гейст К.Р., Тойдемар-Стеколыщикова П.С. и Петина К.И.». В ней говорилось: «Гейст Константин Романович, 1906 г. р., уроженец г. Ленинграда, по национальности немец, беспартийный, образование среднее музыкальное. В 1934 г. Гейст был арестован и за антисоветскую деятельность был осужден на 3 года лишения свободы. После отбытия наказания выслан в Марийскую АССР».

С начала военных действий между СССР и фашистской Германией со стороны Гейста допускались отдельные факты антисоветского проявления. Так, например, 25 июня 1941 г. в помещении литературной редакции Марийского радиокomiteта в присутствии литературного редактора А.М. Анашкиной, редактора детских передач К.А. Исакова и других лиц Гейст говорил: «Трудно еще сказать, на чьей стороне будет первенство». В июле месяце 1941 г. в разговоре с литературным редактором Анашкиной и другими лицами Гейст заявил: «Германия все же сильная держава. И в данное время только скептик может сказать, что Германия будет побеждена».

7 июля 1942 г. по поводу удержания из зарплаты военного налога Гейст высказался: «Это не работа, лучше идти на фронт. Это только безмозглые могут довести до такого состояния людей, которые только работают и ничего не кушают». Компрометирующими материалами на Гейста за период пребывания его в гастрольной поездке в прифронтовой полосе не располагаем. По имеющимся данным, Гейст за указанный период времени характеризуется положительно⁴.

В этом же документе содержались материалы, касающиеся и художественного руководителя бригады. «Тойдемар Павел Степанович (он же Стеколыщиков Василий Степанович), 1899 г. р., уроженец деревни В. Кожлаер Сотнурского района, Марийской АССР, по социальному происхождению сын кулака. Отец Тойдемара – Захаров Степан Захарович, занимался торговлей бакалейными товарами, в сельском хозяйстве применял наемный труд. После раскулачивания из пределов Марийской АССР был выслан.

В первый период военных действий между СССР и фашистской Германией со стороны Тойдемара имели место факты отдельных антисоветских высказываний.

Зам. наркома Гос. безопасности Марийской АССР майор КГБ Лебедев

Начальник 2 отдела Н КГБ МАССР майор госбезопасности Ильин⁵».

Бесспорно, в 1937 г. таких серьезных обвинений было бы достаточно, чтобы подвергнуть репрессиям музыкантов. Но уже заканчивалась Великая Отечественная война, и сталинская машина несколько ослабила на время свой железный натиск. Артисты К.Р. Гейст и П.С. Тойдемар не только не подверглись репрессиям, но были все же награждены высокой правительственной наградой – Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Марийской АССР.

Примечания

¹ Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 471. Оп. 1. Д. 424. Л. 4.

² *Л. Гейст*. Письмо автору статьи от 5.01.07 г.

³ Марийская правда. 1943. 14 ноября

⁴ ГА РМЭ. Ф. 471. Оп. 1. Д. 424. Л. 1.

⁵ Там же.

П.П. ВАНДЕЛЬ

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

Войну я встретил семилетним ребенком. Случилось это на самой границе, куда мама в начале июня 1941 г. поехала со мной к своим родным в г. Измаил, в Южную Бессарабию. После присоединения Бессарабии к СССР, захваченной Румынией в 1918 г., южная часть этой провинции, населенная преимущественно украинцами, вошла в состав Украинской ССР, а ныне является частью независимой Украины.

Помню первые сообщения уличных громкоговорителей: «Граждане! Измаилу объявлена воздушная тревога!». Еще помню, как мой дядя, брат матери, копал у себя в дворике убежище, которое, разумеется, никому не успело пригодиться.

Мы непременно погибли бы, ибо мать моя была еврейкой, да еще коммунисткой, но выручило, во-первых, то, что в этом месте наступали румынские войска (Румыния, как известно, была союзницей фашистской Германии), которые не отличались особой боеспособностью; во-вторых, стратегия Гитлера–Сталина. Последний ошибочно полагал, что немецкая армия нанесет главный удар в южном направлении, и сосредоточил здесь больше сил и средств, тогда как фюрер, наоборот, более крупные силы сконцентрировал в центре, в направлении Минск–Смоленск. Поэтому в первые дни войны немецкое наступление на юге развертывалось медленнее, что и дало нам возможность бежать. Помню, что сначала нас погрузили на открытые платформы, затем – в грузовые закрытые вагоны, наконец, в пассажирские, где мы обычно стояли, а изредка сидели. Смутно помню разрывы бомб, вой сирен, но никакого страха я не ощущал.

Когда мы прибыли в Москву, город был уже затемнен. Ежедневно объявляли воздушную тревогу, женщины и дети прятались сначала в подвале нашего дома, а позднее – на ближайшей станции метро. Мужчины вечерами поочередно дежурили да крыше и тушили «зажигалки». Но в общем Москва мало пострадала от воздушных бомбардировок, для ее защиты с воздуха были стянуты мощные силы ПВО, действовавшие очень эффективно. Как рассказывал мне отец, немецкие военнопленные, которых провели в июле 1944 г. маршем по Москве, возмущались тем, что, вопреки заверениям пропагандистов Геббельса о превращении российской столицы в руины, она цела. Возмущались они, впрочем, по словам отца, не теми, кто их обманул, а именно тем, что Москву не удалось разбомбить, тогда как Берлин уже тогда был на 25 % разрушен.

После прорыва немецких войск к Москве в середине октября 1941 г. я был эвакуирован на восток вместе со многими другими детьми. Нас поместили в один из домов отдыха Горьковской области, который назывался «Лесной курорт». В нем содержалось более 300 детей. Это было летнее заведение, не приспособленное к зиме, и в помещении было очень холодно. Голод тоже давал о себе знать. Сначала

нас кормили три раза в день, а с лета 1942 г. перевели на двухразовое питание. Несколько вырубал большой земельный участок, засаженный овощами. При этом, как я помню, однажды, выступая перед нами, детьми и персоналом, директор сказал, что один вагон собранных овощей мы отправим фронту. Мы почувствовали большую гордость: помогаем фронту!

Помню, как мы, первоклассники, разыгрывали патриотическую сценку. Сюжет ее был такой. Раненый немец лежит в кустах у дороги. На него наткнулись дети, брат и сестра, Катя и Вася (до сих пор помню их имена). Немец просит пить. Дети пожалели его, принесли ему воды, он попил и вдруг крепко схватил их за ноги. Но Васе удалось вырваться и убежать. В это время к раненому подошли немецкие солдаты, которые на ломаном русском языке стали допрашивать девочку, утверждая, что она ходила к партизанам, и требовать, чтобы она показала, где «партизанский тропка». Один из немцев бьет ее прикладом. Но тут показываются партизаны, которых привел Вася, они убивают и прогоняют немцев, а коварного раненого забирают в плен. Мораль понятна. Раненого немца играл я. Может быть, мне дали эту роль потому, что я был немцем по отцу. Вообще же в «Лесном курорте» было несколько детей немецких коммунистов-эмигрантов, некоторых из них я знал еще по детскому саду. Собственных немцев, даже членов ВКП(б), советские власти не жаловали, сослав всех до единого, из которых многие погибли.

В сентябре 1943 г. нас вернули из эвакуации. Моих родителей, работников Коминтерна, тоже эвакуировали в октябре 1941 г., но они возвратились годом раньше меня.

События войны живо интересовали всех детей, мы серьезно обсуждали их. В то время на фронте уже наступил перелом в пользу Красной Армии. У многих детей с нашего двора воевали отцы и старшие братья, у некоторых они погибли. Из 5 мобилизованных на фронт отцов вернулось домой только двое раненых, из старших братьев (тогда брали уже семнадцатилетних) не погиб никто.

Мы внимательно слушали последние известия по радио, которое было почти у всех (радиоточка), и несказанно радовались сообщениям о победах. Но на первых порах нас радовали не столько эти сообщения, сколько вечерний салют, которым они сопровождалась. Однако постепенно меня и моих сверстников стали больше интересовать уже не салюты, а сообщения о победах. Мы все всерьез высказывали свое мнение о качестве полководцев. Особенно высоко почему-то ставили Рокоссовского. Помню – это было весной 1944 г. – один из наших «боевых стратегов» сказал, что останься Рокоссовский командующим Первым Украинским фронтом, наши войска были бы уже на границе, а его вот перебросили «на болота» (командующим Первым Белорусским фронтом), заменили Жуковым, и наступление застопорилось. Мы все согласились с ним. О качествах Жукова как полководца у нас во дворе заговорили позже. Насчет Сталина никаких сомнений у нас не было, в его гениальность верили все. Говорили о том, что Сталин знал о надвигающейся войне, а мы знали и понимали, что победы над врагом прежде всего – его заслуга.

Еще помню рассуждения об атомной бомбе, сброшенной на Хиросиму. Узнал я об этом не от родителей и не от соучеников, а от ребят со двора. Беседа уже шла в их кругу, когда я подошел и услышал, как один мальчик сказал: «Да, бомба мощная. Три таких бомбы и Москвы не стало бы». Никто не пожалел жертв бомбардировки и никого не испугала такая перспектива для Москвы. «Здорово!» – прокомментировал еще один собеседник.

Помню торжество при известии о взятии Берлина, о победе и капитуляции Германии, Парад Победы на Красной площади, о котором я читал в «Пионерской правде» и слышал рассказы. Мы пели песни, кричали «Ура!», веселились. Мы продолжали интересоваться международными событиями, обсуждали их, однако, начиная с 1945 г, интерес к ним, не исчезая, все больше уступал место другому увлечению – футболу. В это время возобновились игры на первенство и на кубок СССР, и мы отчаянно «болели» за полюбившиеся нам команды. Большинство ребят из нашего двора были сторонниками ЦДКА и ненавидели главного соперника этой команды – московское «Динамо»...

Запечатлелось у меня в памяти и большое распространение нищенства и спекуляции в Москве. Спекулировали продуктами, одеждой, марками (а я их собирал), книгами, спиртным. Нищим я всегда подавал из денег, которые родители давали мне на завтраки в школе, спекулянтами возмущался, хотя к их услугам иногда прибегал для приобретения марок и книг...

С чем мне ни разу не пришлось столкнуться, так это с проявлением упадка духа, с паникой перед врагом. Уже после войны я неоднократно спрашивал мать, отца, других взрослых знакомых, сомневались ли они в конечной нашей победе, когда враг стоял у стен столицы и оккупировал огромную территорию страны. Все отвечали мне, что никогда и на минуту не сомневались в победе.

Т.Г. НЕФЁДОВА

**«И, КОНЕЧНО, СТРЕМИЛАСЬ Я НА ФРОНТ»: ИНТЕРВЬЮ
С УЧАСТНИЦЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ А.А. ТЮТЬКОВОЙ
(ИЗ ФОНДОВ ПРОЕКТА «ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ»)**

Разработка научно-исследовательского проекта «Человек на войне» началась на историческом отделении Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской в преддверии юбилейной даты – 60-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. С 2005 года работы по проекту ведутся совместно с Комитетом Республики Марий Эл по делам архивов. В соответствии с приказом Комархива от 23 декабря 2005 года «О научно-исследовательском проекте «Человек на войне», был разработан Координационный план научно-исследовательских работ, утвержден Координационный совет по организации научно-исследовательского проекта «Человек на войне» под руководством председателя Комитета Республики Марий Эл по делам архивов Р.А. Кулалаевой.

Целью научно-исследовательского проекта «Человек на войне» было создание нового вида источника, которым стали неформализованные интервью с рядовыми участниками военных сражений Великой Отечественной войны по специально разработанной программе. Эта программа интервьюирования определяла круг проблем, освещение которых позволяло подойти к изучению важных сюжетов Великой Отечественной войны, которые дают возможность составить целостную картину этого важнейшего исторического события. Такими нетрадиционными проблемами для отечественной историографии Второй мировой войны стали морально-психологическое состояние войск, фронтовой быт, которые рассматриваются в качестве важных факторов, способных решить исход конкретного боя и целого сражения. Именно эти проблемы и их составляющие – снабжение армии продовольствием, солдатский быт и рацион, отношение к своей армии и товарищам

по оружию, к противнику и союзникам, к трудностям и тяготам войны – стали главными темами интервью с участниками Великой Отечественной войны – жителями Республики Марий Эл.

Интерес к сюжетам военно-исторической антропологии в рамках проекта «Человек на войне» был вызван соображениями политического, научного и воспитательного характера. Попытки представить Вторую мировую войну в виде столкновения двух тоталитарных режимов имеют целью принизить роль СССР в разгроме фашизма и защите общечеловеческих ценностей. На Западе сегодня не принято говорить о войне нацистской Германии против Бельгии, Голландии, Франции, Великобритании. Тамошний выпускник гимназии сильно удивится, узнав, что во Второй мировой войне Германия воевала против Франции, а Париж был занят немецкими войсками. Красноречива вялая реакция Европейского союза на прославление украинскими и прибалтийскими шовинистами местных ветеранов СС, которые превращаются там в персонажи эпического размаха, в их честь возводятся памятники, проводятся парады и снимаются фильмы. В этой связи представляется важным подчеркнуть, что Великая Отечественная война была составной частью Второй мировой, и в этой войне на стороне СССР сражались все демократические государства. В годы войны мы заплатили миллионы жизней за свободу своей страны и всего мира. Эти обстоятельства, на наш взгляд, подчеркивают важность изучения человеческой составляющей, «человеческого измерения» войны.

С научной точки зрения, интерес к теме был вызван тем, что традиционная история концентрировалась на изучении военных, военно-политических и военно-экономических аспектов Второй мировой войны и характеризовалась «событийным» подходом, в рамках которого освещались, как правило, ход боевых действий, крупные сражения и битвы, героика войны. Изучение же человеческой составляющей на войне относится к той области военно-исторической проблематики, которая только сейчас становится предметом изучения профессиональных историков¹. Это в полной мере относится и к гендерной истории, весьма популярной сегодня. Однако женской проблематике применительно к Великой Отечественной войне уделяется явно недостаточное внимание². Записанные с ветеранами Великой Отечественной войны интервью дают возможность изучения человеческой составляющей на войне, «человека воюющего» с его мыслями и чувствами, реальным поведением, а также его повседневной жизни. Наш проект позволяет дополнить историю Второй мировой войны – ключевого события XX века – антропологической составляющей, «человеческим фактором», представить историю этого события «снизу», то есть с точки зрения рядовых участников событий.

Обращение к истории Великой Отечественной войны дает богатые возможности для возрождения патриотических чувств населения Российской Федерации, в особенности для патриотического воспитания молодого поколения наших граждан. Патриотизм может стать основой консолидации российского общества и укрепления государства. Не случайно в этой связи ставится вопрос о необходимости модернизации современного образования с позиций усиления патриотического компонента³, внесения в учебные программы общеобразовательной и высшей школы определенных коррективов с этой целью. Обращение в ходе опросов к истории Великой Отечественной войны, к воспоминаниям ветеранов о повседневной

и героической жизни тех лет проявляется через личную причастность к происходящему и сопровождается сильными эмоциональными переживаниями. Подключение этой эмоциональной сферы сознания может усилить формирование патриотических чувств, активно влиять на мотивы поведения молодых людей, на воспитание их нравственных качеств. Опрос участников Второй мировой войны побуждает интервьюеров к личностной, нравственной оценке событий прошедшей войны и представляет собой своеобразный вид социальной практики, когда в прошлом находятся нужные, достойные образцы поведения, чужие судьбы соотносятся с собственной судьбой, со всем тем, что происходит в современном обществе.

В публикации представлен текст интервью с участницей Великой Отечественной войны Александрой Логиновой Тютюковой.

Тютюкова-Царегородцева Александра Логиновна, 1923 г. р., с. Никулята Яранского района Кировской области, призвана Салобелякским РВК в 1942 г., ефрейтор⁴. Интервью провела учитель средней общеобразовательной школы № 13 г. Йошкар-Олы Петрова Земфира Валентиновна 23 сентября 2007 г. в квартире ветерана. Дополнительные пояснения к интервью А.Л. Тютюкова дала в беседе с доцентом кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета Т.Г. Нефедовой, которая осуществила последующую редакцию этих материалов. Окончательный вариант интервью был согласован при личной встрече в домашней обстановке 12 октября 2009 года.

Расскажите о своей семье, где Вы жили накануне войны, чем занимались Ваши родители?

Мои родители начинали свою трудовую биографию рабочими. Мама когда-то работала на спичечной фабрике, папа был мастером по меховым изделиям, занимался выделкой меха. Папина сестра и уговорила его переехать в сельскую местность – дескать, четверо детей, одна комнатка, в деревне будет лучше. Когда я закончила первый класс, моя семья переехала в Яранский район. Папа был членом партии, его избрали председателем колхоза. Мама была рядовой колхозницей.

Поскольку семья была большая, держали скот – корову, поросенка, теленка. Был огород, выращивали овощи. При доме был сад – яблони, ягоды. В этом доме мы поселились, когда папу избрали председателем, так что дом был не свой, а чей-то, думаю, что кого-то выселили. Их сад-огород нам и перешел. Помню, что соседи тоже сад выращивали, в деревне это не у всех было. А потом развели даже колхозный сад, была колхозная пасека. Еда готовилась простая – суп, щи, овощи, молоко, масло, яйца. Соленая капуста была всегда. Иногда покупали творог, обычно во время поста кто-то сберегал, мы и покупали у бабушек. Трудно было с промтоварами, ситец, например, купить было нелегко, товары для детей. Икон в доме не было, поскольку папа был партийный, но я помню, что мама ходила в церковь. Дети помогали колхозу: мы теребили лен, нас привлекали на прополку и обмолот зерна – туда, где ребятам по силам. Нас с детства приучали добросовестно трудиться. Помню, если мама утром меня рано не будила (жалела), я плакала, представляя, как я пойду на поле работать, когда вся деревня уже там!

Огромную роль в нашем воспитании играла школа. Все, что давала школа, мы несли домой, делились впечатлениями с родителями, сами с деревенскими ребятами ставили спектакли, на вечеринках пели современные песни – те, что

разучивали в школе. Кстати, на этих вечеринках всегда присутствовали взрослые, никто их не стеснялся. Люди были настроены оптимистично. Уважение вызвали те, кто честно и много работал. Никакой пьянки в деревне не было. Если кто-то выпивал, его вообще за парня не считали! Старину чтити. Я считаю, что в этом заключалась база нашей будущей победы.

Слухи о возможной войне с Германией были, но это казалось чем-то далеким от нас. В деревне это не обсуждали. На уровне только папиных разговоров я слышала, что Германия готовится, может, и нам придется воевать.

Как Вы узнали о начале войны, какие чувства испытывали?

Перед самой войной мы переехали в село Никулята, оттуда папа и на войну ушел, ему было за сорок. Я осталась старшей в семье. В 1941 г. окончила Пектубаевскую школу Марийской АССР, так как ближе от нашего села средней школы не было. Никаких интернатов тогда не существовало. Мы с подружкой снимали частную квартиру, на выходной день за 17 километров ходили домой. С нами ходил еще один парень из нашей деревни. Мороз – не мороз – идем...

О начавшейся войне узнала в клубе села Пектубаево, где проходил наш выпускной вечер по случаю окончания школы. Я приехала в Никулята, здешнего заведующего клубом, молодого мужчину, взяли в армию, меня вызвали в сельсовет и предложили работать на этой должности. Я согласилась и до апреля 1942 года с удовольствием работала. Ходила с газетами по деревням, колхозным полям, рассказывала о новостях с фронта, помогала собирать теплые вещи – валенки, рукавицы – для бойцов нашей армии. Излишков-то у людей, конечно, не было, но кто-то, например, держал скот, значит, была шерсть, вязали. Люди добровольно отдавали, ходить и просить не приходилось.

И, конечно, стремилась я на фронт. Помню, висел плакат: «Ты чем помог фронту»? Я воспринимала это как личное обращение. Маме не говорила, что хочу пойти добровольно. Не задумывалась тогда, что семья была, хозяйство, папа уже воевал. В апреле 1942 года в нашем районе набирали группу комсомольцев-добровольцев.

Значит, на фронт Вы пошли добровольно? Как добирались к месту службы? Какими запомнились повседневные военные будни – где жили, чем питались, как одевались, какие обязанности выполняли?

Из нашего сельсовета добровольцев было двое. Нас на лошади довели до Салобеляка, переночевали в здании районной администрации. На лошади же добрались до железнодорожной станции Шахунья, оттуда на поезде – до Москвы. Разместились в здании школы. Проходили курс молодого бойца, знакомились друг с другом, привыкали к дисциплине. Одни девчонки, но командирами были мужчины, молодые парни.

Выдали гимнастерки, штаны, ботинки, обмотки. Что ужасно – все это было велико, одежду приходилось перешивать. Девчонок превратили неизвестно во что! У всех были косички, нас убеждали, что надо постричься. Правда, одна девушка категорически отказалась, так и прослужила с косой. ...То, что называют сейчас средствами личной гигиены, не было предусмотрено. Старшина, женщина года на два нас постарше, снабжала тряпками. Это потом уже стали вату, марлю выдавать, сообразили уже. Мне кажется, что командование не было готово к приему такого количества бойцов женского пола.

Сначала нас учили на связистов. Распределили на отдельные подразделения и проводили практические занятия, например, надо было найти и восстановить обрыв линии. Затем я была переведена в другое подразделение, где и прослужила всю войну в должности прожекториста. Работала на прожекторе по номеру два. Первый номер – это был человек, который управлял прожектором, а мое дело было следить за приборами, чтобы этот луч не погас.

Все сооружения приходилось строить самим. Вырыли котлован для размещения прожектора и звуковой аппаратуры, землянку на 11 человек. Внутри нее были отдельные помещения для мужчин и женщин (в нашем подразделении четверо были женщины), общая комната – столовая и небольшая кухня, где мы сами готовили. У входа соорудили стеллажи для винтовок. Еще один котлован вырыли для несения боевого дежурства. Там располагался телефонный аппарат, где мы и дежурили ежедневно по два часа. Должны были следить за приближением самолетов и докладывать об этом вышестоящим командирам, а также охранять свой военный объект – прожектор. Мы должны были по звуку самолета определять его тип, каким курсом и на какой высоте летит. Далось это умение, конечно, не сразу. На такие дежурства нам, девчонкам, ходить было страшно, особенно ночью. Стоишь одна, в яме, винтовка выше головы, меня из этой ямы и не видно. У нас не было случаев, чтобы кто-то погиб, а вот в дивизии такие факты случались. Нам об этом сообщали и призывали к бдительности.

Продукты получали в соседней деревне Передельцы, примерно в 6 км от нас. За ними ходили один раз в неделю, группой, с рюкзаками за плечами. Выдавали хлеб, крупы, сахар, американские мясные консервы, капусту. Деликатесов, конечно, не было, но мы не голодали. На завтрак обычно варили кашу, на обед – суп, на второе – опять какая-нибудь каша или картошка. Насчет картошки, когда немцы уже ушли от Москвы, договаривались с деревенскими (наши точки располагались, как правило, вблизи деревень, в 3–4 километрах от них). К концу войны сами ходили на поле и заготавливали капусту. Все принесенные продукты складывали в землянке и по очереди потом готовили. Девчонки, в том числе и я, стряпать не любили, у нас чаще мужчины готовили.

Конечно, все время с нами работали, мы совершенствовали свои знания, постоянно изучали технику – безделья не было. Занимались с нами и политически: знакомили с приказами командования, сообщениями с фронтов, регулярно проводился политчас. В своем подразделении меня выбрали комсоргом, не часто, но были комсомольские собрания.

Расскажите, как относились к вам, девушкам, сослуживцы-мужчины? Какими были отношения с товарищами, командирами, как относились к политработникам?

Мужчины к нам очень хорошо относились, не было никаких посягательств. Мне кажется, мы так воспитаны были, что не могли позволить себе ничего лишнего, жили как братья и сестры. Возможности для романов, конечно, были – после дежурства, например, отсыпаясь, другие ситуации, когда один на один в землянке остаешься, но ничего даже в мыслях не было. Все знали, надо вести себя достойно. К тому же коллективы небольшие, все на виду.

И между девушками отношения были нормальные. Я не помню, чтобы мы ссорились. В нашем подразделении одна была москвичка, я с ней после армии поддерживала отношения. Мы вдвоем были из Кировской области, одна – из Воронежской.

По службе для нас никаких поблажек не было, требования были одинаковы, независимо от того, мужчина ты или женщина.

В 1944 году меня приняли в партию. С нами, конечно, работали.

Агитировали?

Да, можно так сказать, но не в смысле зазывали – понуждали, а как бы приглашали, потому что мы сами считали себя еще не достойными, слишком молодыми, ничего еще не совершившими, не заслужившими такую честь. Помню, как ездила за партбилетом на партийную комиссию в Москву. Зимней ночью шла одна пешком до Апрелевки. С собой в дорогу взяла кусок хлеба. Пока я шла, хлеб весь замерз, его по дороге и грызла. От Апрелевки до Москвы ехала на поезде, вагон был забит людьми, ехала стоя, кажется, так и задремала. После вручения билетов нас поздравляли, наказ давали воевать достойно, в том смысле, что теперь вы коммунисты, с вас и спрашивается больше.

А отношение к политработникам было самое уважительное, они рассказывали о делах на фронте, воспитывали нас – молодые же девчонки были – говорили, чтобы дисциплину соблюдали, обязанности свои добросовестно выполняли.

Были ли в Вашей службе дни отдыха, как отмечали праздники, получали ли письма, посылки из дома?

В 1944 году стали давать увольнительные в Москву. Ехали обычно вдвоем–втроем на поезде со станции Апрелевка. Если из роты набиралась группа, давали сопровождающего. Ходили в кино, фотографировались. Один раз даже в театре была. А еще помню, как побывали на выставке военной техники в парке имени Горького. Посмотрели, захотели есть. В столовой к нам официантка подошла, доброжелательно спросила: «Чем бы вас вкусеньким накормить?» И наложила нам солянки побольше. Но такое было редкостью. Обычно с собой брали корочки хлеба. Просто гулять по городу не очень-то любили – много военных, всех надо приветствовать. Один раз мы с подружкой честь не отдали, и нас забрали в комендатуру. Кажется, маршировать нас заставляли – больше-то чем нас наказывать.

Недалеко от нашего подразделения, километрах в пяти, в поселке, был какой-то завод – туда ходили в баню. Бывало, шагаешь эти 5 километров после бани в одной шинельке, волосы из-под шапки ледяными сосульками торчат. Молодые были, не берегли себя. Но ничего – не болели как-то.

Письма из дома получала и сама писала, а вот посылки не было. Нечего было посылать, дома-то плохо жили. Я в письмах маме наказывала: мама, продавай все, что есть, все, что можно, лишь бы прокормить детей. У мамы еще от городской жизни оставались красивые платья, ботиночки, запасы ткани, помню, был большой пуховый платок. Не у всех деревенских женщин такие наряды были. Так и получилось – все это пришлось продать. Папа вскоре погиб под Смоленском. Я – на фронте. В семье – еще четверо детей. Раньше не было принято, чтобы помогать семьям, да и возможностей, наверное, не было.

Как относились к противнику, знали ли о существовании союзников в войне?

К немцам относились враждебно. Все же знали – и рассказывали, и читали – о зверствах фашистов, что напали внезапно, о множестве погибших, о кровопролитных сражениях.

Про союзников знали, ждали открытия второго фронта. Черчилля не боготворили, считали, что он затягивает с помощью нашей стране. В политике-то мы хорошо ориентировались!

Что укрепляло Ваш дух в трудное время? Как Вы узнали о Победе, какие чувства испытывали в тот момент?

Мама ждала дома. Еще желание жить и учиться. Вера в победу. Об этом радостном событии узнала в землянке, в своем подразделении. Сообщил старший сержант, прибежал, кричит: «Победа! Победа! Победа!». Радость, слезы... Отметить-то, конечно, нечем было, единственное желание – домой!

К нам приходили политработники, агитировали учиться, остаться в Москве, на этот же прожектор работать звали, в структуры МВД, в аэропорт Внуково – понятно, народ мы проверенный, коммунисты.

Стали готовиться к демобилизации. Были составлены списки, кто с какого вокзала отправляется. Нам выдали одеяла, по паре простыней, взяли и те домашние вещи, которые сохранились с довоенных времен, у меня, помню, сарафанчик полотняный был. Набралась небольшая коробка. Туда я и дневничок свой положила – блокнот с записями, которые делала во время службы.

Демобилизовалась я не с Кировской областью, а с москвичами, так как решила остаться в Москве. Мы с двумя подругами устраивались на работу в аэропорт Внуково. Я и все свои вещи оставила там, ничего с собой не взяла. Домой поехала, чтобы повидаться с родными. А приехала в Йошкар-Олу, пришла в горком партии, меня сразу же отправили на завод «Торгмаш», где избрали в состав партийного бюро, а затем я стала секретарем комитета комсомола завода. И хотя потом мне пришел официальный вызов в Москву, из Йошкар-Олы меня уже не отпустили. Так все мои «военные трофеи», а самое главное, записи затерялись. Вся моя последующая трудовая жизнь была связана с партийной, советской и комсомольской работой в Марийской республике.

Примечания

¹ Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135–145. См. также: Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 3: Вторая мировая война: ист. очерк. М.: Наука, 2005. С. 210–229.

² Исключением в этом отношении может быть исследование Е.С. Сенявской «Психология войны в XX веке. Исторический опыт России» (М., 1999), где женской проблематике на войне посвящена специальная глава.

³ Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. – М., 2002.

⁴ Они защищали Родину. Поименный список участников Великой Отечественной войны. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2004. С. 661.

В.Я. ГИНЗБУРГ, Ф.В. ГИНЗБУРГ

ЕВРЕИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

При сталинской диктатуре и в последующее время, когда антисемитизм властвовал на государственном уровне, участие евреев в Отечественной войне долго замалчивалось. Публикуемые материалы дают относительно полную картину о степени участия советских евреев в Великой Отечественной войне.

В Советском Союзе в границах 1939 года жило три миллиона советских евреев – 1,8 % всего населения. Из них, в основном, и призывались евреи в Советскую

Армию. Те евреи, 1 млн 888 тысяч, кто жил на территориях, присоединенных в 1939 году, как правило, просто не успели попасть в армию – слишком стремительно наступали немцы, и слишком быстро отступала наша армия в июне–июле 1941 года. Из этих людей фашисты уничтожили 1 млн 621 тысячу человек.

Всего в армию во время войны были призваны, как минимум, 450 тысяч евреев. Это составляло 15 % еврейского населения, по максимальным оценкам – 501 тысячу. 16,7 % – это 1/10 еврейского населения того времени. Погибли на фронтах и умерли от ран 142,5 тысячи (по максимальным оценкам – 198 тысяч). Это составляет, соответственно, 1,64 % или же 2,22 % от общего числа бойцов Красной Армии, павших в войну. По числу погибших на фронте евреи на пятом месте среди народов СССР – после русских (66,4 %), украинцев (15,89 %), белорусов (2,92 %) и татар (2,17 %). Это примерно соответствует общим пропорциям данных народов в населении СССР. Литовская и 43-я латвийская стрелковые дивизии были в основном укомплектованы евреями.

Несмотря на директиву секретаря ЦК и МК ВКП(б) А.С. Щербакова, ближайшего друга и соратника Сталина, об ограничении награждений евреев, около 200 тысяч бойцов и командиров-евреев были награждены боевыми орденами (при том, что власти им явно не попустительствовали).

В годы войны звания «Герой Советского Союза» были удостоены 135 человек (треть из них – посмертно), а всего этой награды удостоилось 157 евреев – из 11 тысяч героев. Известны три еврея, ставшие дважды Героями Советского Союза. Первый – летчик, командующий ВВС Красной Армии генерал-лейтенант Яков Смушкевич. Он был необоснованно арестован в мае 1941 г. и расстрелян в октябре этого же года. Второй – Давид Драгунский, полковник, а впоследствии генерал-полковник. Фашисты расстреляли его мать, отца, двух сестер. В боях на фронте погибли и два его брата. 30 апреля 1945 года танковая бригада Драгунского соединилась с танковым корпусом еврея Семёна Кривошеина. Берлин был окружен. За эти бои Драгунский получит вторую Звезду Героя, а Кривошеин – первую. Третий – Моисей Марьяновский. 14 человек стали полными кавалерами ордена Славы.

По официальным данным, по количеству героев евреи занимают пятое место после русских, украинцев, белорусов и татар. И если считать тех героев, которые значились русскими, но были рождены еврейскими матерями (согласно иудейской религии, евреем считается только тот, кто рожден еврейской матерью), то в процентном отношении к населению евреи занимают второе место после русских (третье место на душу населения).

Среди Героев Советского Союза – Цезарь Львович Куников – легендарный майор, первым высадившийся со своим отрядом в 300 человек морских десантников на «Малую землю». На его могиле в Новороссийске горит огонь вечной славы, а о куниковцах сложили легенды и песни.

Героя Советского Союза Израила Ильича Фисановича в военные и послевоенные годы знала вся страна. Пионерские дружины боролись за право носить его имя. Командир-подводник, капитан-лейтенант уничтожил 13 вражеских судов и в 29 лет стал самым молодым комдивом и кавторангом. На флоте было только пять подлодок, удостоенных за храбрость и боевые заслуги звания гвардейских, и лишь три – награжденных орденом Красного Знамени.

Грудь Израила Фисановича украшали не только орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны, но и «Морской крест» – орден

военно-морских сил США «за исключительную смелость, инициативу и преданность своему делу».

Именем Фисановича были названы улицы в Киеве и Мурманске, а музеи боевой славы его М-172 были открыты в Харькове, Ленинграде, Киеве, Екатеринбурге.

И еще два примера о героях. В начале 1943 года старший лейтенант подводник Самуил Богород был назначен командиром подводной лодки Щ-310. В первом же боевом походе он потопил немецкий транспортер «Франц Рудольф», перевозивший боевую технику и военные грузы. В районе датского острова Борнхольм он прорвался через вражеское минное поле, преодолел сопротивление сторожевых кораблей, потопил два транспорта и торпедировал паром «Дойчланд», на котором в результате взрыва погибли до 900 фашистских солдат и офицеров. Всего его подводной лодкой было потоплено 7 вражеских кораблей.

Герой Советского Союза Полина Гельман служила штурманом на самолете По-2 (немцы прозвали их «рус-фанер»). 860 боевых вылетов при боевом налете 1058 часов, 113 тонн бомб, сброшенных по вражеским целям.

Среди героев – Лев Гитман, разведчик, один из первых форсировавший Днепр, Натан Стратиевский – стрелок-радист, Иосиф Юфа – командир подразделения «Катюш» и др.

Более трехсот евреев вели эту войну в чине генерала, а тысячи евреев (примерно 25 тысяч) сражались в партизанских отрядах Белоруссии, Литвы, России и Украины. Около 10 партизанских отрядов были еврейскими. Многие из тех, кто сражались в партизанских отрядах, бежали из гетто. На Украине действовали еврейские партизанские отряды и группы под командованием Линдера, Гиндельмана, Конещука и других.

По меньшей мере, семь партизанских отрядов были созданы при прямом участии подпольщиков Минского гетто, одного из самых больших в Европе. 106-й отряд под командованием Ефима Фойгельмана был полностью еврейским. Здесь действовала широко разветвленная сеть сопротивления, связанная с партизанами и городским подпольем. Отряд увеличивался с каждым днем, в нем было до 700 человек, а в боевом строю – 137. Партизаны не только отбивались, но и преследовали захватчиков. 40 фашистов были убиты, несколько десятков были пленены. У одного убитого нашли планшетку с картой. На карте было помечено расположение отряда и написано «Юден отряд, мало вооружен».

Константин Левин, который стал впоследствии, по мнению известного поэта Евгения Евтушенко, одним из лучших поэтов фронтового поколения, в годы войны командовал взводом сорокапятимиллиметровых противотанковых пушек. В такой артиллерии мало кто выживал, от того ее прозвали «прощай, Родина». Левин был дважды награжден орденами Отечественной войны и дважды ранен: сначала в голову, затем ему миной оторвало ногу.

Многие евреи возглавляли крупные партизанские объединения. Так, руководителем подполья Минска был Исай Казинец. Под его руководством проведено более ста диверсионных операций. 7 января 1942 года Исай Казинец был повешен в городском сквере Минска. И только в 1965 году ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Символом сопротивления евреи бывшего СССР называют семнадцатилетнюю Машу Брускину. Она стала первой, публично казненной фашистами подпольщицей на оккупированной советской территории. Маша работала в лазарете для

советских военнопленных и помогала бежать оттуда выздоравливающим. Один из пойманных беглецов выдал девушку и ее товарищей. 26 октября 1941 года Машу и других приговоренных казнили в центре Минска. Фотография казни, сделанная нацистами, попала во многие книги по истории Второй мировой войны. Но до конца 1960-х годов никто не мог назвать имя казненной девушки. Выяснили Машину историю журналисты, но практически до последнего времени она умалчивалась.

Документы свидетельствуют о том, что командование 43-й армии ходатайствовало о представлении молодой девушки Маши Синельниковой к званию «Герой Советского Союза». Она служила рядовой в разведке. По заданию военного совета армии она неоднократно переходила линию фронта, собирая в тылу противника ценные разведданные. Бывший начальник разведотдела армии генерал-майор П. Шиошвили свидетельствует, что Маша бесстрашно работала в тылу противника, выполняя чрезвычайные задания. При выполнении одного из них ее поймали фашисты и убили. Почему же осталось без ответа ходатайство командования армии о присвоении Маше звания Героя? По-видимому, помешало ее отчество – Вульфовна.

Заместителями командующего прославленной 62-й армии, стойко защищавшей Сталинград, маршала, дважды Героя Советского Союза Василия Чуйкова также были евреи. Это – командующий бронетанковыми и механизированными войсками Герой Советского Союза Матвей Вайнтрауб, начальник артиллерии Абрам Бруд, погибший в боях, начальник инженерных войск Натан Шмульзон, начальник разведки Михаил Берман.

Славой овеяно имя русского солдата Александра Матросова, закрывшего своим телом амбразуру пулеметного дзота гитлеровцев. Нисколько не умаляя его бессмертный подвиг, следует упомянуть солдата Абрама Левина, совершившего такой же подвиг на год раньше, 22 февраля 1942 года при освобождении Калининской области. В боях за литовский город Клайпеда закрыл своим телом амбразуру дота Герой Советского Союза лейтенант Ефим Белинский, а при штурме Бреслау за месяц до окончания войны – Герой Советского Союза Иосиф Бумагин. И вполне резонно пишет Евгений Евтушенко:

У русского и у еврея
Одна эпоха на двоих,
Когда, как хлеб, ломая время,
Россия вырастила их.
Основа Ленинской морали
В том, что единые в строю,
Еврей и русский умирали
За землю общую свою.

Хотелось бы сказать о вкладе в победу нашей семьи и многих наших близких родственников и друзей. Я, Гинзбург Владимир Яковлевич, был на фронте с первых до последних дней войны. Был солдатом, лейтенантом, командиром взвода десантников 284-го отдельного мотомеханизированного батальона особого назначения, четыре раза ранен, награжден боевыми орденами и медалями. Брат Семен погиб в одном из боев в Белоруссии в 1941 году. Двоюродный брат Наум Гинзбург был начальником штаба партизанского отряда и после войны написал книгу «Я был партизаном». Другой двоюродный брат Борис Гинзбург – инвалид войны,

орденоносец. Инвалидами войны, воевавшими на различных фронтах, являются трое сыновей моей тети, жившей в Минске и уничтоженной фашистами, а брат моей жены погиб в бою, находясь в партизанском отряде в Белоруссии. О таких как я, мои родные, Йошкар-олинские друзья – инвалиды войны Маймин, Арбисман, Энгельман, Зельман и другие, писал Илья Эренбург в одном из стихотворений:

Но сотни тысяч жизней не жалея,
Прошли бои, достойные легенд,
Чтоб слышать после: – «Это кто? – Евреи? –
Они в тылу сражались за Ташкент».

Этим желали подчеркнуть, что на фронте евреев нет, они сбежали в Ташкент. Но в Ташкенте тоже была советская власть, были военкоматы, и людей направляли, как и везде, в армию. Так что спрятаться там от войны было нельзя!

Конечно, многие старики, женщины и дети действительно уезжали, спасаясь от фашистов, причем не только в Ташкент, но и в Сибирь, на Урал, в Марий Эл и другие районы страны. А те евреи, которые по различным причинам не смогли уехать, были уничтожены.

Эта трагедия получила название Холокост. Писатель Лев Владимирович Гинзбург в своей книге «Бездна» поведал о том, как описывал свое понимание Холокоста генерал СС, начальник эйнзацгруппы «Д» Вальтер Биркамп: «Антисемитизм должен был сплотить нацию, поднять ее дух, устранить классовые противоречия. Мы говорили рабочим: евреи – капиталисты, все немецкое золото в еврейских руках! Мы говорили капиталистам: все евреи – марксисты, они против частной собственности! Евреям не повезло: они оказались объектом тренировки. Для того чтобы впоследствии устранить русских, поляков, французов, миллионные человеческие массы, нужно было с кого-то начать. На ненависти к евреям проверялась стойкость нации, чувство расового превосходства, умение подавлять. Вот – вкратце – некоторые причины предусмотренных нами мер, которые поначалу сводились к изъятию еврейского имущества и к вытеснению евреев из политической, культурной и хозяйственной жизни внутри Германии. Позже возник замысел выдворить их за пределы Европы, а потом... Черт знает, как это все потом произошло! Увлечлись, захотели покончить с проблемой одним ударом, без проволочек, раз и навсегда. А что получилось? Весь мир ужаснулся, узнав о наших мероприятиях, от которых, в конечном счете, выиграли опять-таки евреи. Теперь они окружены ореолом мученичества! Между тем все это можно было сделать разумнее, без применения крайних средств, без переклестов, а главное – не сразу».

В годы Второй мировой войны нацисты уничтожили 6 миллионов евреев, в том числе полтора миллиона на территории Советского Союза. Писатели И. Эренбург и В. Гроссман в 1944–1946 годах работали над «Черной книгой».

Благодаря этому стали известны самые страшные места трагедии Холокоста – Бабий Яр в Киеве, Яновский лагерь во Львове, девятый форт под Каунасом, где жертвы исчислялись десятками тысяч. В этой книге по разным причинам ничего не сказано об уничтожении евреев в Станиславщине. Так до переименования в Иваново-Франковскую называлась эта область. О жертвах соседних, Львова и Черновцов, есть, а о жертвах Станиславщины ничего нет, хотя их много больше. Но в 2000 году в Киеве вышла «Энциклопедия Холокоста» А. Круглова. В разделе «Иваново-Франковская область» в энциклопедии говорится о том, что в 1941 году в области было уничтожено 24 тысячи евреев, или 18–19 % от общего числа. К концу

1942 года еврейское население области, в которой проживало 130 тысяч человек, сократилось до 10 000, а в 1943 году гетто было полностью ликвидировано. Последняя казнь состоялась 25 марта 1944 года. Были уничтожены 105 тысяч евреев из Львова, которых доставили сюда сжигать трупы расстрелянных! В общей сложности, сообщает энциклопедия, в области было уничтожено 125 тысяч местных евреев и 7 тысяч венгерских.

Главный раввин России Берл Лазар пишет в журнале «Лехаим»:

«Самый страшный, самый опасный момент в многовековой истории еврейского народа – это Холокост» (от греческого слова «holokaustos», которое означает жертвоприношение с помощью огня. Холокост – это массовое уничтожение еврейской нации. Холокост начался с приходом к власти Адольфа Гитлера и завершился по окончании Второй мировой войны). Германский фашизм и его приспешники (а среди них и те, что жили и на территории бывшего СССР) хотели уничтожить нас всех. До последнего человека. И сделали для этого, что смогли, что успели. Третью еврейского народа, в том числе и большую часть его элиты, расстреляли во рвах, замучили в гетто, задушили в газовых камерах. Мир безмолвствовал. Потом многие любили потолковать на тот счет, что евреи якобы шли на бойню, как скот. Что они не сопротивлялись. Возможно, люди, которые так говорили (и, кстати, продолжают говорить), хотели успокоить собственную нечистую совесть, переложив на плечи жертв хотя бы часть вины за случившееся. Честные историки давным-давно доказали, что это ложь. Были восстания – не только знаменитое восстание в варшавском гетто, не только восстание узников в Собиборе, но и другие. Евреи неповинны в том, что не могли одержать победу над вооруженными до зубов и хорошо обученными солдатами нацистского рейха. И тут мы обязаны сказать, что подвиг советского солдата в Великой Отечественной войне – это Божественное дело. Если бы не те, что покоятся сейчас в бесчисленных воинских могилах на просторах от Волги до Эльбы, если бы не те, что прошли всю войну, расписались на стенах поверженного рейхстага и вернулись домой с победой, не бывать бы не только тому поколению, которое мы называем «нищолей Шоа» («уцелевшие в Катастрофе»). Не бывать бы и потомкам их. Не бывать ни одному из нас. Осталось еще, слава Богу, немало евреев, воочию видевших собственную смерть и спасенных Советской армией. Уверен, до последнего дня они будут нести в своих сердцах великую благодарность к воинам-освободителям. Точно такое же чувство должны испытывать и нынешние поколения, ибо советский солдат дал им возможность появиться на свет.

...Вот почему наша благодарность солдатам Великой Отечественной безгранична. В эти дни каждый из нас должен подойти к ветерану войны и выразить ему свою признательность. Но 9-м мая благодарность не может кончиться. Не может, не должна кончиться и нашим поколением. Родители и деды выжили, потому что советские воины не щадили собственной жизни в те далекие и страшные годы. Благодаря этим воинам живем и мы сами. Наш долг – внушить своим детям ту же неизбывную признательность».

Вслед за Б. Лазаром также считаем одним из злостных вымыслов слух о том, что евреи не сопротивлялись Холокосту, они, мол, шли безропотно на убой. Широко известных и убедительных фактов, опровергающих этот навет, предостаточно. Восстания против нацистов произошли в гетто Кременчуга, Вильнюса, Клецка, Мира, Белостока и в других местах, но наиболее значительным актом еврейского

сопротивления было Варшавское восстание. Его называют «вооруженным», хотя в самом начале весь арсенал восставших составляли несколько пистолетов и гранат. Уже позже, в ходе боев, они сумели завладеть оружием. И эти люди целый месяц держали оборону, не давали немцам вторгаться в гетто. Месяц, много это или мало? Сравним. Варшавское гетто противостояло атакам отборных частей СС дольше продолжительности сопротивления наступающей немецкой армии со стороны всей Польши. Франция была завоевана за 43 дня, Норвегия за 23 дня, Голландия – за 5 дней, Дания – за один день.

Попытки немцев войти в гетто натолкнулись на столь яростное сопротивление, что они были вынуждены отступить, и на это время удалось остановить депортацию узников в лагеря смерти.

В Ченстохове практически безоружные евреи уничтожили большой отряд фашистов. В июле 1942 года группа верующих евреев г. Несвиж, вооруженная несколькими пистолетами, оказала сопротивление большому отряду СС и погибла, успев поджечь собственные дома.

Сопротивление немцам оказали узники гетто в Ляхве (Белоруссия), в лагере Собибор, в Сосновке (это показано в кинофильме «Тяжелый песок») и в других местах. Несмотря на все трудности и лишения (изолированность, скученность, голод, болезни, холод), люди в гетто не теряли человеческий облик – помогали друг другу, часто собирались, пели песни, влюблялись. И это, несмотря на то, что условия жизни в гетто почти не отличались от тех, что были в концентрационных лагерях.

Трагедия Холокоста признана большинством стран, его отрицание в них является преступлением.

Во многих странах открыты и строятся мемориалы и музеи, посвященные Холокосту. В Ченстохове (Польша) открыт памятник 40 тысячам евреев, погибших в годы Холокоста в концентрационном лагере Трешлинка. В Бухаресте работает мемориал жертвам Холокоста, а президент Румынии заявил: «Признать геноцид периода Второй мировой войны и почтить память 400 тысяч евреев и цыган, погибших в этот период, было долгом Румынии». Всему миру известен музей Яд-Вашем в Израиле.

В России создан и работает фонд Холокост, который возглавляет общественный и политический деятель, публицист и писатель Алла Гербер. Самое важное в деятельности фонда, как считает А. Гербер, то, что было разбужено общественное мнение. «Многие узнали, наконец, о Катастрофе и какие ужасы с ней связаны. Помогли этому регулярно проводимые вечера памяти евреев – жертв нацизма и сталинского режима, которые широко освещаются средствами массовой информации». Тиражом в 25 тысяч экземпляров издана книга «История Холокоста» на территории СССР. На этом издании стоит гриф «Учебное пособие для средней общеобразовательной школы». Как пишет А. Гербер, «к сожалению, добиться, чтобы Холокост упоминался хотя бы отдельной строкой в учебниках истории, нам все-таки еще не удастся, как не удастся и ввести факультативные занятия в общеобразовательных школах по изучению Холокоста, как это принято в цивилизованных странах».

Литература

1. *Этингер Яков*. Документы – это еще не вся правда // Лехайм. 2000. № 9.
2. *Медовар Л.* Перо воистину действеннее автомата // Лехайм. 2001. № 6.
3. *Этингер Я.* У неиссякаемого источника великой ненависти // Лехайм. 2001. № 11.

4. Григорьев В. Роман и вымысел // Лехаим. 2002. № 12.
5. Сарнов Б. Холодный траур» // Лехаим. 2002. № 12.
6. Кельнер М. Зигмунд Фрейд – хроникер // Лехаим. № 6. 2002.
7. Ратнер Л. Участливой руки пожатье // Идуд Хасадим. 2002. № 12, № 31–32.
8. Бейфест Б. Феномен еврейства // Идуд Хасадим. 2003. № 7–8.
9. Кардин Б. Можно ли верить речистым былинникам // Лехаим. 2003. № 10.
10. Цитерфин И. Создание легендарного Т-34 не обошлось без евреев // Еврейское слово. 2005. № 17 от 4–10 мая.
11. Гильмутдинов Б. Я считаю себя евреем // Лехаим. 2005. № 4.
12. Труб И. Пагубное пристрастие историка // Лехаим. 2005. № 8.

В.М. НОВИК

**«ТРЭБА ЖЫЦЬ, ЯК НАВЯЖЫЦЬ»: ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В ВОСПОМИНАНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ МАЛАЯ ВОЛЯ**

Время неумолимо отдаляет от нас, живущих сегодня, события грозных лет Великой Отечественной войны. Однако для людей, переживших весь трагизм лихолетья, ни время, ни радостные события мирных дней не могут вытеснить из памяти те черные страницы их жизни, горечь и боль от увиденного и пережитого, от потерь родных и близких, знакомых, односельчан. Они все помнят и рассказывают детям, внукам о том, как они выживали, сражались и победили.

В день накануне рокового 22 июня 1941 года жители деревни Малая Воля, ныне Дятловского района Гродненской области, расположенной в необычайно живописном уголке Белоруссии на правом берегу реки Щары, притока Немана, были заняты своим мирным созидательным трудом, как и многие сотни тысяч жителей большой страны Советов. Примечательным было лишь то, что большая часть из них трудилась на своих собственных лугах, полях, огородах, несмотря на воскресный день, так как после воссоединения Восточной и Западной Белоруссии в 1939 году в эти края еще не дошла коллективизация.

Деревенская молодежь с нетерпением ждала завершения рабочего дня, чтобы вечером отправиться на танцы, проходившие обычно в просторном доме, хозяева которого разрешали им повеселиться, пожертвовав своим отдыхом. Возвращаясь на рассвете домой, многие обратили внимание на непонятный вой собак в разных концах деревни и странный непрерывный гул, доносившийся со стороны городов Слонима и Гродно. Станным и совершенно непонятным был рассвет 22 июня и для Михаила Пузача, который возвращался со свадьбы, проходившей в местечке Деречин, что в направлении Гродно. Отыграв свадьбу вместе со своим товарищем Викентием Павочкой, они были рады тому, что появилась еще одна счастливая семья, в создании которой они принимали участие. 22-летние парни и представить себе не могли, что с этого дня на целых пять лет затихнет марш Мендельсона, который они играли для молодоженов.

Утром тревога охватила всех жителей деревни. Никто не мог объяснить происходящее. Были лишь догадки о том, что могла начаться война «немца» с русскими, как говорили в деревне. Эти слухи нет-нет да и появлялись задолго до 22 июня 1941 года, хотя никто не хотел в это верить. Никаких средств связи в то время не было, и население деревни не могло услышать правительственное сообщение о том, что под прикрытием ночи, без объявления войны, фашистские орды внезапно вторглись в пределы нашей страны.

Истинное положение дел прояснилось на третий день – 24 июня. Жители деревни не только услышали, но и увидели войну. Сначала на бреющем полете несколько самолетов со свастикой на крыльях пролетели вдоль реки Щары и разбомбили мосты в деревне Большая Воля, что в трех километрах на запад от Малой Воли и в деревне Скрудди, что в пяти километрах на восток. Вскоре на противоположном берегу реки стали появляться части Красной Армии, которые, неся тяжелые потери, преследуемые фашистскими танковыми соединениями Г. Гота и Г. Гудериана, отступали на восток в направлении белорусского города Лиды. Расстроенные колонны машин, танки, солдаты 11-го механизированного корпуса генерала Д.К. Мостовенко устремились на переправу через Щару в районе Большой Воли, но мост уже был разбит. С помощью местных жителей из подручных средств удалось организовать временную переправу, по которой проехали машины с орудиями и минометами. Танки, пехота и кавалерия пошли вброд. Немалое количество отступавших оказалось напротив д. Малая Воля, жители которой сразу же задействовали все лодки и паром для переправы, указывали места, где можно было преодолеть реку вброд. К сожалению, не обошлось без жертв. В спешке, а порой не умеющие плавать солдаты и офицеры тонули в реке и особенно в озерах, находившихся как на левом, так и на правом берегах Щары. Фашистская авиация безжалостно сеяла смерть среди отступавших бойцов Красной Армии, разрушая дома мирных жителей и истребляя все живое.

Мирная жизнь была прервана. Над свободным населением нависла фашистская угроза. Все чаще и чаще проезжали теперь по деревне колонны немецких солдат. В соседней деревне Лупачи расположился немецкий штаб.

К концу июля 1941 года весь Дятловский район был оккупирован фашистами, где они начали устанавливать «новый порядок»¹. В условиях военного времени жители деревни начинали осознавать, что «трэба жыць, як набяжыць», то есть «следует жить так, как складываются обстоятельства».

В Белоруссии, как и в целом по стране, началась мобилизация военнообязанных граждан 1905–1918 годов рождения². На призывной пункт в местечко Козловщину, бывшее в то время районным центром, что в 16 км от деревни Малая Воля, отправились из деревни более 30 юношей, готовых встать на защиту родины от врага. Каково же было их удивление, что ни одного из них не отправили на фронт! Власти мотивировали это тем, что на всех наложена бронь, и они должны заниматься заготовкой и сплавом леса, необходимого для фронта. Среди населения ходили слухи, что «западников» (так называли население Белоруссии, входившей в состав Польши до 1939 года) неохотно отправляли в ряды Красной Армии, опасаясь предательства с их стороны. Некоторые объясняли такую ситуацию тем, что стремительное отступление Красной Армии не позволило организовать новобранцев для отправки на фронт. Защищать Родину ушли только 9 человек, которые были призваны в ряды Красной Армии накануне войны. Вернувшиеся обратно в деревню юноши не стали сокрушаться по поводу случившегося, полагая, что всем вместе выжить будет легче. К тому же все больше и больше давали о себе знать «новые порядки» захватчиков. К осени 1941 года территория Белоруссии была разделена на округа для организации и проведения в них актов террора специальными частями гестапо, зондеркомандами, войсками СС и СА. Дятловский район был отнесен к генеральному округу «Беларутэнія». В сентябре 1941 года в Дятлово было создано гетто, в котором содержалось до 4500 человек

еврейского населения, позже в ходе погрома из них было расстреляно 3500 человек³. В Козловщине были созданы волостное управление, отряды вспомогательной полиции для контроля и проведения мер безопасности на близлежащих территориях. По распоряжению командующего тылом группы армии «Центр» генерала пехоты фон Шенкендорфа в ряды вспомогательной полиции бургомистрам волостей было рекомендовано привлекать «надежных фольксдойче», белорусов, и если таковых не имеется, то поляков⁴. В деревне эти обязанности были возложены на М.Г. Лупача без его согласия, но к выполнению их он так и не приступал.

В ходе участвовавших рейдов служащих вспомогательной полиции и отрядов эсэсовцев у жителей деревни стали уводить скот, вывозить зерно, отнимать одежду и другие предметы домашнего быта. Население вынуждено было уйти в подполье. Убежищем для сельчан теперь стали густые леса, окруженные топкими болотами. С собой они уводили скот, увозили небогатый скарб или, в надежде на скорое освобождение, закапывали его в ближайшем от деревни лесу. В перерывах между бомбежками и боями, которые вели отступавшие силы Красной Армии с фашистами, сельчане умудрялись сеять, а потом и собирать урожай, заготавливать на зиму корм для скота и дрова для отопления домов.

Затихавшая на время канонада давала местным жителям возможность оказаться на месте боя, чтобы помочь раненым. В деревне было немало смельчаков, а порой и просто любопытных, которые стремились побывать на месте боя. К числу таких относился и М.В. Пузач.

Увиденное, рассказывал он, потрясло его: сотни трупов, лужи крови и рядом стоящая машина, заполненная телами убитых советских солдат. Находившийся там командир едва подавал признаки жизни. Но когда деревенский парень подошел к машине поближе, он командирским голосом приказал ему помочь сесть за руль машины. После этого машина направилась в сторону Лиды, куда отступали части Красной Армии.

О не менее трагичном случае рассказала Мария Господарик, когда во время отступления Красной Армии к ним в дом с пистолетом в руках вбежал русский офицер, по лицу которого было видно, что он потрясен каким-то невероятно страшным событием. «Вы русские или поляки?» – озлобленным голосом спросил он. Находившаяся в это время вместе с дочерью ее мать Марыся Господарик была перепугана до смерти, но, тем не менее, спокойно объяснила, что они белорусы, ее сын также находится на фронте, и о нем они ничего не знают. Затем пригласила его к столу и расспросила о случившемся. Оказалось, что офицер сопровождал колонну эвакуированных на восток, где была и его семья, которая погибла во время бомбежек. Увидев сочувствующие лица женщин, он признался, что в порыве отчаянья не контролировал свои действия, потом поблагодарил за приглашение отобедать и предложил пройти к машине и взять из уцелевших вещей его семьи то, что они считают для себя нужным. Пришедшая на место трагедии 18-летняя Мария Господарик была вне себя от увиденного. Только спустя некоторое время она рассказала о множестве убитых беженцев и уцелевшей машине, в которой с большим старанием и аккуратностью, судя по всему руками жены офицера, были уложены все вещи.

Испытывая боль и горечь от увиденного во время отступления Красной Армии и следовавших с ними колонн беженцев, а также постоянный страх за свою жизнь и жизнь близких, население деревни все же не покидала надежда на то, что

«блицкриг» скоро захлебнется и фашисты будут разбиты. Основанием для такой уверенности было широко развернувшееся партизанское движение на оккупированной гитлеровцами территории Белоруссии.

Центром партизанского движения на Дятловщине, куда относилась и деревня Малая Воля, стали леса Липичанской пущи, где была сформирована и действовала Ленинская партизанская бригада во главе с командиром Ф.М. Синичкиным, позже – Б.А. Булатом. Партизаны наносили ощутимые удары по фашистам. Они смело действовали в тылу врага: взрывали мосты, разрушали дороги, линии связи, пускали под откос эшелоны, громили волостные управы и отдельные гарнизоны, уничтожали живую силу противника. Борьба народных мстителей, ядром которой были бойцы и командиры Красной Армии, вышедшие из окружения или вырвавшиеся из фашистского плена, нашла всенародную поддержку. Партизанские отряды пополнялись за счет местного населения, в их рядах оказались и жители деревни Н.Н. Павочка, В.М. Пузач, М.В. Пузач, В.И. Новик. Существенную поддержку партизанам оказывало деревенское население. Оно обеспечивало народных мстителей продуктами питания, информировало о перемещении войск противника, укрывало раненых.

3649-й партизанский отряд, возглавляемый Б. Булатом, который в октябре 1942 года дислоцировался в километре от Малой Воли, за время его существования «подорвал 12 поездов, 7 мостов с поездами, 1 без поездов. Были разбиты 2 бывших райцентра, 18 мин; уничтожено 7 автомашин с живой силой и боеприпасами. Разбит в деревне Руда-Яворская 115-ый украинский батальон⁵, взяты трофеи: боеприпасы, документы штаба и часть оружия; убито с их стороны 50 человек, взято в плен 10 человек»⁶. Сплав военного опыта командиров партизанских отрядов и знание местных условий партизанами придавали особую остроту борьбе против оккупантов, и наносили гитлеровцам значительный ущерб. Для борьбы с партизанским движением в советском тылу немецко-фашистское командование вынуждено было летом и осенью 1942 года использовать до 24 дивизий⁷. Данные фашистской полиции безопасности и СД на оккупированной территории СССР о деятельности партизан и подпольщиков Белоруссии в 1942 году пестрели сообщениями о том, что «бандитская опасность в Белоруссии по-прежнему актуальна...»⁸, «бандитская деятельность по-прежнему остается проблемой в Белоруссии»⁹.

Чтобы взять реванш над противником, фашисты перешли к тактике тотального опустошения захваченной территории и массового истребления людей. В декабре 1942 года свои удары они направили против партизан Ленинской бригады: организовали карательную экспедицию численностью до 35 тысяч солдат¹⁰, но она закончилась провалом. И тогда на вооружение гитлеровцами была взята директива Гитлера от 16 июня 1942 года, в которой было сказано: «Партизанская война дает нам возможность уничтожить все, что против нас»¹¹. Начальник оперативного штаба полиции безопасности и СД в Минске штандартенфюрер С.С. Пифрадер в своей директиве от 18 ноября 1942 года начальникам разведывательных команд напомнил о том, что «коллективные расстрелы, сожжение деревень без полной ликвидации или выселения их жителей приводят только к отрицательным для нас результатам»¹².

Начались массовые облавы против мирного населения, которое подозревалось в связях с партизанами. С закатанными до локтей рукавами, в железных касках на голове, с автоматами наперевес, плотными рядами фашисты начали прочесывать деревни и близлежащие леса. Жертвами рейдов стали жители деревни Малая Воля

К.И. Грецкий, И.Ф. Коренко, Д.И. Павочка, К.К. Павочка, П.Ю. Пузач, которые были расстреляны в деревне Лупачи, где находилась немецкая комендатура. Туда же под дулами автоматов была насильственно доставлена и семья В.Н. Пузача из 8 человек, среди которых были дети в возрасте от 9 до 11 лет. Эта семья подозревалась в том, что она жила на хуторе¹³, и поэтому ее сочли потенциальными пособниками партизан. От расстрела семью Пузачей спасло лишь то, что Виктор Николаевич пообещал им принести свежей рыбы, пойманной накануне. Оставив членов его семьи в качестве заложников, гитлеровцы отпустили его, что бы он выполнил свое обещание. Так корзина свежей живой рыбы спасла жизнь большой семье.

Борьба с партизанским движением на оккупированной территории становилась для немецкого государства лишь одним из способов освобождения жизненного пространства от «неполноценных народов» и стала приобретать невиданные масштабы.

Наступил черный декабрь 1942 года – самый трагический как для жителей деревни Малая Воля, так и близлежащих селений. Фашисты с необычайной жестокостью стали «платить» мирным жителям массовыми расстрелами за гибель каждого убитого немца.

13 декабря 1942 года возле деревни Трахимовичи в перестрелке с партизанами было убито несколько немецких солдат. Уже через несколько часов фашисты окружили деревню и сожгли 22 дома, расстреляли 142 человека из 165 жителей, проживавших в 23 домах.

14 и 16 декабря трагическая судьба постигла жителей деревни Большая Воля, в которой было 104 двора и проживало 430 человек. Были сожжены все дома и расстреляны 364 человека, лишь девяти сельчанам чудом удалось выбраться из под мертвых тел. На этот раз поводом для массового расстрела жителей стало убийство семьи Жилинских. (До войны глава семейства охранял мост через реку Щару, а его сын Валентин с приходом немцев перешел на их сторону.) Об этом чудовищном акте карателей маловоляне узнали в лесу, куда после расстрела к ним ночью добрались чудом спасшиеся И. Городко и И. Павочка.

18 декабря 1942 года настал судный день и для жителей деревни Малая Воля. Холодный декабрь не позволял долго прятаться в лесу, и большинство жителей вернулось в свои дома. С утра вся деревня оказалась заполнена немцами, которые под дулами пулеметов стали сгонять жителей в два заранее назначенных места: одну группу – к дому И. Панасика, другую – на берег реки возле дома Л. Дубицкого. Кому-то удалось спрятаться на чердаках домов, в сараях, кто-то при появлении карателей успел убежать обратно в лес, оставив своих родных. Так, например, поступил И.А. Чудиловский, оставив жену и двух детей в возрасте одного года и 3-х лет, так как с ними убежать было невозможно. Он сделал это сознательно, чтобы в случае их гибели было кому хоронить убитых. Те, кто не мог сам дойти до назначенного места по причине старости или болезни, были расстреляны на месте. Так трагически оборвалась жизнь Н. Коренко, М. Чудиловской, П. Пузача. Антонину Ольховик каратели расстреляли только за то, что она носила очки, и это явилось основанием считать ее еврейкой. Собравшихся жителей деревни заставили встать на колени и окружили со всех сторон пулеметами. На слезы и мольбы, просьбы: «Паночки, отпустите нас, мы ни в чем не виноваты, мы жить хотим», каратели не реагировали. Все были в полном недоумении от действий одного из автоматчиков, когда он из толпы обреченных вытащил девочку-красавицу

(это была 11-летняя Анна Лупач) и на ломаном польском языке предложил отправить ее к своим родителям в Германию, чтобы жениться на ней после окончания войны.

Никто уже не питал надежды на спасение, и жители стали прощаться друг с другом. Вдруг к оцепеневшим от страха жителям, ждавшим своей последней минуты у дома И. Панасика, подъехала машина, и из нее вышел Валентин Жилинский. Все подумали о самом худшем зная, какая участь постигла жителей близлежащих деревень. Находившиеся в полном отчаянии маловоляне только молили Бога о спасении и не обращали внимания на разговоры, которые вел В. Жилинский с теми, кто в любую секунду готов был пустить в них пулеметную очередь. Все оказались в полном недоумении, когда закончив переговоры, В. Жилинский уехал, и жители в это же время увидели вспышку сигнальной ракеты, которая, как оказалось, была сигналом к их спасению. Это был знак, который должны были принять немецкие солдаты, державшие под дулами пулеметов и автоматов группу окруженных на берегу реки возле дома Л. Дубицкого людей на другом конце деревни. На этот раз Господь услышал их молитвы. Всем жителям было разрешено разойтись по домам.

Почему же после появления В. Жилинского последовало освобождение жителей деревни? Точный ответ на этот вопрос мог бы дать только он сам, но он покинул деревню вместе с немцами. Среди жителей деревни ходили слухи о том, что Валентин был ровесником деревенских парней, с которыми у него были тесные дружеские отношения еще до войны. Кроме того, по словам Алексея Новика, это было связано с именем П.И. Булака – командира одного партизанского отряда. Преследуемый полицией, он укрывался в доме жены, которая была родом из деревни Малая Воля. Когда они зашли в дом, Булак лежал на печи. Жена «пожалела» о его отсутствии, вышла в кладовую за самогонкой, чтобы угостить «визитеров». П.И. Булак, полагая, что, если дело дойдет до обыска, ему живым не уйти, в отсутствие жены выпустил очередь из пулемета, никого не убив при этом. Самому ему удалось сбежать. Полагают, что отсутствие жертв во время этого инцидента явилось залогом спасения жителей деревни.

Однако такое везение выпало на долю далеко не всех селян. По-прежнему продолжались облавы, во время которых гибли ни в чем не повинные люди. Так произошло с Сидором Коренко и его женой Людвигой. Отслужив в царской армии два срока за себя и брата, он получил приличное вознаграждение и купил в собственность землю, мельницу и другие ценности. По меркам того времени, это была самая зажиточная и образованная семья в деревне. Поскольку все было нажито своим собственным трудом, Коренки боялись оставить свой дом в момент очередного рейда карателей. Их сын Иосиф, вернувшийся на следующий день из леса, где он укрывался, увидел только мертвые тела своих родителей и разбросанные по всему двору письма брата Михаила, служившего в польской армии. Очевидно, эти интеллигентные люди пытались предоставить их карателям, рассчитывая на свое спасения.

Безжалостно были расстреляны фашистами: В.Ю. Ольховик, Ю.И. Ольховик, Н.Ф. Ольховик, Антонина и Евгений Панасик, И.И. Пузач, которые скрывались в д. Дуборощина. В Руде Яворской, где находился немецкий гарнизон, был повешен схваченный в лесу как пособник партизан И.И. Грецкий.

Самих жителей деревни, испытавших неимоверный страх после готовящейся над ними расправы, на третий день в принудительном порядке отправили хоронить убитых великоволян. Перенося безжизненные тела в только что вырытую большую могилу, они нашли среди убитых живых детей – четырехлетнего Броника Шкивата и годовалую девочку. Став на колени перед карателями, все просили о пощаде для детей. Но изверги были неумолимы, и на глазах у всех они хладнокровно расправились с беззащитными малолетними детьми. В деревне Трахимовичи тем, кто пришел хоронить убитых, пришлось уже в который раз видеть загубленные жизни мужчин, женщин, детей, жизнь которых оборвалась по воле фашистов, пришедших освобождать для себя жизненное пространство от «неполноценных народов».

В 1943 году началась очередная черная страница в жизни жителей деревни. Фашисты терпели одно поражение за другим. Восточный фронт требовал больших людских и материальных ресурсов. Военная промышленность Германии не могла обеспечить армию всем необходимым. Часть недостающей силы на производстве компенсировали тысячи военнопленных. Но этого немцам явно было недостаточно для желаемой победы. Началась «мобилизация» молодежи для производства на фабриках, заводах, шахтах Германии. Из районного центра Козловщина в деревню направлялись отряды вспомогательной полиции для принудительной отправки здорового трудоспособного населения в Германию. Первоначально предлагали добровольно отправиться «на заработки» тем, у кого было мало земли, и разъясняли, что одиночек будут отправлять на заводы, фабрики, шахты, а семейные пары – для работы на фермы. Добровольцев отправиться в обещанный «рай» не находилось. И тогда среди работников комендатуры появились так называемые «хапуны». Приезжая в населенный пункт, они хватали первых попавшихся на глаза людей и доставляли в Козловщину, где формировались группы для отправки в Германию. Так, в числе схваченных оказались М. Пузач, его отец В.Н. Пузач и односельчанин В.Д. Павочка, в доме которого они первоначально содержались. 11-летняя Валя Пузач, взяв с собой деньги и съестные припасы, пошла хлопотать за отца и брата, чтобы их освободили. Никакие аргументы не действовали на пособников фюрера. Каким-то чудом брату удалось сбежать, отца не взяли из-за возраста (ему было 75 лет), а она, босая, полураздетая вместе с В.Д. Павочкой была доставлена в Козловщину. Группа еще не была сформирована, и их на ночь оставили в полуподвальном помещении с решетками. На счастье, никто накануне их не обыскал, и в кармане В.Д. Павочки оказался маленький нож, которым удалось перепилить решетку. Вырвавшись из плена, босиком по снегу (был уже декабрь месяц) они добрались до деревни Русаки, что в четырех километрах от Козловщины. Родственники переодели их, дали Вале полуразвалившиеся ботинки на несколько размеров больше положенного и попросили скорее покинуть дом, опасаясь накликать на себя гнев полиции. Валентина осталась жива. Со слезами на глазах позже она рассказывала о тех страшных событиях и казавшихся вечностью днях. У В.Д. Павочки от того сильного переохлаждения к старости отнялись ноги.

Чтобы обезопасить себя от угона в рабство, молодежь деревни стала натирать тело цветами куриной слепоты – растением, которое вызывало вздутие вен и язвы. Немцы, не щадившие жизнь миллионов людей, тщательно оберегали свою, опасаясь заразиться какими-либо болезнями. Однако и эта крайняя мера не спасла

от угона в Германию 24-летней Зинаиду Ольховик, Ивана Пузача (23 года), Зинаиду Коренко (18 лет). Вместе с ними был отправлен и 49-летний Иосиф Новик¹⁴. Вместо него на сборный пункт в Козловщину должна была отправиться его 15-летняя дочь Елена. Зная о том, что на каторгу отправляют только молодых и здоровых, она предложила: «Иди ты, отец, тебя не возьмут». Но его взяли, невзирая на возраст. Два года он работал на погрузке угля в Обер-ходе, И. Пузач на ферме в Фельзберге, З. Коренко в Ганайде на колесной фабрике, З. Ольховик работала в имении Остарада¹⁵ и встретила там такого же молодого парня Николая Шелесного, угнанного на каторгу из деревни Гута, что в 14 км от Малой Воли. Позже она вышла за него замуж. К счастью, в конце 1945 года все пятеро вернулись к родным.

Но не со всеми односельчанами им суждено было встретиться. Зверства фашистов на белорусской земле продолжались. Чем очевиднее были успехи Красной Армии на фронтах и партизан в тылу врага, тем с большей жестокостью немцы проводили карательные операции в селах. В 1943 году фашисты сменили тактику массовых расстрелов мирных жителей в селениях и стали свозить схваченных по подозрению в связях с партизанами в определенные места. Сменился и способ расправы со своими жертвами. Обреченных на смерть стали сжигать. Так, в Дятлово заживо был сожжен житель деревни Р. Панасик. В деревне Погири, недалеко от Дятлово, такая же участь постигла Н.Н. Павочку, В.М. Пузача и В.И. Новика.

Все труднее становилось выживать населению деревни. Бесперывно трассирующие пули, рвущиеся снаряды становились причиной непрекращающихся пожаров, в результате чего из 75 дворов, которые были накануне войны, было уничтожено 58¹⁶. Все сложнее становилось выращивать урожай и содержать скот, так как большую часть года людям приходилось скрываться в лесу. Некоторые семьи начинали ощущать голод, нехватку самой простой одежды и обуви. Особенно это испытывали на себе малоземельные сельчане, т. к. им не доставало зерна, других сельскохозяйственных продуктов, сырья (шерсти, льна, конопли) для изготовления одежды. Более состоятельные делились своим скарбом, давали в долг, а некоторым приходилось нищенствовать и даже идти на службу в более зажиточные семьи, хотя в деревне таких было не так много.

В таких условиях некоторые прибегали к опасным промыслам, приводившим порой к трагедии. Чаще всего это было связано с особым способом ловли рыбы. Так, молодые парни бросали снаряды в реку и после взрыва собирали улов. Иногда снаряд взрывался в руках неопытных жителей. Именно так случилось с Ф. Пузачем и Н. Новиком, в руках которых преждевременно разорвался снаряд. Собрать их тела удалось только с помощью грабель. Так гибель мужчин, не участвовавших в боях, осиротила их семьи.

Молодые парни гибли также от случайных пуль или от пуль фашистских снайперов, когда они собирали вещи из брошенных машин беженцев. Так случилось, например, с Владимиром Дубицким и Степаном Новиком.

Жителям деревни приходилось хоронить и оплакивать не только родных, близких, односельчан, но и тех, кто волею судеб был связан с ними в это трудное время. В их памяти осталось имя Атласа Миллера, который отстал от отступавшей Красной Армии и пополнил ряды партизан, действовавших в окрестностях Малой Воли. Ветеринарный врач по профессии, он безотказно лечил всех, кто ни обращался к нему. В одном из жестоких боев, который вели партизаны с остервенелыми фашистами, А. Миллер был ранен. Его вынесли с поля боя, отвезли в безопасное

место, но спасти его не удалось. В густом лиственном лесу, где находилась партизанская база, его похоронили. Благодарные жители деревни назвали одно из урочищ его именем – «Под Миллером».

Бесконечные тревоги, рейды карателей, страх, голод и холод должны были, как полагали фашисты, сломить народ. Но не сдались простые, бесхитростные, заботливые и твердые духом жители Малой Воли. Когда стихала канонада, в таких, казалось бы невыносимых условиях в деревне порой звучала музыка и песни. Молодежь пела и плясала, к ней присоединялись и партизаны. Правда, как вспоминают сельчане Михаил Копать и София Чудиловская, слышав выстрелы, все мгновенно оставляли место увеселения и разбегались в разные стороны.

Увидев безоружных, одиноко шедших немцев, некоторые могли посочувствовать им. Так было и с Марией Господарик. Когда мимо ее дома проходил красивый, как ей показалось, статный, не озлобленный, с открытым и добрым лицом немецкий солдат, она попыталась объяснить ему, чтобы он не шел в направлении реки Щары, где находились партизаны, которые могли убить его. Не оставиваясь, он только ответил ей по-польски «*Ja niekogo ne zabijem i mnie nikt nie zabije*» («я никого не убил и меня никто не убьет»), и пошел дальше своей дорогой.

Несмотря на все беды и трудности, которые приходилось переносить жителям деревни, в семьях рождались дети. 16 девочек и 24 мальчика появились на свет в 1941–1945 годах. Из них в 1941 году – 2, 1942 году – 10, 1943 году – 6, 1944 году – 10 и в 1945 году – 12¹⁷. Эта динамика роста населения деревни последних лет войны – живое подтверждение тому, что ее жители выстояли, победили, а мы, потомки, должны помнить об этом и быть благодарными им.

Примечания

¹ *Лемяшонак У.* Надышла чорная ноч // Памяць. Дзятлаўскі раён. Мінск, 1997. С. 106.

² Великая Отечественная война. М., 1970. С. 70.

³ Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далее НАРБ), ф. 845, воп. 1, спр. 186, лл. 37, 38.

⁴ НАРБ, ф. 4683, воп. 3, спр. 952, л. 5.

⁵ 115-й украинский батальон был направлен в д. Руду Яворскую, что в 9 км от д. Малая Воля, чтобы организовать комендатуру и парализовать партизанское движение в округе.

⁶ Цит. по: *Шупеня С.П.* Гневная Щара. Минск, 1977. С. 18.

⁷ Великая Отечественная война. М., 1970. С. 205.

⁸ Так гитлеровцы именовали партизан и подпольщиков, чтобы опорочить и дискредитировать партизанское движение.

⁹ Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы: в 3 т. Минск, 1973. Т. 2. Кн. I. С. 360, 362.

¹⁰ НАРБ, ф. 3500, воп. 4, спр. 251 л. 179.

¹¹ Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944). М., 1968. С. 53.

¹² Там же. С. 130–131.

¹³ В.Н. Пузач дважды выезжал на заработки в США и по возвращении купил землю и лес в километре от д. М. Воля, где и был построен дом, называемый в Белоруссии хутором.

¹⁴ Зональный государственный архив, г. Новогрудок (далее ЗГА), ф. 789, оп. 1, д. 8, л. 5.

¹⁵ ЗГА, ф. 720, оп. 1а, д. 18. л. 20.

¹⁶ НАРБ, ф. 4683, воп. 3, с. 76, 1, л. 61.

¹⁷ НАРБ, ф. 4683, воп. 3, с. 761, л. 61.

**ПРЕЗЕНТАЦИИ ВЫСТАВОК, ПОСВЯЩЕННЫХ
65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

В преддверии праздничных мероприятий, посвященных 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 4 мая 2010 года по инициативе Представительства Министерства иностранных дел Российской Федерации в г. Йошкар-Оле в Национальной библиотеке им. С.Г. Чавайна состоялась презентация фотодокументальных выставок из фондов Архива внешней политики Российской Федерации и Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество).

Экспозиция выставки **«Советская дипломатия в годы Великой отечественной войны»** из фондов Архива внешней политики России отражает сложные процессы советской внешней политики, действия и результаты работы дипломатического корпуса в самые трагические и героические годы истории государства. Фотодокументальные материалы свидетельствуют о том, как Советский Союз, США и Великобритания оказались по одну линию фронта, рассказывают об усилиях советской дипломатии по формированию, развитию и сохранению антигитлеровской коалиции.

Исторические документы, представленные в экспозиции, позволяют не только проследить ход внешнеполитической деятельности, но и благодаря многим личным пометкам, замечаниям, понять, как рождалось то или иное решение. От рукописного текста выступления 22 июня 1941 г. Наркома Иностранных Дел СССР В.М. Молотова, сравнительно недавно обнаруженного в архиве МИД России, до соглашений в Тегеране, Ялте, Потсдаме - такой останется в истории советская дипломатия в годы Великой Отечественной войны.

Экспозиция из фондов Россотрудничества **«Была жестокая война, была великая Победа»** состоит более чем из сотни фотографий военных корреспондентов, сумевших под огнем с большим риском для жизни, а подчас ценой самой жизни запечатлеть камерой «Лейка» или ФЭД драматические события военных лет, когда борьба за жизнь и сама смерть были слишком близко друг от друга.

Фотографии военных корреспондентов ждала вся страна, многие снимки вошли в классику фоторепортажа. В экспозиции представлены фотоматериалы военных корреспондентов Якова Рюмкина, Аркадия Шайхета, Макса Альперта, Михаила Савина, Марка Маркова-Гринберга, Евгения Халдея, Ивана Шагина, Анатолия Егорова и ряда других.

К.Н. САНУКОВ

**И.А. Гилязов. ЛЕГИОН «ИДЕЛЬ–УРАЛ».
ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ
ПОД ЗНАМЕНАМИ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА».
КАЗАНЬ, 2005**

В последние десятилетия, когда интерес к истории Великой Отечественной войны исключительно велик, когда появились сотни монографий, посвященных различным сюжетам из истории войны, оставались, тем не менее, проблемы, которые осознанно или вынужденно замалчивались исследователями. Среди таких проблем – проблема коллаборационизма, сотрудничества части советских граждан с гитлеровской Германией. Если учитывать, что число советских граждан, которые в той или иной сфере (военной, административной, политической и др.) в той или иной степени, вынужденно или сознательно, сотрудничали с Германией в годы войны, достигало (по осторожным подсчетам) нескольких сотен тысяч, а по некоторым – не менее миллиона человек, то уже одно это заставляет основательно задуматься над вопросами: с чем же это было связано? каковы причины, каковы основные характеристики этого сложного и противоречивого явления? Одной из граней этой проблемы является история «восточных легионов» вермахта, в которые вербовались военнопленные из «восточных» народов СССР, в том числе в легион «Идель–Урал» – из национальностей Поволжья и Приуралья. С учетом сказанного, обращение Искандера Гилязова к этой теме представляется очень своевременным. Как признает автор, тема коллаборационизма для историков и вообще всех граждан бывшего СССР – тема болезненная, воспринимаемая неоднозначно, что требовало от исследователя исключительной деликатности и осторожности, его выводы должны быть очень обоснованными, опираться на широкий круг источников.

Монография И. Гилязова привлекает, в первую очередь, фундаментальной источниковой базой. Автор использовал впечатляющее количество источников, прежде всего документов из германских архивов (42 фонда), подавляющее большинство которых вводится в научный оборот впервые. Причем его подход к источникам очень взвешенный и строгий. Он ясно осознает, что большинство из используемых им источников исключительно субъективны, являясь продуктом жестокого тоталитарного режима. Книга выиграла бы, если бы в ней были использованы, наряду с германскими, советские источники, в частности, документы фильтрационных лагерей и послевоенных судебных процессов в отношении легионеров.

В рецензируемой монографии основательно представлена историография проблемы. Автор в сжатой, но емкой форме проанализировал практически всю имеющуюся литературу по теме. Чувствуется, что он путем непростых раздумий о сущности и проявлениях татарского и шире – тюрко-мусульманского коллаборацио-

низма пришел к своим научным и нравственным оценкам. Он зачастую бывает не согласен с имеющимися в литературе точками зрения. В таких случаях его замечания корректны, но в то же время принципиально тверды. Вообще оснований для полемики у Гилязова было достаточно много. Это относится, например, к теме о Мусе Джалиле и джалильцах. Его предшественники, в соответствии с требованиями своего времени, сосредотачивали свое внимание на героизме и патриотизме участников антифашистского подполья и, естественно, придавали резко отрицательную окраску в целом татарскому коллаборационизму, деятелям татарской эмиграции. Автор не вступает с ними в открытую полемику, исправляет лишь фактические ошибки, помещая свои замечания в раздел примечаний. Таких замечаний и исправлений довольно много, имея в виду, что авторы тех работ не были профессионалами-историками, а являлись журналистами.

В целом, автор в максимальной мере использовал достижения своих предшественников. Например, освещая общую проблему советских военнопленных в Германии, он на основе опоры на опубликованные германские и советские (российские) исследования, нарисовал подробный фон для выполнения задач собственного исследования, что вполне оправдано. В то же время в этой же главе более самостоятельно, на базе собственного анализа источников, построен раздел о нацистской пропаганде в отношении красноармейцев и среди военнопленных.

Опираясь, прежде всего, на исследования западных историков, которых тема коллаборационизма привлекала уже довольно давно, автор стремится осмыслить само это явление, его мотивы, формы проявления в разных ситуациях. При этом его интересуют особенности советского коллаборационизма, он задается вопросом: почему в 1920–30-х годах в СССР сложилась такая политическая ситуация, что в условиях войны возможным стало сотрудничество определенной части советских граждан со страной-противником в целях достижения каких-то собственных политических целей?

И. Гилязов основательно проанализировал предпосылки и проявления коллаборационизма татарского и других восточных народов, он выявил и показал его особенности, в отличие от коллаборационизма русского, украинского, белорусского. Аргументированно автором рассматриваются предпосылки возможного военного и политического сотрудничества представителей тюрко-мусульманских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья с Германией в годы Второй мировой войны. Оказывается, что интерес Германии именно к тюркским народам, мусульманскому миру, который был замечен почти с первых недель войны, был далеко не случаен и имел свои корни (обращение к идеям пантюркизма, тюранизма и мусульманскому фактору). Хорошо при этом показана эволюция отношения германских государственных и военных деятелей к тюрко-мусульманской проблеме: от отношения к татарам и другим восточным народам, как к «азиатам», «недочеловекам» (*Untermensch*), к оценке их в качестве «товарищей и помощников», «союзников» в общей борьбе. Убедительны примеры привлечения к этому известных немецких тюркологов и интеллектуальных сил татарской и иной тюркской эмиграции.

Само сотрудничество в книге представлено и характеризуется довольно широко и глубоко. Выявлены не только многочисленные конкретные факты в военной и политической сферах, но и ясно представлена его серьезная противоречивость: она проявлялась и в непоследовательности политики самого гитлеровского

режима, который по расистской своей природе был не способен к такому «союзу» с представителями «неполноценных» народов, и в политической неоднородности самих коллаборационистов, которых к «союзу» с Германией подталкивали самые разные причины и обстоятельства – от элементарного стремления выжить в условиях плена до сознательного, но эфемерного в тех условиях стремления бороться за «национальные идеалы», против сталинской диктатуры. Автор показывает, что «союзничество» было во многих отношениях и даже в основе своей показным – тактическим, без каких-либо гарантий будущего государственно-политического устройства тюркских народов. Исследователь скрупулезно искал высказывания ученых-специалистов по Востоку, которые по существу не находили отклика в государственной политике Германии. Реверансы Гитлера и его окружения в сторону тюркских и других нерусских народов СССР автор справедливо расценивает как «лозунги дня», вызванные к жизни неблагоприятным для нацистской Германии стечением обстоятельств, которые препятствовали претворению в жизнь гитлеровских планов обустройства Европы и всего мира.

Выводы автора продуманны и обоснованы, они опираются на разнообразные по происхождению и содержанию источники. Монография Искандера Гилязова – новаторская работа, свидетельствующая о все более полном утверждении в российской историографии нового исторического мышления, свободного от старых идеологических препон. Значение исследования заключается в том, что оно демонстрирует фактически новые подходы в исследовании и истории войны, и проблемы коллаборационизма вообще, и судеб татарской эмиграции и эмигрантских групп других тюрко-мусульманских народов, и общественно-политической мысли и национальной идеи этих народов в XX веке.

К.Н. САНУКОВ

**ДИЛЯРА УСМАНОВА. МУСУЛЬМАНСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ
В РОССИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ. 1906–1916 ГГ.
КАЗАНЬ, 2005**

История российского парламентаризма, безусловно, представляет огромный исторический и политический интерес и относится к разряду интенсивно изучаемых в последние полтора десятилетия проблем. Актуальность ее чрезвычайно высока. Современные реалии Российского государства, поиски эффективности взаимодействия общества и государства, различных ветвей власти между собой не могут не способствовать повышению интереса к истокам парламентаризма в России. В исторической и вообще в общественно-политической литературе советско-коммунистического периода история четырех Государственных дум России была представлена в весьма искаженном виде. В последние годы установился более объективный взгляд на эту тему. Вместе с тем, как справедливо указывает автор рецензируемой книги, при вполне понятном и определяющем внимании к деятельности партийных групп и фракций, в общих работах по истории Государственной Думы отсутствовало такое же внимание к непартийным группам. А между тем в условиях имперского, многоэтнического и поликонфессионального государства большой интерес представляет рассмотрение вопроса о представительстве в общегосударственном парламенте иных этнических и религиозных групп, кроме представительства господствующей нации и государственной конфессии.

Необходимо в связи с этим особо подчеркнуть, что Д. Усманова удачно выбрала объект своего исследования – функционирование мусульманского депутатского корпуса как составной части Государственной думы в период конституционных преобразований и становления общероссийской политической структуры в 1906–1916 гг., поскольку именно данный аспект позволяет адекватно раскрыть специфику российского парламента, как парламента полиэтничной и поликонфессиональной империи.

Монография дает широкую, цельную и яркую картину взглядов и деятельности мусульманских депутатов Государственной думы дореволюционной России. Особенность работы заключается в интегрированном подходе, включении в поле исследования всех депутатов-мусульман, независимо от этнической, социальной, сословной, профессиональной принадлежности, образования, политических взглядов, места постоянного проживания и избрания. В Государственной думе было представлено 79 депутатов-мусульман: в первой – 25, во второй – 37, в третьей – 10, в четвертой – 7. Поскольку некоторые из них избирались не один раз, то всего интересы мусульманского населения страны представляли 67 человек, избранных от большинства восточных окраин и регионов страны (Волго-Уральский регион, Туркестан и Степной край, Кавказ и Крым). Во всех четырех Думах депутаты-мусульмане объединялись в самостоятельную фракцию. Ее история в монографии Д. Усмановой органично включена в контекст истории конфессионального и национального движения тюркских народов, а оно, в свою очередь, показано с учетом специфики правового положения мусульман России.

Автор стремится показать положение мусульман в разных регионах Российской империи, обращая внимание, прежде всего, на государственную политику, а также общественное движение мусульман и связь его с депутатами Думы. При этом не обходит вниманием проблемы политической жизни России в целом.

Новизна темы и ее неизученность открыли перед автором широкие возможности и одновременно поставили перед сложной дилеммой: каким аспектам проблемы отдать предпочтение, не вызывая при этом возражений у других исследователей и полноценно раскрывая все стороны исследуемого объекта. Думается, автору удалось вполне успешно справиться с этой сложной задачей.

Структурно работа имеет четыре раздела, каждый из которых делится на главы (всего 11), которые, в свою очередь, состоят из частей, напоминающих традиционные параграфы. Структура книги отличается внутренней логикой и позволяет адекватно и полно раскрыть анализируемую проблему.

Раздел первый – «Мусульманское население Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: религиозно-этнический, политико-правовой и научный аспекты» – состоит из трех глав. Большой интерес и научную ценность представляет первая глава, в которой дан обзор источников и литературы. Круг источников, привлеченных к исследованию, репрезентативен и вполне позволяет раскрыть тему. Он включает все основные группы материалов. Не вызывает сомнений и использованная литература – учтен не только комплекс современных российских изданий, но и максимально привлечена зарубежная литература о российском парламентаризме. Автору удалось успешно обобщить и интегрировать старые и совсем новые методологические подходы и внести свой вклад в изучение историографии. Также обозначены собственные подходы, порой сильно отличающиеся от позиций других авторов. Две другие главы первого раздела освещают, во-первых,

административно-правовое положение мусульман в разных регионах Российской империи, во-вторых, начальный этап создания конфессиональных политических органов, проведение первых мусульманских съездов в 1905–1907 гг., контакты мусульманских общественных деятелей с общероссийскими политическими партиями в преддумский период. Эти две главы служат своеобразной отправной точкой для основной части исследования.

Центральными в монографии являются два последующих раздела. Второй раздел – «Мусульманские представители в российском парламенте: опыт фракционного взаимодействия» – состоит из двух глав, в которых рассматриваются избирательные кампании в различных мусульманских регионах страны и избрание мусульманских депутатов в Думу, процесс образования мусульманских думских объединений; представлена характеристика их национального и социального состава, образовательного уровня, политического облика. Думается, что в работе уделено недостаточно внимания таким важным характеристикам, как возраст, материальное положение, профессии и занимаемые должности, которые могли бы лучше прояснить некоторые моменты в деятельности мусульманских депутатов. Практически ничего не сказано о роли председателей фракции, отдельных лидеров, их взаимоотношениях. Во второй главе раздела показаны взаимодействие мусульманских депутатов с думскими фракциями и блоками, контакты с отдельными представителями национальных и региональных групп, участие в Союзе автономистов.

Третий раздел монографии – «Деятельность мусульманских депутатов по защите интересов мусульманского населения империи: публично-правовое и законодательное направление» – является самым обширным по объему и состоит из четырех глав. Разнообразные вопросы, находившиеся в центре внимания и деятельности мусульманских депутатов, по справедливому замечанию автора, могут быть сгруппированы в пять основных блоков: государственно-правовые вопросы, включая требование расширения избирательного права, некоторые вопросы реформы суда и местного самоуправления, аграрная и переселенческая политика правительства, религиозные проблемы, вопросы народного образования и социальные. По объему на первом месте стоят вопросы, связанные с религией, затем аграрный и народного образования. Религиозный и образовательный вопросы для депутатов-мусульман были тесно связаны. Автор показывает позицию и подходы депутатов-мусульман, выразившиеся в законодательной инициативе, при обсуждении думских и министерских проектов и т. д.

Наконец, заключительный раздел монографии – «Российское общество, мусульманская умма и депутаты-мусульмане: практика взаимодействия» – посвящен анализу взаимодействия депутатского корпуса со средствами массовой информации, в первую очередь с прессой (как русской, так и тюркоязычной) и представителями новой, зарождавшейся группы – фотокорреспондентами; рассмотрены такие аспекты деятельности мусульманских депутатов, как контакты с мусульманской общественностью и деятельность при фракции бюро, взаимодействие с внедумскими политическими объединениями, отношение к Думе и ее депутатам маргинальных слоев мусульманской уммы.

Ценным дополнением в книге являются приложения. Большое впечатление при знакомстве со списком депутатов Государственной думы производит то, что у подавляющего большинства из них (у 46 из 67!) даже оказалось невозможным указать

дату или хотя бы год смерти. Это еще одно свидетельство неизученности данной проблемы. Впрочем, по сравнению с предыдущей монографией Д. Усмановой «Мусульманская фракция и проблемы свободы совести в Государственной Думе России (1907–1917)», изданной в 1999 г., в рецензируемой книге количество лиц, у которых указан год смерти, увеличилось с 12 до 21. Это тоже можно считать научной заслугой ученого.

В целом, можно с уверенностью утверждать, что монография Д. Усмановой, посвященная актуальной и малоизученной проблеме, является заметным шагом вперед в объективном изучении политической истории нашего многонационального, многоконфессионального Отечества.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Даниш Мирослав – кандидат исторических наук, доктор философии, заведующий кафедрой всеобщей истории Университета им. Я.А. Коменского, г. Братислава, Словацкая Республика.

Агеева Наталья Николаевна – старший преподаватель кафедры истории и культуры зарубежных стран Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Вандель Павел Павлович – кандидат исторических наук, доцент, профессор Народного университета, г. Берлин, Германия.

Гинзбург Владимир Яковлевич – инвалид Великой Отечественной войны, преподаватель Колледжа культуры и искусств им. И.С. Палантая (1954–1987 гг.)

Гинзбург Феликс Владимирович – кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета начальных классов Марийского государственного университета.

Ерохин Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Идрисов Рустем Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры зарубежных стран Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Кейдан Владимир Исидорович – филолог-архивист, доцент Института славистики университета г. Урбино, Италия.

Колесова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

Лежнина Елена Владимировна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

Нефедова Татьяна Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

Новик Вера Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

Обидина Юлия Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

Полушина Лариса Витальевна – представитель МИД России в г. Йошкар-Оле.

Рокина Галина Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

Сануков Ксенофонт Никанорович – доктор исторических наук, профессор кафедры региональной истории Марийского государственного университета.

Тимофеев Алексей Сергеевич – соискатель кафедры истории средних веков исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, преподаватель истории образовательного центра «Чаша», г. Йошкар-Ола.

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Владимирского юридического института федеральной службы исполнения наказаний.

Туманов Андрей Геннадьевич – аспирант кафедры международных отношений и связей с общественностью Марийского государственного университета.

Тюлькина Анастасия Алексеевна – выпускница исторического факультета Марийского государственного университета (2009 г.).

Фоминых Алексей Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и связей с общественностью Марийского государственного университета.

Цыкина Юлия Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры культуры и искусств Марийского государственного университета.

Ярыгин Андрей Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Статьи и сообщения	5
<i>Ю.С. Обидина.</i> Учение о переселении души: судьба восточной идеи на Западе	5
<i>А.А. Ярыгин.</i> Американская «аристократия» в социальной структуре центральных и южных колоний Англии в Северной Америке	12
<i>Е.В. Лежнина.</i> Англиканская официальная проповедь как источник по истории религиозно-политической борьбы в Ирландии конца XVII – первой половины XVIII веков	18
<i>Miroslav Daniš.</i> Panslavistické politické procesy so Slovákmi v Uhorsku na konci 19. storočia	28
<i>Р.А. Идрисов.</i> Александр Велепольский и аграрный вопрос в Царстве Польском в XIX веке	34
<i>А.Г. Туманов.</i> Англо-бурская война 1899–1902 годов в оценке русских современников	43
<i>В. Кейдан.</i> Выбор Фёдора Бутенко: судьба интеллектуала-невозвращенца в эпоху тоталитаризма	50
<i>А.С. Тимоцук.</i> Анклавизация традиции как пример взаимодействия Запада и Востока	62
ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ	71
<i>А.С. Тимофеев.</i> Сравнительный анализ отечественной и зарубежной историографии (XX – начала XXI вв.) изучения политико-юридических трактатов Дж. Фортеस्कью (XV в.)	71
<i>Н.Н. Агеева.</i> Взгляды М.И. Ростовцева на проблему исторического развития юга России в контексте взаимодействия западной и восточной цивилизаций	75
<i>В.Н. Ерохин.</i> Современная британская историография об идейных течениях в церкви Англии в первые десятилетия XVII века	80
<i>Г.В. Рокина.</i> Из истории трактовки термина «панславизм» в работах отечественных и зарубежных авторов XIX века	92
ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ	103
<i>Л.В. Полушина.</i> «Государство, Отечество – это мы» (материалы к 100-летию со дня рождения А.А. Громько)	103
<i>А.Е. Фоминых.</i> Книги отзывов Американской национальной выставки в Москве 1959 года	110
<i>Е.В. Колесова, А.А. Тюлькина.</i> Некоторые архивные материалы о позиции СССР накануне и начальном этапе корейской войны 1950–1953 гг.	120
К 65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	132
<i>Ю.Ю. Цыкина.</i> История одной награды	132
<i>П.П. Вандель.</i> Воспоминания о войне	134
<i>Т.Г. Нефёдова.</i> «И, конечно, стремилась я на фронт»: интервью с участницей Великой Отечественной войны А.Л. Тютюковой (из фондов проекта «Человек на войне»)	136
<i>В.Я. Гинзбург, Ф.В. Гинзбург.</i> Евреи в годы Великой Отечественной войны	142
<i>В.М. Новик.</i> «Трэба жыць, як набяжыць»: Великая Отечественная война в воспоминаниях жителей белорусской деревни Малая Воля	149
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	159
<i>К.Н. Сануков.</i> И.А. Гилязов. Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха». Казань, 2005	159
<i>К.Н. Сануков.</i> Диляра Усманова. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916 гг. Казань, 2005	161
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	165

ЗАПАД–ВОСТОК
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

Литературные редакторы:

***О.А. Егошина,
Е.Г. Смоляр***

Компьютерная верстка

С.А. Окишева

Дизайн обложки

В.В. Смирнова

Тем. план 2010 г. № 99.

Подписано в печать 22.10.2013 г. Формат 60×84/8.

Усл. печ. л. 19,53. Уч.-изд. л. 14,20.

Тираж 300. Заказ № 57.

Оригинал-макет подготовлен к печати в РИЦ и отпечатан ООП
ГОУВПО «Марийский государственный университет».
424001, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1.

ЗАПАД–ВОСТОК